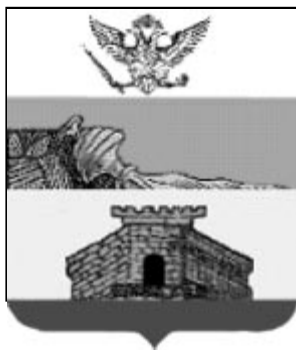

Морев Л. А.

ПОД ПЕРЕЗВОН КОЛОКОЛЬНЫЙ...

Задонск и Задонский
Богородицкий мужской монастырь

Воронеж
2004

ББК 63.3 (2Р-4Ли)
Т 79

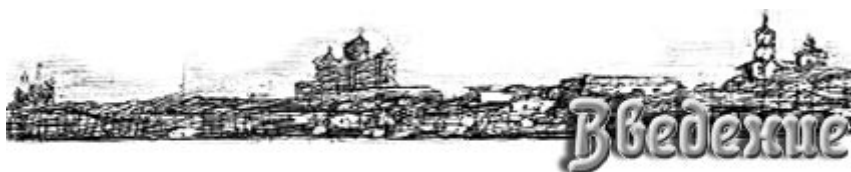
Издание второе, переработанное и дополненное

*Книга издана при содействии
администрации Задонского района*

© Морев Л. А.,
2004

© Бухаров П. Д.,
рисунок заставки

ISBN 5-221-00092-X

роде и невелик городок наш, а никак про него не скажешь, что затерялся он на российских просторах. Да и на страницах истории отечественной нашлось ему место куда как заметное для города столь невеликого и относительно молодого. А причин тому две: дорога и монастырь. Так уж повелось, с тех пор как стал Воронеж колыбелью регулярного флота России, что основной поток грузов и пассажиров из первопрестольной к югу направлялся по дороге, пролегшей через Задонск. И город наш, расположенный при самой серьезной речной переправе на трассе, понятное дело, был не последней по значению станцией вплоть до пуска в 1866-1868 годах Юго-Восточной железной дороги, оставившей Задонск далеко в стороне.

Впрочем, значение Задонска как «транспортного узла» и ямщицкого городка, судя по доступным документам, было изрядно преувеличено в советское время, возможно, из атеистических соображений. Акцент на «дорожный» фактор в развитии Задонска позволял отвлечь внимание от фактора другого — наличия здесь знаменитого монастыря, не только положившего начало нашему городу, но и веками бывшего приводной пружиной местной экономики.

Так что определенное запустение шоссе Москва-Воронеж, не выдержавшего конкуренции с железной дорогой, не слишком сказалось на состоянии экономики и развитии уездного города, доживавшего свой первый век. Утратив значение (никогда, впрочем, и не бывшее большим) как транспортный узел, Задонск не только не растерял, но именно в 60-е годы позапрошлого столетия умножил куда более громкую и не столь скоро преходящую славу религиозного центра, благодаря местному мужскому монастырю с более чем 250-летней историей на тот период.

Известность Задонского Богородицкого монастыря постепенно формировалась с конца века XVIII — времени, когда здесь опочил и был похоронен удалившийся на покой епископ Воронежский и Елецкий Тихон (Соколовский), еще при жизни почитавшийся на-

родом за святого. Еще более упрочило значение Задонска как одного из центров российского православия официальное причисление святителя Тихона к лику святых Русской Православной Церкви, состоявшееся в 1861 году.

Вновь ожила было опустевшая, сравнительно с прежними временами, дорога. Со всех концов Руси Православной шли сотни и тысячи паломников к Задонску, где покоились почитаемые чудотворными мощи одного из самых чтимых в России конца XIX — начала XX веков угодников Божиих...

Вот об этих-то, а по возможности и более ранних временах, и хотелось бы рассказать нынешним задонцам. Зачем? А, *«чтобы»*, следуя словам Великого князя Московского Симеона Гордого, *«не перестала память родителей наших и наша и свеча бы не погасла»*.

Тем более, задонцам есть о чем помнить. Городок нам достался от предков не самый худший. Именно они, деды и прадеды дедов наших сформировали тот город, в котором мы живем сегодня. И грех было бы это забыть. Правда, память иметь надо здравую, не смешивая воедино факты и предания, научно выверенные выводы и досужие измышления...

НА ИЗВИЛЫХ ТРОПАХ КРАЕВЕДЕНИЯ

От времен древнейших

И год и даже день рождения Задонска, как города, известны прекрасно — 25 сентября 1779 года — именно эта дата была на календаре «старого стиля», когда императрица Екатерина II поставила Высочайшую свою подпись под «Именным, данным Сенату» Указом «О составлении Воронежского Наместничества из пятнадцати уездов», который и перевел Слободку (Тешевку) в более высокий статус. Согласно указу, стала бывшая вотчина Тешевского Богородицкого монастыря городом. А заодно — и центром вновь созданного уезда. Наречен был новый город первоначально «Задонской».

Казалось бы, «*тут Родос, тут и прыгай*», как порекомендовал своему приятелю один древний грек. Но есть такая традиция в российском историческом краеведении, заложенная еще Нестором-летописцем, — любое исследование более-менее обобщающего характера начинать «от Адама». И писавшие о Воронежском крае вообще и о Задонске в частности, начиная с митрополита Евгения (в бытность его Е. А. Болховитиновым), традиции этой исправно следовали. Не будем сходить с проторенной тропы и мы.

Тем более, что, в случае с Задонском, эту «тропу» следует по меньшей мере подмести. Ведь для исторического краеведения характерна традиционно вполне патриотичная, но не вполне научная тенденция не просто начинать свой рассказ со времен древнейших, а и непременно изыскивать там то, что хоть скольконибудь может быть похоже на свидетельство существования уже в древности милых сердцу градов и весей с карт дня сегодняш-

него. Не минула чаша сия и Задонск. Совсем недавно, какой-то десяток лет назад, по воле авторов «Липецкого энциклопедического словаря», оказалось, что наш город — *«один из самых древних городов Липецкого края, упоминаемый в летописи под 1116 годом... Ярополк в 1116 году “ходил на половецкие земли к Дону и ту взял полон много и города три половецкие Галин, Чешев и Сугров”. Чешев—Тешев—Задонск»*.

Оно бы, конечно, неплохо, да вот беда, это категоричное утверждение при ближайшем рассмотрении оказывается совершенно безосновательным. Если, конечно, оценивать его с позиций истории как науки.

А историческая наука в XX столетии отвергла предположения историка XIX века И. Д. Беляева, что «города половецкие» находились в среднем течении Дона. В частности, в трудах ведущего российского специалиста по археологии кочевых племен средневековой лесостепи — С. П. Плетневой — убедительно показано, что так называемые «города» находились не на Дону, а в бассейне его притока, именуемого ныне Северский Донец.

Что же касается цепочки «Чешев-Тешев-Задонск», то это и вовсе из области умозрительных предположений, высказанных более века назад воронежскими краеведами Л. Б. Вейнбергом и Е. Л. Марковым после прочтения трудов Беляева. Именно они увязали Чешюев (Чешев) из Лаврентьевской летописи с более поздним Тешевом — гипотетическим средневековым поселением городского типа у речки Тешевки, близ Тешевского леса. В основание столь смелого предположения положены были якобы существовавшие *«особенности местного выговора, путающего “Ч” и “Т”»*, что само по себе спорно. То есть, изначально, построение это возводилось на довольно шатком фундаменте. Особенно, если учесть, что другие летописные своды, например Ипатьевский, называют города Сугров, Шарукан, Балин. И именно такая транскрипция названий подтверждается иными источниками...

Казалось бы картина ясная. Что и признали липецкие энциклопедисты, включив в окончательное 3-х томное издание «Липецкой энциклопедии», уже исторически корректную статью о Задонске.

Но вот, летом 2004 года, трудами сборной команды геральдистов, взявшихся обеспечить Задонский район достойной символикой, в «Положении о гербе муниципального образования "Задонский район" Липецкой области» появляется следующее «историческое» обоснование символики: *«Задонский район образован в 1928 году,*

однако центр района, город Задонск, имеет богатую историю; впервые упоминается в 1116 году. Известен с XIV века как г. Тешев (Чешев) — одно из древнейших русских укрепленных поселений (червлёная крепость) на Дону (лазоревая оконечность)». Строки эти, к счастью, в окончательный вариант «Положения...», опубликованный в печати, не попали. Но сам факт их включения в документ некоей Галиной Туник из «г. Москва», занимавшейся «обоснованием символики», достаточно красноречив. «Липецкий энциклопедический словарь», несмотря на имеющиеся в нем ошибки, остается на полках библиотек. Как, впрочем, и иные, вышедшие в свое время издания, содержащие исторически некорректные, а то и просто фантастические сведения о прошлом Задонска.

Отличилась тут и некогда авторитетная «Большая советская энциклопедия» 3-го издания. В томе IX, увидевшем свет в 1972 году, читаем статью «Задонск»: «Известен с 14 в. как Тешев (по названию протекающей здесь р. Тешевка); к концу 16 в. Тешев был разрушен татарами; в начале 17 в. восстановлен». Откуда такие сведения?

Ведь во втором издании той же БСЭ говорилось лишь, что Задонск: «известен с 16 в. как г. Тешев, с 1779 — как З.».

Не все верно и здесь, но куда ближе к истине. Которая, кстати, была установлена воронежскими историками еще в начале XX века, но в советские времена «подзабылась», как и многое другое из тех «классово чуждых» времен...

Так что не малый есть резон для начала обратиться именно ко временам «седой», «глубокой» и прочей подобной, не слишком хорошо известной, бесписьменной древности.

В нашем случае, когда речь идет об истории Задонска и ближней его округи, «темные» эти столетия простираются от древнейших времен и до самого начала века XVII.

Подобное ограничение письменной источниковой базы открывает, с одной стороны, самые широкие возможности для построения разного рода гипотетических предположений (что не раз и делалось), а с другой — заставляет оперировать в том, что касается древней истории края, в первую очередь, иными доступными источниками. А именно — археологическими свидетельствами. Количество которых, скажем сразу, относительно невелико. На территориях, расположенных южнее и севернее, насчитывается куда большее число археологических памятников. Связано это отчасти с тем, что Липецкая область, из-за долговременного отсутствия собственных квалифицированных кадров, в археологическом отношении ока-

залась изучена заметно хуже соседних территорий. Но есть и другая причина. Дело в специфике Дона в здешнем его течении — главной водной артерии лесостепи, разграничивающей лесную и степную зоны с их антагонистическими в древности способами организации экономики, порождавшими неминуемые военные конфликты. Как всякая пограничная территория, Воронежско-Липецкое Подонье было зоной риска, а потому неохотно и нестабильно заселялось. Хотя и безлюдным не оставалось.

Так, в период владычества Хазарского Каганата в наших краях пролегал его северное, славянизированное приграничье.

Позднее придонские земли в районе Задонска, согласно картам, составленным на основе археологических исследований древнерусских памятников X—XIII в. в., — юго-восточное пограничье Древней Руси. Правда, весьма условное. Фактически же, на протяжении многих сотен лет, эта территория оставалась, за незначительным исключением, зоной, абсолютно незащищенной от сменявших друг друга кочевых племен и боевых отрядов разного рода государственных образований.

Уместно привести здесь точку зрения ведущего специалиста по исторической географии Золотой Орды — доктора исторических наук В. Л. Егорова, изложенную им, в частности, в статье «Владения Золотой Орды в бассейне Верхнего Дона», вошедшей в состав специального сборника «Липецк: начало истории», изданного в 1999 г.

«Достаточно интенсивно обжигалось верхнее и среднее Подонье в период Древнерусского государства. Археологически хорошо изучена распространявшаяся здесь славянская боршевская культура (VIII-X вв.). Казалось бы, столь надежные датирующие материалы и обширный ареал славянских поселений в верхнем и среднем Подонье обнадеживающе свидетельствуют о постоянном обитании здесь славянского населения по крайней мере с VIII века. Однако более углубленное изучение вопроса и раскопки выявленных памятников привели к однозначному и хорошо обоснованному выводу о том, что славянское население покинуло эти благодатные земли в конце X в. Археологические исследования свидетельствуют о массовом уходе славянского населения из этих мест, скорее всего, на север, к Оке, под надежную защиту лесов. Причиной столь внезапного переселения могла стать угроза, исходившая от печенегов, орды которых появились как раз в это время, о чем сообщают русские летописи.

После ухода древнерусского боршевского населения район верхнего и среднего течения Дона, в том числе и тульский степной коридор, оста-

ются практически в полном распоряжении кочевников. Расселившееся по Оке древнерусское племя вятичей на протяжении X-XII вв. старательно обходило безлесные пространства верховьев Дона.

Наметившийся с X в. принцип разделения двух противостоящих хозяйственных укладов — оседлого и кочевого — по границам растительных зон, сохранился в этом районе вплоть до монгольского нашествия на Русь 1237-1241 гг. После образования Золотой Орды в 1242 г. степные пространства верхнего Подонья вошли в состав этого государства в качестве одного из северных улусов. Пограничная линия, отделявшая русское население от золотоордынского, в основном совпала с южной кромкой лесных массивов, которые переходили в лесостепь и уже затем в открытые безлесные пространства.

Прямым следствием (монгольских рейдов) стало не только сокращение населения, но и уменьшение территории, которую оно занимало. Ареал русского населения сжимался за счет его ухода из районов, пограничных со степью, поскольку проживание здесь было не только опасно, но и не гарантировало успешного ведения хозяйства из-за постоянного страха перед золотоордынскими набегами.

В результате, вдоль очень протяженной русско-золотоордынской границы, появились обширные незаселенные пространства, обычно занимавшие переходные лесостепные природные зоны. Такие нейтральные полосы сезонно использовались то одной, то другой стороной для конкретных хозяйственных нужд — обычно для охоты и выпаса скота. Тем более, что для самих кочевников понятие "территория государства" ассоциировалось со степными пространствами, удобными для ведения кочевого хозяйства. А представление о границах практически полностью совпадало со сплошной полосой лесных массивов, ограничивающих степи с севера».

Лишь в конце XVI века левобережье Дона в Доно-Воронежском междуречье стало пригодно для относительно безопасной, а значит — организованной и долговременной в перспективе колонизации, благодаря включению так называемого Дикого Поля в состав российской государственной территории. Что и ознаменовалось строительством ряда крепостей на тогдашней южной границе Руси, включая Елец и Воронеж.

Из изложенного вполне очевидно, что до этого времени существование русского поселения (тем более городского типа) на месте Задонска представляется маловероятным.

Впрочем, и это главное, помимо вышеприведенных аргументов, носящих в большей степени характер предположений, есть еще один,

более веский: отсутствуют археологические свидетельства, позволяющие сделать вывод о существовании на месте современного Задонска постоянного поселения до начала XVII века. И оснований для надежд на то, что подобные свидетельства со временем появятся нет: в 1990-х — начале 2000-х годов в Задонском районе проводились достаточно тщательные археологические разведки, выявившие немало интереснейших памятников. Раскопки их ведут и липецкие, и воронежские, и московские археологи. Но все эти памятники к истории собственно нашего населенного пункта, ставшего в 1779 году Задонском, отношения не имеют.

Не раз доводилось слышать от сторонников досужих краеведческих теорий, «построивших» на месте Задонска город-крепость, «защищавшую рубежи Руси от татар», что, если такая крепость существовала, значит, располагалась она в самом стратегически выгодном месте — на вершине холма у слияния Тешевки и Дона — то есть там, где в начале XVII столетия возник Задонский монастырь и где с тех пор практически безостановочно велись строительные работы. Что, вполне понятно, могло свести на нет оставшиеся материальные свидетельства.

К сожалению, это весьма маловероятно. Ибо мощный культурный слой — а именно таковой и должен был возникнуть в случае протяженного во времени существования поселения (тем более городка, по местным легендам) — не просто было бы скрыть бесследно. Да и периодически выкапываемые из земли осколки посуды, а то и фрагменты инструментов и оружия вряд ли остались бы незамеченными строителями в рьях. И уж тем более подобные находки или рассказы о них монастырских старожиллов не прошли бы мимо иеромонаха Геронтия, автора обстоятельнейшего «Историко-статистического описания первоклассного Задонского Богородицкого монастыря» (последнее, третье издание — 1893 г.), в стенах которого он спасался как раз в середине прошлого столетия — в период наиболее интенсивного здешнего строительства. Но отец Геронтий, скрупулезный собиратель не только исторических фактов, но и местных преданий, приводит лишь одно свидетельство, косвенно связанное с затронутой темой.

Вот что сообщает монастырский летописец: *«Как говорит предание, была встреча князей Рязанских и Елецких с Тамерланом за рекой Доном, в деревне Данщине; битва же между ними происходила будто бы, на месте, занимаемом ныне монастырем Задонским. Это предание подтвердилось в 1827 г. тем, что при закладке ныне существующей*

монастырской колокольни, при бутировании ее, нашли тут огромную могилу, наполненную костями человеческими». То есть, в представлении историка-черноризца из Богородицкой обители, местность, занимаемая монастырем, ассоциируется, применительно ко временам древним, разве что с диким полем, которое вполне могло стать ареной некоей битвы.

Захоронение «наполненное костями человеческими», обнаруженное при закладке здания колокольни Задонского Богородицкого монастыря в 1827 году, по вполне понятным причинам так и осталось неатрибутированным ни по культурной принадлежности, ни по времени совершения. Тем не менее, сам факт его наличия именно в этом месте косвенно позволяет уточнить древнюю топографию местности, занимаемой ныне городом Задонском.

Когда бы ни было совершено упомянутое о Геронтием погребение, вряд ли оно было устроено среди лесной глуши. Исключается, видимо, и возможность того, что монастырские строители вскрыли захоронение на территории некоего древнего поселения. Практика погребения на местах поселений фиксируется археологическими исследованиями (в том числе и на нашей территории), но это, обычно, отдельные захоронения. У отца же Геронтия, судя по использованным выражениям, речь идет о массовом. Для которого, скорее всего, было избрано место открытое, безлесное.

Видимо, не придвинулся лес к пойме Тешевки и позже. Старцы Кирилл и Герасим, основавшие здесь Богородицкую обитель, вряд ли начинали свою созидательную деятельность с вырубки чащи. Да и в межевой грамоте 90-х годов конца XVII века, когда вырубки лесов в Подонье еще только начинались, встречаем следующую фразу, характеризующую положение Тешевской обители относительно опушки леса: межа проходит *«прямо подле Тешевского лесу до Тешевского монастыря»*.

Так что не будет большой смелостью предположить, что с весьма отдаленных времен леса, обильно здесь произраставшие, отстояли достаточно далеко от речки Тешевки, оставляя удобный проход вдоль ее русла к Дону.

Что же было в древности на месте нынешнего города? Пожалуй, опушка простиравшегося до поймы Дона Тешевского леса. Был он обширен, густ и темен. Ведь был Тешевский лес лиственным — «черным», как характеризуют его документы четырехсотлетней давности. По тем же документам можно ориентировочно представить его размеры. Разросся лес Тешевский от Придонья, вдоль Тешевки,

вплоть до рек Репца (на востоке) и Проходни (на севере). Протяженность его вдоль Дона считалась 10 верст, а поперек — 7 верст. Лесистыми, если судить по карте конца XVIII века, возможно, были и холмы, именуемые «Казацкими горами», ныне занимаемые Казенным лесом.

Вовсе не случайно о прошлом территории, занимаемой Задонском, в одном из воронежских губернских изданий сказано так: *«Прежде в этой местности был непроходный лес»*.

Но земли, прилегающие как с севера, так и с юга к оврагу, промытому Тешевкой, вполне могли оставаться безлесными. А потому, не исключено, издревле служили проходом сквозь прибрежное чернолесье к броду через Дон. В пользу такого предположения говорит то, что именно проложенные в древности дороги в большинстве случаев стали основой трактов и шоссе более близких к современности. В том числе — и много позже пролегшего через Задонск. Тянулись же они от брода к броду.

Заметим, что в эту картину отлично вписывается, в частности, такой факт: в начале 1970-х годов на правом берегу Дона, прямо напротив Задонска, в районе спуска к возможной древней переправе, были найдены серебряные арабские дирхемы, датируемые IX—XII веками н. э.

Есть сведения и еще об одной находке, предположительно, достаточно древней, сделанной в непосредственной близости от русла Тешевки, на левом ее берегу, в центре современного Задонска. По сообщению местного краеведа и коллекционера-нумизмата В. И. Капитонова, учениками Задонской средней школы номер 2 как-то была найдена статуэтка (ныне утраченная), вырезанная в форме женской фигурки из «твердого каменистого материала». Она попала в коллекцию ныне покойного задонского же краеведа В. Г. Абанина. Владимир Григорьевич считал статуэтку доказательством существования на месте Задонска весьма раннего по времени возникновения, «дославянского», поселения. Но, как справедливо замечает В. И. Капитонов, находка носила единичный характер. Рядом ничего более обнаружено не было. Так что статуэтка вполне могла быть занесена в наши края кочевниками или торговцами, использовавшими натоптанный с древности путь, пролежавший по берегу Тешевки к броду через Дон.

Если так оно и было, то именно расположение точки более позднего возникновения города Задонска близ важной переправы на гипотетической древней дороге как раз и могло стать определяю-

щим в том, что здесь так и не возникло поселения вплоть до начала активной колонизации края под эгидой Московского государства.

Весьма выигрышный, на первый взгляд, географический фактор, в екатерининские времена сыгравший решающую роль при возведении выросшей здесь слободки в городской статус, в эпохи древние — безгосударственные и малоцивилизованные — как раз был основанием не задерживаться в столь проезжем месте надолго...

А что там, за словом «Тешев»?

И все же... И все же... А откуда, как говорится, «ноги растут» у местных исторических легенд и преданий о «городе Тешеве». Да и что это за «Тешев» такой? Что слово это значит?

Есть, например, деревушка с таким названием в современной Македонии. Встречается оно в адыгейском языке. Так, в племени шапсугов, что проживают близ города Сочи, фамилия «Тешев» весьма распространена. А ведь тамошнее население — осколки Хазарского каганата, некогда простиравшего до Дона свои границы.

Государственное это образование раннего средневековья в VIII веке сделало своей религией иудаизм и влияние этнических евреев (если верить Л. Н. Гумилеву) в Хазарии было довольно сильно. Между тем в иврите — языке Ветхого Завета — есть слово «*тешев*». В переводе на русский, при определенных условиях, «тешев» может значить «трон», «сидение». А плавно полукруглая излучина Дона у Задонска, ограниченная так называемыми Казацкими «горами», весьма таковое «сидение» напоминает. Вот и могли хазарские купцы-рахдониты, этнические евреи по происхождению, оставить прошедшее сквозь века напоминание о привалах в местности «*тешев*» у Дона. Заметим, что такое название носил некий древний, только по имени своему ныне известный, город на берегу Иордана.

Впрочем, подобные предположения вряд ли можно обосновать с достаточной убедительностью. Легче опровергнуть.

Куда больше внимания заслуживает вариант, предложенный задонским автором Ю. Д. Бухаровым, специально занимавшимся вопросом происхождения топонима Тешев.

Придя к выводу, что первично в данной ситуации все-таки наименование речки Тешевка, он, в итоге, предлагает следующее непротиворечивое объяснение: *«Применительно к случаю с Тешевом, исходным скорее всего является именно тот лексический пласт, к которому принадлежит и слово «тещити», то есть «течь», в переводе на*

современный русский язык. Самый общий контур посредствующих звеньев, связывающих этот древний глагол с гидронимом «Тешевка» может быть представлен так: ТЕШЕВКА-ТЕЩИТ—ТЕЩИТИ, где первый элемент соотношения наличествует в реальной топонимии, а второй и третий - в реальном лексическом материале.

Одним из кажущихся существенных недостатков этого варианта этимологизации гидронима «Тешевка» состоит в том, что им предусматривается своеобразный переход «щ» в «ш». И действительно, с точки зрения сравнительного языкознания бесспорен факт того, что старославянскому «щ» в русском языке соответствует «ч», а отнюдь не «ш». Тем не менее, при функционировании не просто слов, а топонимов, такой переход возможен. Более того, исторически зафиксирован по крайней мере один конкретный случай подобного перехода - причем, в местах, непосредственно соседствующих с рекой Тешевкой.

Речь о современном топониме «Даньшино», обозначающем село Задонского района, располагающееся неподалеку от Дона. Собственно, именно это «донское соседство» и послужило основанием для именованя. Первоначально ойконим «Даньшино» буквально совпал с гидронимом «Донщина» (прежнее русло, покинутое рекой Дон, старица на месте этого прежнего протока). Еще в начале XVII века в этой местности возник монастырь, который, впрочем, просуществовал недолго. Соответственно, сей ойконим известен еще и в форме «Даньщина». И, наконец, окончательное переоформление в форме просто «Даньшино». То есть, прослеживается следующая система переходов: «Донщина» > «Даньщино» > «Даньшино», с заменой исходного «щ» на последующее «ш».

Приведенный вариант этимологизации гидронима «Тешевка», где в основе лежат такие характерные признаки водного объекта, как «изливающийся, источающийся, испускающийся», источник какой-то необычной обильности и силы, со многими питающими ключами и ключами-истоками, обладающий быстрым течением и «продирающийся» сквозь густые заросли, - словом, источник, который и «тешит», и «тешет», и «тешется», - хорошо согласуется с сопутствующими реальной речке Тешевке географическими и историческими обстоятельствами. Разветвленная сеть истоков и протоков, сравнительно небольшие размеры и «бурный нор» - все это характеризовало Тешевку почти вплоть до недавнего времени».

Появление же топонима «Тешев» в анналах российской истории относится к 1350—1351 годам. Именно так, приблизительно, датируется «Докончание великого князя Семена Ивановича с князьями

Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем», где есть строки: *«Или что мя благословила которыми волостьми тетка моя, княгиня Анна, Заячковым, Тешевым...»*.

Документ этот опубликован в составе объемистого тома «Духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV-XV вв.», вышедшего в свет под редакцией академика Л. В. Черепнина в 1950 году.

Как указывает публикатор, текст грамоты, ввиду ее сильной изорванности, очень фрагментирован. Как до слова *«Тешевым»*, так и после него имеются нечитаемые участки, ввиду чего доступный для исследования текст не позволяет выполнить сколько-нибудь четкую географическую привязку топонима.

С достаточной долей уверенности можно утверждать, что волость Тешев из внутрисемейного договора московских князей никакого отношения, кроме топонимического созвучия, к ныне не существующему Тешевскому лесу и доньне окончательно не пересохшей речке Тешевке не имеет. Дело в том, что при великом московском князе Симеоне Гордом (а именно он и есть тот самый Семен Иванович, который делит с братьями княжество) пределы московские не простирались столь далеко. Это подтверждают исследования москвички А. А. Юшко, по настоящее время углубленно занимающейся вопросами формирования княжества Московского.

Территория, где сейчас расположен Задонск, если и контролировалась каким из русских княжеств в то время, то разве что Рязанью, бывшей с Москвой в отношениях, мягко говоря, напряженных. И речь идет, скорее всего, о каком-то топониме на территории тогдашнего княжества Московского, возможно, связанном с рекой Тешей. Не случайно Л. В. Черепнин в географическом указателе, сопровождающем издание, не только никак не комментирует топоним «Тешев» из грамоты 1350–51 года, но и отделяет его от более позднего «Тешева» из грамоты 1496 года, четко атрибутированного как волость Переяславль–Рязанского уезда.

Да и в целом возможность возникновения городка у слияния Тешевки с Доном в этот период вызывает весьма большие сомнения. В то время как земли московские, благодаря умелой политике Калиты и его потомков, отдохали от татарских набегов, Рязань, а тем более окраинные территории княжества Рязанского, пили чашу горькую до дна. Причем, доставалось рязанцам как от ордынцев, так и от московских союзников монголо-татар. *«Ни одна русская земля в то время не терпела столько разорений, как*

рязанская. Ее беспрестанно опустошали то татары, то москвичи», — так охарактеризовал ситуацию Н. И. Костомаров. Результат подобных опустошений был печален.

Митрополит Московский Пимен, чей путь лежал в Византию, в 1389 году *«влезши в суды... поплыхом рекою Доном на низ»*. Сопровождавший его дьякон Игнатий по прозвищу Смольянин — автор «Хождения Пименова в Царьград» — оставил следующее мрачное описание тогдашнего Подонья: *«Бысть же сие путное шествие печально и уныльниво, бяше бо пустынно зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже, ни града, ни села, аще бо и бываша древне грады красны и нарочиты зело видением, места точию пустожь все и не населено; ни где бо видети и человека, токмо пустыня велия и зверей множество... и птицы... и бяша вся пустыня велия»*. Причем, по мнению автора «Липецкой топонимии» В. А. Прохорова, речь идет и о местах, где ныне расположен Задонск. Согласно его расчетам, упоминаемая в «Хождении» «Острая Лука» — не что иное как крутая излучина Дона, *«зафиксированная практически на всех, даже мелкомасштабных картах и расположенная всего в паре километров ниже Задонска по течению»*. А значит, возможно, в задонских и близких к ним краях почерпнул дьякон Игнатий впечатления для своих печальных записей, свидетельствующих о запустении Среднего и Верхнего Подонья в конце XIV века...

Но если на момент путешествия Игнатия Смольянина по крайней мере на правом берегу Дона весьма уверенно чувствовало себя подчиненное то ли Золотой Орде, то ли Рязани княжество Елецкое, то спустя лишь три десятилетия и от него не остается следа.

В 1395 году на Елец обрушился Тимур. Затем одно за другим следуют татарские нашествия, как следствие периода «великой замятни» и последовавшего за тем распада Золотой Орды.

Самым разорительным для елецкой земли стал набег 1414 года. По свидетельству Никоновской летописи татары *«Елец взяша, и елецкого князя убиша, а инии в Рязань убежаша»*. Именно с этим набегом связывал временное исчезновение Ельца с исторической карты России В. П. Загоровский.

В своей последней работе «История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке», увидевшей свет в 1991 году, Загоровский — видный специалист по российской колонизации Дикого Поля — приходит к выводу, что к 1427 году Елецкого княжества более не существовало. Вывод этот основан на свидетельстве литовских документов, опубликованных

в конце XIX века А. Барбашевым. Там говорится, что во время поездки литовского князя Витовта в Рязанскую землю в 1427 г. его, как своего покровителя встречали все подчиненные и зависимые от Рязани князья, но елецкого князя среди них не было.

А чуть позже, по мнению В. П. Загоровского, практически все земли Центрального Черноземья вошли в состав Большой Орды, сформировавшейся в 30-60-е гг. XV в..

Большая Орда, впрочем, не была достаточно крепким государственным образованием. Здесь отсутствовали города, сохранялся кочевой образ жизни. А потому не приходится говорить о скольконибудь постоянном и жестком контроле подвластных территорий, особенно на окраинах. И постепенно русское население начинает возвращаться в ранее оставленные края.

Так что не случайно появление в самом конце XV века топонима «Тешев» на страницах исторических документов. И, что особенно важно, на этот раз в контексте, позволяющем с немалой долей вероятности увязать его с историей Задонска.

Упоминание о некоем, явно находящемся в «нашем» Подонье, Тешеве встречаем мы в «Докончании» (договоре) великого князя Рязанского Ивана Васильевича и брата его, удельного князя Федора Васильевича от 19 августа 1496 года. Договариваются братья о разделе забот по управлению княжеством Рязанским. А потому очень подробно перечисляют разные его составляющие.

Документ хорошо сохранился, текст его читается полностью. Он неоднократно публиковался. И часто, но к сожалению, не точно, цитировался.

Точная же цитата из внутрирязанского докончания звучит так: *«А что... мордва деленная во Цне, и в Карабугинском уезде бортники, и в Бовыкине, и в Вороножи в Верхнем, и Тешев весь, и в Дону реце жеребеи, и перевитские бортники, и рязанские бортники, и Мещерские волости с оброки и з доходы по старине, что ся ... в делу достало»*. «Тешев весь» отписывается «братом Иваном» в удел «брату Федору».

Кстати заметить, что документ ранее не только неточно цитировался в местной краеведческой литературе, но и именовался, а иногда и датировался ошибочно.

В ряде публикаций 1960-1970-х годов знатоки задонского прошлого ведут речь о жалованной грамоте великого князя Московского Ивана Васильевича князю Федору Васильевичу Рязанскому от 1496 года. Поводом для ошибки стало то, что великий князь Рязан-

ский Иван Васильевич, на самом деле являвшийся одной из договаривающихся сторон, был тезкой по титулу и имени современному ему московскому правителю.

Начало такой краеведческой традиции положил иеромонах Геронтий, введенный в заблуждение тем, как рязанские dokonчания интерпретированы были митрополитом Евгением (Болховитиновым) — автором «Исторического, географического и экономического описания Воронежской губернии», — за которым Геронтий в общесторической части своего сочинения следовал беспрекословно.

Те же, кто писал об истории Задонска и края уже в советское время, чаще всего руководствовались именно трудом о. Геронтия. Итогом стало то, что в публикациях «большой» истории по поводу слов «Тешев весь» изначально велась речь о «договоре двух братьев», а вот местные знатоки в этом случае считали, что цитируют «жалованную грамоту» великого князя Московского. И эта незначительная вроде бы ошибка, на деле не столь невинна, как может показаться на первый взгляд.

Упоминание того или иного топонима во внутрирязанском договоре, когда договаривающиеся стороны знают все закоулки своих владений по имени — это одно. А когда тот же топоним упоминается в межгосударственном по тем временам соглашении Москвы с Рязанью — это уже совсем иной масштаб его известности, а следовательно, и значения.

К сожалению, реальный договор Великого князя Московского со-прежнему великим, но уже преклонившимся под крыло Москвы князем Рязанским от 9 июня 1483 года Тешев в числе южных опорных пунктов не упоминает. О ближнем к Задонску Подонье там говорится лишь следующее: *«А что за Доном твое, великого князя Иваново, Романцево с уездом и что к нему потягло, и нам великому князю (московскому) в то не вступатися, а тебе не вступатися в нашу отчину в Елечь, и во все елецкая места, а Меча ведати вопче».*

Процитированный документ 1483 года показывает, что на момент его составления на относительно близких к будущему Задонску территориях из административных центров имелись лишь Романцев и Елец.

Средневековый Елец находился на месте нынешнего, расположенного на 30 километров (по прямой) севернее Задонска. Исторический Романцев, по мнению ряда исследователей, увязывается с поселениями, обнаруженным археологами в районе современных правобережных придонских сел Перехваль Данковского и Романо-

во Лебедянского районов, также расположенных севернее. Причем, километров на 80.

Таким образом, из текста московско-рязанского договора 1483 года следует, что пограничными южными территориями обоих княжеств в Подонье были земли, лежащие заметно севернее Задонска, в Донском правобережье, и группировавшиеся в то время вокруг топонимов, с изрядной вероятностью атрибутируемых как города — Елец и Романцев.

Хотя на этот счет имеется и другое, причем, весьма авторитетное мнение. Его высказал В. П. Загоровский. Он считает, что в конце XV века *«здесь находились лишь селища, места разоренных татарами сел и деревень, да, может быть, промысловые бортовые и рыбные ухажьи»*. И упоминание в договоре конкретных топонимов — имен реально не существовавших к тому времени городов (по В. П. Загоровскому последние жители покинули Елец в сентябре 1414 года) — носит чисто формально-топографический характер, позволяя обозначить границы делимых территорий с опорой на точки, известные с более давних времен.

Позиция, скажем так, не бесспорная. Но, так или иначе, а топонимы, перечисляемые в грамоте 1496 года, в общем, укладываются в границы, обозначенные грамотой 1483-го. За исключением Тешева. Если, конечно, вести речь о «Тешеве», как о топониме, происхождение которого связано с Тешевским лесом или речкой Тешевкой, — то есть местами, непосредственно связанными с последующей историей возникновения и развития Задонска. В этом случае прибавление Тешева к списку рязанских территорий можно расценить как свидетельство не только дальнейшего продвижения к югу, но и начала колонизации левобережья Дона. Причем, в период между составлением грамот.

В этом случае позволительно предположить, что в сфере Рязанского влияния (а значит и в составе государства Российского) территория нынешнего Задонска оказывается где-то между 1483 и 1496 годом.

Но возник ли на этой территории город?

Ряд ученых-историков XIX столетия — времени, когда критический подход к источникам и российская археология делали только первые шаги, а уж за ними — и краеведы, ссылаясь на «Тешев весь», однозначно трактовали эти слова как неоспоримое свидетельство существования на месте Задонска уже в конце XV века постоянного поселения или, даже, крепости с уездом.

С тех пор, трудами российских археологов и специалистов по вопросам становления Московского, а потом — и Российского государства, картина распространения границ российских была заметно скорректирована и уточнена. И — не в пользу многих предположений предшествующего столетия, основанных на безоговорочном доверии к текстам летописей и иных документов, требующих критического подхода. Невозможным было признано и существование городка Тешев на месте Задонска.

Тем не менее городская атрибуция слов «Тешев весь» вновь прозвучала уже в конце XX века в докладе В. М. Важинского, включенном в «Материалы научно-практической конференции-ярмарки», изданные в Липецке в 1994 году.

Пошло такое толкование, судя по всему, с «Истории княжества Рязанского» Д. И. Иловайского, изданной в середине прошлого столетия и достаточно в свое время распространенной. По поводу топонимов, упоминаемых в договоре двух братьев 1496 года, в «Истории...», в частности, сказано: *«Тешев, который надобно искать где-нибудь между Воронежем и Доном»*. И тут же сделана сноска: *«На речке Тешевке, на месте Задонска, как предполагает г. Калайдович»*. Примечание это, надо заметить, весьма примечательно. Тем самым, достаточно маститый на момент написания «Истории...» ученый избегает необходимости делать собственные сколько-нибудь конкретные выводы из столь краткого и неконкретного упоминания о Тешеве. Он предпочел сослаться на мнение более раннего и подилетантски смелого исследователя, принадлежащего ко времени первых самостоятельных шагов российской исторической школы — археографа и историка К. Ф. Калайдовича, который, по словам биографов, «не обнимая истории в целом», был «любителем, знатоком, искателем частных».

А вот П. Н. Черменский, опубликовавший свое «Прошлое Тамбовского края» веком позже (1961 г.), но явно знакомый с трудом Иловайского, уже куда более конкретен в своих выводах: *«Административными центрами донских уездов являлись городки Романцев и Тешев... Южнее владений великого князя Ивана Васильевича находилась вотчина удельного князя Федора Васильевича — городок Тешев с уездом («Тешев весь»)». Городок стоял на левом берегу Дона, при устье реки Тешевки. Здесь переправлялись через Дон путники, следовавшие из Москвы в Воронежский край. Тешевский уезд простирался по Дону к реке Воронеж»*. Без оговорок следует за П. Н. Черменским, ограничиваясь прямым его цитированием, и В. А. Прохоров, автор «Липец-

кой топонимии», вышедшей в 1981 году и по-прежнему широко доступной для интересующихся историей родного края.

Меж тем подробности, приводимые П. Н. Черменским, как говорится, ошеломляют. Но откуда подобная осведомленность? Да все отсюда же. Все «подробности» вычитаны «за строками» договора двух братьев, откуда их не рискнул извлечь обладавший меньшей фантазией и большей добросовестностью Д. И. Иловайский. Но в истории чтение между строк, а вернее, подмена действительного желаемым не приводит к искомой истине, а как раз удаляет от нее. Черменский, без должных на то оснований, ставил знак равенства между тем, что известно о «Романцеве с уездом» и о Тешеве. Но Романцев и в грамоте 1483, и в 1496 году упоминается как расположенный у Дона город — центр уезда. А сообщение о Тешеве не столь конкретно.

Что касается прочих «подробностей» задонской истории из книги Черменского, то они еще менее обоснованны и являют, по сути дела, результат механического переноса более поздних по времени атрибутов Задонска и уезда в прошлое с совершенно иными обстоятельствами.

О каких, например, путниках «из Москвы в Воронежский край» может идти речь в конце XV века, когда местность этого самого края была дикой окраиной Рязанского княжества и до строительства Воронежа оставалось почти сто лет?

Да и вообще, внимательное изучение текста договора двух братьев не дает серьезных оснований для атрибуции топонима «Тешев» именно как города, тем более — центра уезда. Речь в процитированном выше абзаце из рязанского «Докончания» идет скорее о неких территориях, тяготеющих к рекам и иным топографическим ориентирам, нежели об административных единицах и их центрах.

Видимо, поэтому издатель духовных и договорных грамот московских и удельных князей Л. В. Черепнин в комментариях к географическому указателю однозначно атрибутирует «Тешев весь» лишь как возможную волость Переяславль-Рязанского уезда, а не город с уездом.

Еще более категоричен в этом вопросе В. П. Загоровский: *«Нет никаких оснований считать, что в конце XV в. и в «Романцеве», и в «Тешеве» существовали постоянные русские поселения».*

И действительно, трудно представить долговременное существование левобережного придонского городка на самой границе формирующегося Российского государства в то весьма беспокойное время. Распад Золотой Орды на более мелкие военно-государственные

формирования заметно обострил ситуацию на южных границах Руси. Вместо грозного, но достаточно организованного в государственном плане и заинтересованного в стабильном притоке дани соседствующая на рубежах Юго-Восточной Руси оказалась ряд соперничающих орд, всегда готовых к набегам, приобретавшим все более частый и все более разбойничий характер. *«В ходе этих вторжений, — замечает В. П. Загоровский, — завершился процесс запустения земель в пределах бывших Курского и Елецкого княжеств. Во время нашего хана Ахмата на Русь в 1480 г. и его бегства после известного "стояния на Угре" основная территория современного Центрального Черноземья была уже в полном смысле слова Поле».*

В 90-х гг. XV в. русские летописи сообщают об эпизодических выездах московских воевод с ратными людьми в Поле, «под Орду». Один из таких походов состоялся, по свидетельству Никоновской летописи, в мае 1491 г. Тогда "посылал князь великий (Иван III — В. З.) воевод своих с силою в Поле на помощь крымскому царю от ордынских царей". Хотя точный маршрут воевод не известен, сам факт выхода московского войска в 1491 г. в географические пределы Центрального Черноземья не вызывает сомнений.

В 1492 г. воеводы Федор Колтовский и Горяин Сидоров нагнали уходивший после грабежа отряд ордынских татар "в Поле, промеж Трудов и Быстрые Сосны". Подобная географическая детализация, приведенная в Никоновской летописи, не оставляет сомнений в том, что берега Быстрой Сосны являлись в конце XV в. частью Поля, что постоянных русских поселений здесь не было».

Вплоть до середины XVI века Дикое Поле — зона между южными и юго-восточными татарскими «царствами» и Украиной Руси, находившаяся вне военного контроля России — начиналось сразу за Тулой. Прервалось существование Ельца. Уничтожены были и другие города, только-только обозначившие заселение территории нынешней Липецкой области. Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, посещавший «Московию» в 1517 и 1526 годах, в своих «Записках» сообщает, в частности, о том, что Данков («Донко») это *«древний и разрушенный город»*. Возобновлена крепость в Данкове была лишь в 1568 году.

А в 1571 году государство Российское оказывается в силах вновь заявить свои претензии на Подонье в районе Ельца. В феврале в Москве под руководством боярина М. И. Воротынского собрались *«дети боярские, станичники и сторожи и вожи»* для выработки общих принципов организации сторожевой и станичной службы. На

Поле, в пределах современных областей Черноземья, создавалось 4 общероссийские сторожи, которые должны были выслеживать татарские отряды совместно со станицами и сторожами из Рыльского и Путивля.

Как раз с этого времени территория современного Задонского района и оказывается в сфере внимания крепнущего государства Российского.

Так что не случайно в перечне окраинных сторожевых постов конца шестнадцатого столетия можно встретить такие близлежащие к Задонску топонимы, как Галичьи горы, речка Паниковец и Тешевский лес. А вот ни о каком городке в том, видимо, весьма пустынном лесу, не упоминается.

Зато, как явствует из «разспросу боярина князя Михаила Ивановича Воротынского» 1571 года, особое внимание тем, кого наряжали в сторожу на Галичьих Горах, рекомендовалось уделять на топанной к тому времени татарской дороге, проходившей по нашему, левому берегу Дона и заканчивавшейся как раз на участке подконтрольном галичьегорским дозорным, где, видимо, был «перелаз» — брод через Дон. *«Дорога, которую ходят позадь Тишевского лесу, пришла к усть Липовицы ж»*. А подобные дороги, которые использовали татары для своих грабительских набегов на русские пределы, прокладывались в местах безопасных, удаленных от разного рода пограничных сторожевых пунктов...

ОТ СТАРЦЕВ КУРЦМА И ГЕРАСИМА

О чем рассказала икона?

Пришло время веку шестнадцатому отсчитать последние десятилетия. И были они для юго-восточной, «полевой» *украины* Российской куда более мирными, чем первые.

Свою роль сыграла отлаженная сторожевая служба. В ее задачи входило раннее оповещение о приближении противника и устройство степных пожаров для лишения татарской конницы корма. Бушевали заградительные пожары и в наших краях.

Росписи 1572 года сохранили, в частности, такое указание: *«Из Донкова жечи поле: вниз по Дону, на правой стороне Дону до усть Мечи и до усть Сосны Быстры и до усть Снав Донских и до усть Девич и до усть Тихие Сосны. Да меж Мечи и Быстрые Сосны и Дону до усть Воронежа. А посылати из Данкова поле жечи три станицы, а в станицах по шти человек. И выжечи поле без пропуску».*

Но, при всех ее успехах, вполне понятно, организация сторожевой службы коренным образом проблемы обороны южных рубежей не решала. Так что ставка была сделана на строительство крепостей и сотрудничество с вольным казачеством, расселившимся по Дону вплоть до его низовьев, по-прежнему недоступных дезорганизованному опричниной и ослабленному в военном отношении Российскому государству. Реализация намеченного и изменила для Москвы к лучшему неблагоприятную ситуацию в Подонье.

Так что, начавшись огнем и мечом, завершался век XVI, напротив, относительным умиротворением южных границ.

Государство Российское наконец-то окончательно перешагнуло Дон и двинулось вглубь южных степей. Каковой факт и ознамено-

вался сооружением целого ряда крепостей в «Диком Поле». В 1585 — 1593 годах были основаны или возобновлены Воронеж, Елец, Белгород, Оскол, Валуйки, отодвинувшие границы государства далеко на юг, по сравнению с прежними его рубежами. Одновременно, как отмечает Р. Г. Скрынников, «началось заселение крестьянами *района старых засечных линий (Елец — Воронеж — Курск)*». В том числе — и территории современного Задонского района.

Сооружение укрепленных поселений на юге потребовало создания системы коммуникаций для связи с ними. По наиболее коротким и удобным «сакмам», использовавшимся еще степняками для набегов на Южную Русь, теперь пролегли колеи внутригосударственных дорог. По ним следовали войска и обозы припасов для снабжения гарнизонов расширявшейся сети пограничных крепостей. И гипотетический древний путь, имевший «перелаз» через Дон у впадения в него Тешевки, также становится основой для постоянной дороги на Воронеж со стороны Ельца.

Известны исторические документы подтверждающие, что в этот период дорога от Ельца к Воронежу не только уже существовала, но и (в общих чертах, конечно) проходила знакомым нынче маршрутом, постепенно превращаясь из военной тропы «Дикого Поля» в одну из транспортных артерий государства Российского. В росписях елецких сторож от 1623 года, в числе прочих, упоминается и «*Воронежская дорога*», проходящая близ речки Паниковец.

Впрочем, не только сапоги стрельцов, копыта конницы да колеса обозных телег трамбовали пыль новых дорог. Как уже сказано выше, практически одновременно с военной шла мирная — крестьянская колонизация края. Верставшихся на службу в украинные городки казаков, и «командировавшихся» на пограничную службу кадровых воинов жаловали не только деньгами, но и поместьями. Причем, из земель, располагавшихся неподалеку от места службы. Не случайно по окладным записям начала семнадцатого века в селах на территории нынешнего Задонского района числятся почти сплошь земли и крестьяне казаков да прочих мелкопоместных служилых елецких людей. Селились на новых землях, чье освоение только начиналось, и люди беглые, решившие поменять притертое ярмо на свежее. А потому неудивительно, что, недолге после основания Воронежа, ставшего центром новых территорий, дорога, к нему ведшая, сделалась трактом весьма оживленным.

Вот у этой-то дороги, при переправе через Дон, близ речки Тешевки, и основали Тешевский монастырь «за Доном» два монаше-

ствующих старца — Кирилл и Герасим, прибывшие сюда из самой первопрестольной, где спасались они в Московском Сретенском монастыре.

Именно эти имена упоминают Писцовые книги Засосенского стана Елецкого уезда 1628-1630 годов, фиксирующие имущественное положение, в котором находился к тому времени *«монастырь Тешевской на реке на Дону, усть речки Тешевки, под Тешевским лесом»*. Как отмечено в цитируемой записи: *«в церковь поставленье и в церкви образа местные и книги и ризы и у церкви колокола и все церковное и монастырское строенье дву старцев Кирилла и Герасима»*. Но откуда известно, что пришли эти старцы из Московского Сретенского монастыря?

Как сообщает о. Геронтий в своем «Описании...» 1893 г. издания: *«признаем достовернейшим предание, что старцы Кирилл и Герасим... пришли (быть может даже по благословию многострадального св. Патриарха Гермогена) от Московского Сретенского монастыря»*. Правда, автор более ранний и весьма для своего времени компетентный, а именно — Е. А. Болховитинов (будущий митрополит Киевский Евгений), опубликовавший «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» в 1800 г., о таком предании не знает. Он сам, как историк, анализируя известные факты, делает следующее предположение: *«можно также догадываться по именованию храма, не из Сретенского ли Московского монастыря и пришли для основания вышеупомянутые старцы»*. В основе предположения — все та же запись в Елецких Писцовых книгах 1628-1630 гг., указывающая, в частности, что церковь в Тешевском монастыре была *«во имя Пречистые Богородицы Сретения Владимирския иконы»*.

Видимо, это замечание авторитетного автора и послужило в дальнейшем основой для «предания», о котором спустя более чем полвека упоминает о. Геронтий, приводя, впрочем, в подтверждение обосновываемой точки зрения еще ряд моментов, помимо столь красноречивого названия храма.

Весьма справедливо, на наш взгляд, задонский монах-историк обращает внимание на самую древнюю святыню монастыря у слияния Тешевки с Доном — Владимирскую икону Пресвятой Богородицы — копию прославленной общерусской святыни, принесенную именно отцами-основателями обители (об этом сообщает действительно древнее предание). Основание храма в честь Сретения этого святого образа — праздника, ежегодно отмечаемого 26 августа (8 сентября нов. ст.) по православному календарю, — у Дона, на

пути от Ельца в «Поле», весьма символично с учетом церковной исторической традиции.

Созидание монастыря — обители молитвенников пред Господом — есть не только факт истории, но и факт духовный. Именно поэтому о. Геронтий обращает свой взор на события 1395 г., когда грозила Руси рать Тамерлана. Поводом для подобной ретроспективы стало то, что, предположительно, как раз где-то в здешних придонских землях имело место известное явление Богоматери Тимуру, отвратившее Железного Хромца от продолжения похода на Русь после сожжения Ельца. Не случайно в представлении местных жителей и в XIX веке название соседнего с Задонском села Даньшино увязывалось с требованием дани именно этим азиатским властителем. И, хотя «народная топонимика» абсолютно неверна, она показывает, сколь крепка оказалась память поколений о кровавом нашествии.

Чудо же, избавившее землю Русскую от продолжения Тимурова вторжения, явлено было 26 августа (8 сентября нов. ст.) 1395 года, когда в Москве торжественно встречали привезенный из Владимира издревле чтимый образ Богородицы. Позднее, в память о благодатном событии, на месте встречи (сретения) делегации, доставившей святыню из Владимира, был заложен Московский Сретенский монастырь.

Таким образом, с учетом избрания места основания монастыря, храмового его праздника и сюжета иконы, принесенной отцами-основателями, можно с известной долей уверенности говорить о том, что стопы свои на берег Дона направили старцы Кирилл и Герасим именно от врат Московского Сретенского монастыря.

Точная, до года, дата основания Задонской обители у устья Тешевки неизвестна. Хотя, сведя воедино, то, что известно о России рубежа XVI—XVII веков вообще и о заселении нашего края в этот период в частности, можно достаточно уверенно ограничить возможный период возникновения Тешевского монастыря 1606 — 1610 годами.

По сохранившимся историческим документам установлено, что будущая Задонская обитель (под именем Тешевского монастыря) впервые упоминается в 1615 году. Этот факт стал известен в начале нынешнего столетия, благодаря трудам жителя города Задонска, историка далеко не уездного масштаба, действительного члена Воронежского церковного историко-археологического комитета, С. Н. Введенского, получившего в свое время доступ к столичным хранилищам древних актов.

В 1907 году он был направлен в архивы министерства юстиции, где занимался копированием писцовых, переписных, межевых, платежных книг начала семнадцатого века, составленных по территориям, которые позднее вошли в состав Воронежской губернии. То есть (что весьма важно!), Введенский работал непосредственно с оригиналами документов. А к Задонску и Богородицкому монастырю у Сергея Николаевича интерес был особый — до переезда в Воронеж почти четверть века прожил он здесь, сначала преподавая в местном духовном училище, а затем являясь его попечителем и инспектором народных училищ Задонского уезда.

Итоги своих архивных изысканий, относящиеся к Задонску, С. Н. Введенский обобщил в статье «Хозяйственная деятельность Тешевского (Задонского Богородицкого) монастыря на Донской Украине в XVII и в первые годы XVIII века». Эта публикация, пожалуй, наиболее серьезное в научном плане дореволюционное историческое исследование, касающееся прошлого Задонского мужского монастыря. Данная статья была представлена на суд читателей в 1904 году на страницах выпуска № 5 «Воронежской старины».

Таким образом, можно считать вполне достоверным, что первым бесспорным упоминанием Задонской обители и населенного пункта у ее стен является следующая запись в Платежных книгах Засосенского стана Елецкого уезда от 7123 (1615) года: *«Монастырь Тешевской на берег реки Дону, усть речки Тешевки. За монастырем, под Тешевским лесом, слободка Тешевская на речке Тешевке на верхах»*. То есть, к 1615 году, монастырь не только существовал, но и имел приписанную к нему слободку с крестьянами. А ведь для того, чтобы предстать на страницах учетных документов уже оформившимся вотчинником — владельцем земли и крестьян, монашеская обитель должна была не только организовать фактически, но и бить челом государю о «земле и людишках» и на свою челобитную получить удовлетворение. Для чего, вполне понятно, по неспешной жизни того времени, требовались не то, что месяцы, а, порой, и годы. Поэтому неправильным было бы ставить знак равенства между датой первого упоминания Задонского монастыря в письменных источниках и датой его основания.

Подтверждение тому запечатлено было на первой святыне Богородицкой обители — Владимирской иконе Божией Матери, принесенной старцами — основателями Богородицкой обители. Эта икона, бережно и благоговейно сохранявшаяся поколениями черноризцев до самого упразднения Задонской обители в конце 20-х

годов двадцатого же столетия, являла (в центральной части композиции) копию общерусской святыни — Владимирской иконы Божией Матери, написанной, как повествует традиция, самим св. апостолом и евангелистом Лукой и привезенную на Русь из Греции. К сожалению, Задонский вариант этого чтимого изображения Богоматери был утрачен в ходе церковных погромов начала 1930-х годов. Но сохранилось его описание, оставленное очевидцем — иеромонахом Геронтием: *«Образ писан на доске корсунской иконописью; вышина его 9 3/4 вершка (43,3 см), ширина 9 вершков (40 см); по сторонам изображения — с левой стороны св. Дмитрия Царевича, с правой — св. Василия Великого».*

Описание, оставленное отцом Геронтием, дало возможность с высокой достоверностью художественно восстановить утраченную святыню (храмовая икона Божией Матери во Владимирском соборе Задонского мужского монастыря является реконструкцией). Но не менее важно, что оно оказалось определяющим для уточнения предположительной даты основания обители у Дона.

Как сказано выше, икона лишь в центральной своей части была списком с общерусской святыни. Дополняли ее образы святых, помещенные на полях. Они и позволяют сузить хронологические рамки основания Богородицкого монастыря.

Слева от образа Пресвятой Богородицы кисть иконописца изобразила царевича Дмитрия, канонизированного только в 1606 году. Справа располагался образ св. Василия Великого, избранный вовсе не случайно. Этот святой считался небесным покровителем царя Василия Шуйского, в правление которого и состоялось обретение мощей царевича Дмитрия. Царствовал Шуйский с 1606 по 1610 год. Видимо, к данному четырехлетнему промежутку и следует отнести создание иконы. Следовательно, основание монастыря не могло произойти ранее 1606 г. И вряд ли имело место заметно позже 1610 г.

Ведь, в соответствии с бытовавшими в средневековье традициями, подобная торжественная икона была написана, скорее всего, «по случаю», специально для монахов-миссионеров, отправлявшихся в дальние края с задачей основать монастырь. А значит, произошло это в годы, когда св. Василий был покровителем царствующего дома.

Или, в крайнем случае, в период польского междуцарствия, как воспоминание о последнем православном царе на московском престоле (осенью-весной 1611-1612 гг.), когда низложенный, насиль-

но постриженный в монахи и плененный Василий Шуйский доживал последние дни в Варшаве. Скорбная судьба Василия могла сказаться в выборе образов для клейм. Св. Димитрий Царевич — сын Ивана Грозного, согласно слухам того времени, принял мученическую кончину от «узурпатора» Бориса Годунова. То есть, его изображение напоминает о трагической судьбе последнего законного наследника престола из числа потомков Рюрика. В свою очередь, св. Василий Великий мог олицетворять последнего на тот момент православного царя Руси, умирающего в плену у очередного узурпатора — короля Сигизмунда, посадившего на московский трон своего сына Владислава, католика по вероисповеданию. Правда, в качестве контраргумента подобной версии формирования сюжета иконы может быть использована известная по многим документам общая, «всех чинов и званий», нелюбовь россиян к «боярскому царю» Василию Шуйскому, о котором, если и вспоминали после низложения, то без печали и сожаления.

Но не менее известным является и такой факт истории Церкви Российской, как неприятие священномучеником Ермогеном (Гермогеном), Патриархом Московским и всея Руси, «дела мятежного» — вынужденного отречения Василия Шуйского от престола. Как отмечает М. В. Толстой, *«патриарх торжественно молился за Василия в храмах, как за помазанника Божия, царя России, хотя и в темнице; торжественно проклинал бунт и не признавал Василия иноком»*. А по предположению, высказанному еще иеромонахом Геронтием, старцы Кирилл и Герасим пришли на берег Дона *«быть может даже по по благословению многострадального св. Патриарха Гермогена»*.

Но насколько достоверна датировка, основанная на иконописном сюжете? Ведь икона могла попасть в монастырь позднее, уже после его основания. К счастью, в данном случае, для умозаключений, ограничивающих временные рамки возникновения Задонского Богородицкого монастыря периодом, соответствующим наиболее вероятному появлению рассматриваемых изображений, помимо общероссийских исторических реалий, находятся и иные основания. Уже более локального характера. Вытекающие из ситуации, сложившейся в конце XVI — начале XVII веков в Воронежско-Елецком Подонье.

В наиболее ранних документах, относящихся к Засосенскому стану Елецкого уезда (понятное дело, появившемуся лишь после 1592 года, когда был возобновлен сожженный Елец), мы не встречаем упоминания о Тешевском монастыре. Что и не удивительно. Заселение

земель между Воронежем и Ельцом происходило не вдруг. Некоторое время Воронеж оставался передовой крепостью, удаленной от крестьянских поселений, постепенно продвигавшихся на юг со стороны Ельца по мере дальнейшего укрепления границ Российского государства. Так, анализ записей об отводе земель елецким служилым людям в 1593-94 годах показывает, что к этому моменту освоены были территории в основном севернее Ельца — вдоль Новосильской, Ливенской и Данковской дорог.

Активизацию заселения южных окраин в определенной степени стимулировало страшное бедствие, обрушившееся на Россию в первые годы XVII века — невиданный доселе голод, особенно тяжело ударивший по северным и центральным территориям. Неизвестный современник так описал тяжкую годину: *«Лета 7110 году 7111 (1601-1603) глад бысть по всей земли и по всему царству... и вымерла треть царства Московского голодною смертию»*.

Голод, вызванный небывалым похолоданием, а на следующий год — столь же жестокой засухой, несколько легче перенесли более плодородные и малонаселенные черноземные области. И многих из тех, кто был еще в силах, бежали на юг, в надежде найти там пропитание. Но, как раз после голода, земли Черноземья, привлечшие оголодавших, отчаявшихся крестьян, неожиданно оказались далеко не благоприятны для более организованного заселения.

Не успели россияне похоронить последних умерших голодной смертью, как надвинулась новая беда — начался период «разбоев», наиболее значительным из которых была банда Хлопка. Ее участники после разгрома бежали как раз в окрестности Ельца. Затем последовала гражданская война, именуемая в истории «Смутой» или «Смутным временем», волны которой не раз докатывались до Ельца и Воронежа. Огонь войны, то и дело опалывший близкие к Ельцу земли, не добавлял привлекательности краю, как объекту мирной хозяйственной колонизации. Тем не менее, заселение юга бывшего Дикого Поля продолжалось. В том числе, и в отдельные периоды умиротворения страны под властью Василия Шуйского. Так что к 1610 г. здесь было достаточно постоянного населения, нуждавшегося в христианском слове ободрения и участия.

А потому мы считаем правильным обратить внимание на один весьма интересный момент в истории Смуты. Политические обстоятельства сложившиеся в те дни, вполне могли подвигнуть к решению основать еще одну обитель во имя Сретения Владимирской иконы Пресвятой Богородицы. Причем, в тех краях, где Матерь Бо-

жия однажды уже явила свое заступничество, отвортив иноплеменников от нашествия на Русь.

Речь идет о весне 1610 г. — последних месяцах пребывания «боярского царя» Василия на московском троне. Еще в феврале 1610 г. группа русских бояр — сторонников Лжедмитрия II, разочаровавшись в своем избраннике, отбыла к польскому королю Сигизмунду, чтобы пригласить на трон сына его Владислава. Влиятельные сторонники этой идеи вскоре объявились и в Москве. Становилось ясно, что дни Шуйского на престоле сочтены.

Перед православной страной маячила вполне определенная перспектива получить царя-католика. Обозначилась угроза не только жизням и имуществу, не только государственному суверенитету (регулярная польская армия, возглавляемая лично королем Сигизмундом, уже вела активные боевые действия в районе Смоленска), но и самой вере Православной — последней опоре и последнему прибежищу многострадального народа.

Несложно представить, сколь глубоко было потрясение патриарха Гермогена и окружавших его единомышленников перспективой иноплеменного и инославного нашествия, готового заполнить Русь Святую.

Вполне логично, что духовенство прибегло в первую очередь к методам духовным в противостоянии надвигающейся угрозе. Возникает решение направить старцев Московского Сретенского монастыря с копией чудотворной Владимирской иконы в края, где она некогда явила свою силу, заступив путь Тамерлану.

Основание здесь, в Подонье, обители в честь сретения чудотворного образа виделось частью общего молитвенного обращения к Небесной Владычице с тем, чтобы она вновь вступилась за Русь перед лицом очередного супостата.

Ну а то, что во всей обширной Елецкой округе для построения новой обители был избран именно холм при впадении речки Тешевки в Дон, видимо, явилось результатом решения самих старцев Кирилла и Герасима после ознакомления их с местностью. Сказалось тут и наличие бойкой переправы, и отсутствие иных монастырей на всем протяжении пути из Ельца в Воронеж...

В свете вышеизложенного мы и считаем возможным, говоря о дате основания Задонского Богородицкого монастыря, назвать следующую — около 1610 года.

Подобная датировка не противоречит ни одному из известных нам на сегодня фактов и исторических обстоятельств.

За Филиппом Тюниным...

Уже оформившимся вотчинником предстает Задонская обитель со страниц документов 1615 года. Правда, невелика была вотчинка, да и ту приходилось делить со стрелецким головой из Ельца Филиппом Тюниным. Продолжим цитировать Платежные книги: «... слободка Тешевская..., а в ней на монастырской жеребей пашни паханные четверть с осминой. За стрелецким головой за Филиппом за Ивановым сыном Тюнина в той же слободе Тешевской на его жеребей...».

Другие дошедшие до наших дней старинные документы свидетельствуют, что, благодаря подобному «двоевластию», на самом начальном этапе формирования постоянного поселения на месте современного Задонска у новорожденной слободки была реальная альтернатива развития. И сложись обстоятельства по-иному, жили бы мы сегодня в селе Тюнино (...или городе Тюнином).

Уже в 1620 году Платежные книги Елецкого уезда рисуют такую картину: за Тешевским монастырем записана все та же «*слободка Тешевка на речке на Тешевке*», а вот Филипп Тюнин, как явствует из текста документа, к тому времени устроил из своей части слободки село, поставив там церковь. «*За Филиппом за Ивановым сыном Тюнина село Пречистенское, что была слободка Тешевка*», — сказано в Платежных книгах.

О том, что это было за село и сколь долго оно существовало можно судить по информации, содержащейся в Писцовых книгах Засосенского стана Елецкого уезда 1628-1630 годов.

«За Филиппом за Ивановым сыном Тюнина в поместье пустошь, что было село Пречистенское, под Тешевским лесом, на колодезе, старое его поместье, а в ней: место церковное, да 4 места дворовых пустых; место попово, место дьячково, место пономарево, место просвирицыно... да на пустоши ж место дворовое помещиково, да 6 мест дворовых людских, да 23 места дворовых крестьянских и бобыльских пустых»...

Для сравнения заметим, что монастырская часть слободки Тешевки по тем же записям насчитывала вдвое меньше крестьянских дворов. Село Пречистенское явно развивалось более динамично и вполне могло стать ядром будущего города если бы не неблагоприятно сложившиеся для Филиппа Тюнина обстоятельства.

Что же привело к запустению весьма интенсивно развивавшееся село? Скорее всего — побеги и увозы крестьян.

Тут уместно вспомнить дело о челобитной «ельчан разных людей» 1628 года. В 1627-1628 годах между мелкими помещиками Засо-

сенского стана Елецкого уезда и крупным вотчинником из Лебедянского уезда Иваном Никитичем Романовым по прозвищу «Каша» — дядей царя Михаила Федоровича — разгорелась нешуточная тяжба. Владельцы поместий, включая Филиппа Тюнина, а также и Тешевский (Задонский) монастырь, обратились к царю с челобитной, в коей обвинили могущественного соседа, чьи земли в районе верховьев речек Репца и Проходни граничили с Елецким уездом, в том, что тот переманивает к себе, а то и просто увозит их крестьян. Не лично, вполне понятно, а через приказчиков и иных доверенных лиц. *«Наших же крестьян и бобылей... насильно вывозили и нынче вывозят беспрестанно»*, — писали челобитчики Засосенского стана, упоая на столичное правосудие.

По челобитной был устроен скорый «обыск» специально для того прибывшей из Москвы комиссией, говоря языком современным. И сысканное говорило не в пользу челобитчиков. По всему выходило, что возвели они на царева дядю напраслину. Начались преследования «подписантов», затронувшие и Задонский монастырь. Главный на тот момент «черный поп Геласий», непосредственно приложивший руку к челобитной, ударился в бег. Пострадать пришлось некоему старцу Перфилию, на три дня взятому под стражу в Елецкую тюрьму. А «черного попа Геласия» велено было *«сыскать и, сыскав его, расспросить подлинно против челобитной ельчан всяких людей и про его побег, куды он от старца Перфилия побежал и для чего и куды бегал, и где был?»*.

К сожалению, за неимением дополнительных документов, трудно сказать, чем точно кончилось для задонских старцев участие в подаче челобитной. Но ряд ссылок в документах позволяет сделать вывод, что все кончилось для челобитчиков относительно благополучно. Материал для подобного вывода дают и Елецкие Писцовые книги 1628—1630 годов. В запись о Тешевке и монастыре, в полном соответствии с тогдашней манерой ведения документов, при обновлении книг, так сказать «к слову», включена и более поздняя запись, четко датируемая 1633 годом (*«в прошлом во 140 (1632) году»*).

Речь идет о затеянной и выигранной тешевскими монахами тяжбе по возвращению в состав монастырских земель починка Елисеевского, которым до того владел совместно с обителем и тот самый, неразрывно связанный с историей Задонска, ельчанин Филипп Иванович Тюнин. Так вот из текста цитируемого документа видно, что он благополучно пережил бурные события 1628 года и лишь в 1632-ом отдал Богу душу.

Сегодня, благодаря документам, которыми оперирует в своих исследованиях воронежский ученый В. Н. Глазьев, мы можем более зримо представить себе Филиппа Тюнина — одного из отцов-основателей города Задонска. В 2001 году увидела свет очередная работа Владимира Николаевича: «Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности». Здесь автор активно использует елецкие документы, как раз и дающие возможность поближе познакомиться с одним из героев ранней истории Задонска. Дело в том, что Филипп не только командовал стрельцами, но и на закате жизни своей избран был губным старостой — своего рода шерифом или начальником уголовного розыска на подведомственной территории.

Как явствует из «книг разрядных» соответствующего периода, елецкий сын боярский Ф. И. Тюнин по елецкой десятне денежной раздачи 1604/05 г. «новик», «деньгами верстан в 1603/04 г. в Ливнах, а поместьем верстан в 1601/02— 1602/03 гг.», поместный оклад 200 четвертей, денежный — 4 рубля 65 копеек.

По документам 1615—1616 гг. известно, что он выполнял обязанности елецкого стрелецкого головы. Под командованием Филиппа могло находиться до 1000 стрельцов.

По десятне 1621/22 г., донные хранящейся в Российском государственном архиве древних актов, Ф. И. Тюнин — дворовый сын боярский с окладом 650 четвертей, поместьем 520 четвертей, денежным окладом 30 рублей, 25 крестьянами, 8 бобылями.

В боевые походы вместе с Филиппом Ивановичем выходили несколько вооруженных слуг. Тюнин служил на *«доброем коне, в бехтереце, да в шапке в мисюрке, а ружья: саадак, да сабля, да самопал короткий, да за Филиппом же конь простой добрый»*. «Бехтерец» был защитным доспехом для тела, который изготовлялся в виде куртки с застежками на плечах и на боку. «Шапка мисюрка» — шлем в виде железной шапочки с присоединенной кольчужной или пластинчатой защитой, прикрывавшей шею. Упомянутый в числе «ружья»-оружия «саадак» — это лук.

«Собою Филип добр», — засвидетельствовали современники.

В 1628 году Филипп Иванович Тюнин не только подписал челобитную против увозов крестьян, но и активно поддерживал выдвинутые против царя дяди обвинения, добиваясь справедливого решения елецких жалоб от комиссии, делегированной в Елец из Москвы «для подлинного сыску». Из материалов «елецкой челобитной 1628 года» явствует, что *«приходили шумом на съезжий двор ель-*

чане ж Филип Тюнин, Евсей Немцов. И на них смотря и все ельчане, которых в московской челобитной руки, также к порожней бумаге рук прикладывать не почали, тем государево дело сперва поставили».

Видимо как раз эта, подкрепленная делом, принципиальность в получившей широкую огласку истории и заставила ельчан проголосовать за Филиппа Тюнина на очередных выборах губного старосты. Несмотря на его неграмотность, которая также зафиксирована в материалах «челобитной 1628 года». *«К сей челобитной Троицкий игумен Авраам за сына своего духовного Филиппа Тюнина руку приложил»...*

И в «делах десятен» по Ельцу, 1 февраля 1630 г. и 28 марта 1630 г. Филипп Иванович упомянут как елецкий губной староста. Иных документов, более подробно освещающих деятельность Ф. И. Тюнина на посту «начальника уголовного розыска», пока неизвестно. Как неизвестны и события последующих двух лет его жизни. Вплоть до 1632 года от Рождества Христова (7140 от сотворения мира, как считали в XVII веке), когда его уже не было в числе живущих. *«И того-де Филиппа Тюнина в прошлом во 140 году не стало».* Причем, вряд ли Тюнин умер в преклонных годах.

Как известно, в начале 1600-х годов Тюнин числился в «новичках». Так в России XVI—XVII вв. называли молодых дворян и бояр, достигших пятнадцатилетнего возраста, но еще не записанных на военную службу. В этом «звании» — новичков в своем деле — они обычно пребывали до 18 лет, после чего зачислялись в полк и переходили в разряд служилых людей. Филипп начал службу (был «поверстан») около 1603 года. Следовательно, на момент смерти было Ф. И. Тюнину под 50 лет...

Монастырь, да к нему — слободка

Писцовые книги Засосенского стана Елецкого уезда 1628-1630 годов относительно подробно рассказывают нам об имущественном положении Тешевской обители и дают возможность поближе познакомиться с первыми «законцами».

«За рекою ж за Доном: монастырь Тешевской на реке на Дону, усть речки Тешевки, под Тешевским лесом; ограда древена, ворота простые затворные на монастырь. А в монастыре церковь во имя Пречистые Богородицы Сретения Владимирския иконы; а в церковь

поставленъе и в церкви образа местные и книги и ризы и у церкви колокола и все церковное и монастырское строенье — дву старцев Кирилла и Герасима; да в монастыре же келлий: келья черного попа Геласия; келья старца Мисаила; келья старца Иева; пашни монастырские паханые 6 чети да перелогом да дикого поля 11 четвертей. И обоего пашни монастырские паханые и перелогом и дикаго поля добрые земли 21 четь в поле, а в дву по тому ж; сена нет.

Да к монастырю слободка Тешевка, под Тешевским лесом, на речке Тешевке на верхах; а в ней: двор белого попа Федора; двор дьячков — Бориска Васильева; двор пономарев — Антошка Иванова; да в слободе ж двор монастырской; да детеньшей: во дворе — Ивашко Харин; во дворе — Кленка Харин; во дворе — монастырской служка Васка Юдин; во дворе Ларка Карпов; во дворе — вдова Акилина Зинина; да крестьянских дворов: во дворе — Васка Кривобок; во дворе — Данилко Воров; во дворе — Панка Голошуб; во дворе — Панка Оицыфоров; во дворе — Федка Гуреев; во дворе Ларка Власов; да бобыльских дворов: во дворе — Самсонка Карпов; во дворе — Меркушка Терентьев; во дворе — Ульянко Прокофьев; во дворе — Гаврилка Родионов; во дворе — Леонка Гончар; во дворе Алпатка Акатьев...» — такова первая достаточно подробная информация о будущем Задонске, известная по письменным источникам.

То, что в списке лишь одна женская фамилия — не случайно. Учитывалось в то время лишь податное население — плательщики разного рода налогов. А таковыми были главы семей. Лишь благодаря своему вдовству Акилина Зинина оказалась на страницах истории. Не случайно и то, что при одной церкви есть как черный поп Геласий, так и белый — Федор — со своим причтом. Согласно так называемым «Апостольским правилам», являющимся основой организации богослужения в православной церкви, монашеское духовенство, как отрекшееся от мира, не должно совершать некоторые требы и таинства, носящие мирской характер (крещение, брак). А потому и полагался единственным на округу монастырской церкви отдельный, «светский» клир. В монастыре же старшим был о. Геласий. Это зафиксировано в другом документе того времени: «*монастырь в Елецком уезде Пречистой Богородицы Задонский, а в нем чернй поп Геласий, а игумена в нем нет*».

Неясной остается судьба основателей обители у Дона — старцев Кирилла и Герасима.

По некоторым данным судьба их могла быть трагична. Не исключена и мученическая кончина. Так, в статье «Задонск», помещен-

ной в «*Полном географическом описании нашего Отечества*», выпущенном в свет в 1902 году под редакцией В. П. Семенова, есть весьма интересные строки: *«Расспросные речи попа Леонтия 1624 года свидетельствуют, что он, будучи мирянином, был взят в плен ногайцами за 8 лет до того (т. е. в 1616 году) в Елецком уезде, в Задонском монастыре»*. К сожалению, издание это общесправочного характера, а потому источник «расспросных речей» не указан. Так что перепроверить ссылку не удалось. Остается верить автору.

Возможный факт налета ногайских татар на основанный около 1610 года Богородицкий монастырь позволяет предложить объяснение некоторых туманных моментов его ранней истории, включая судьбу основателей обители — Кирилла и Герасима, а также то, почему, на предположительно семнадцатом году существования монастыря, в стенах обители спасаются лишь трое, как явствует из процитированной выше записи в Писцовых книгах 1628-1630 гг.

Ведь, если действительно именно на Богородицкий монастырь (наименование «Задонский» в данном случае указывает лишь на расположение монастыря «за Доном») был совершен этот налет татар, пленивших тех, кто помоложе и порубивших тех, кто показался строптивым или для полона негодным, то все вышеупомянутое связывается воедино.

Соотнеся с «расспросными речами» то, что в 1823 году, при устройстве фундамента колокольни, была найдена «огромная могила костей человеческих», мы можем предположить, откуда взялась здесь братская могила. А страх перед опасным местом объясняет малое число насельников.

Есть правда, одно весомое возражение. В 1628 году упоминается *«все церковное и монастырское строенье дву старцев Кирилла и Герасима»*. То есть, на момент составления описи, сохранились здания и инвентарь от первостроителей. Значит, монастырь не был ни сожжен, ни разграблен. А такое вряд ли могло быть. Это татары батыевского времени, среди которых было немало христиан несторианского толка, могли щадить монастыри и церкви. В XVII веке если уж доходило до насилия («могила костей человеческих»), то без грабежа и пожара никак не обходилось. Такие уж люди в то время были. Со сложившимися за века стереотипами поведения. Тем более, после мусульманизации татар, приобретшими особую окраску...

Так что «расспросные речи попа Леонтия» требуют дополнительного изучения, если оно, конечно, возможно. А ныне, нам, вслед за историком из Задонского монастыря, остается лишь констатиро-

вать: в точности судьба основателей обители у Дона остается неизвестной. Можно лишь с известной долей вероятности предположить, что ко времени совершения реестровой записи 1628 года они уже окончили свой земной путь и упокоены были на территории Тешевского монастыря. Причем, достигнув высшей ступени монашеского служения — схимы. По свидетельству о. Геронтия, старцы Кирилл и Герасим записаны были в монастырский помянник *«в схимонасех»*.

Что же касается прочего населения слободки, упоминавшийся уже исследователь задонской старины С. Н. Введенский так прокомментировал перечень здешних первопоселенцев: *«Все эти и подобные им прозвища, на наш взгляд прямо указывают на то, что их носители были беглые и очень ненадежные люди. При первом удобном случае они могли без сожаления бросить свое тягло, чтобы поискать лучшей жизни...»*.

Тем не менее, слободка росла, развивалась и к 1646 году, согласно Переписным книгам Елецкого уезда, насчитывала *«47 дворов крестьянских, людей в них 73 человека, да 11 дворов бобыльских, людей в них 16 человек»*. Среди них вновь видим Голошубиных, Зениных, Терентьевых, Хариных, Акатовых, Юдиных, знакомых по записи конца 20-х годов XVII века...

При дороге, на перевозе

Но, хоть и знаем мы пофамильно первых «задонских» поселенцев, с точными их «адресами» дело обстоит сложнее. Известно, что Тешевка стояла *«под Тешевским лесом, на речке Тешевке, на верхах»*. А где искать эти самые «верхи»? И что считать «речкой Тешевкой»?

Достаточно заметным ручейком Тешевка становится там, где ее пойму пересекает современная улица Бебеля в Задонске и где, парой десятков метров выше, сходятся два оврага, по которым сочатся воды сливающихся здесь ручьев. Так же выглядела Тешевка, судя по отзывам о. Геронтия, и более ста лет назад. Если же вести речь о еще более ранних временах, то рельеф русла Тешевки и промывтого ею оврага не позволяет сделать вывод о том, что когда-либо (кроме паводков и дождей) она была заметно более полноводной...

Иеромонах Геронтий, однозначно увязывал историческую Тешевку с современной ему, да и нам теперь, пригородной деревенькой (имевшей, кстати, и второе, предположительно, более раннее наименование «*Арканы*»), расположенной в верхах левого, лишь по

весне оживающего притока. Хотя, в качестве основного русла предпочтительнее правый приток. Но его верховья теряются в разветвленной системе весьма древних оврагов...

Есть «археологические» основания предположить, что дома Кленок, Федков и Акилин стояли на относительно близком к монастырю левобережье Тешевки.

Проводившиеся в 2003 году работы по прокладке теплотрассы выявили следы каких-то старинных деревянных конструкций у пересечения современных улиц Крупской и Ленина. Огороды задонцев, расположенные в этом районе города, периодически приносят «урожай» из материальных остатков, датируемых XVII веком.

Краевед В. И. Капитонов рассказывает о неоднократных находках *«в южной части города, близ разделяющей его речки Тешевки» бусин, наконечников стрел и серебряных копеек, относящихся ко времени царствований Михаила Романова (1613–1645) и Алексея Михайловича (1645–1676)».*

Причем, надо заметить, что «сеяли» эти копейки тешевцы отнюдь не от зажиточности. Жило сельцо, а в нем — его обитатели, весьма небогато. «Переписные книги Воронежской епархии монастырским вотчинам», датируемые 1702 годом, повторяют сетования тешевского игумена с братией на то, что с крестьян, «за скудостью» оных, денежных поборов и запасов нет. Деньги вотчинников уходили на уплату податей, а с монастырем рассчитывались, выполняя работы в хозяйстве обители.

То, что слободке на берегу Тешевки в первые десятилетия ее существования было далеко до экономического процветания, свидетельствуют и колебания численности ее населения.

В 1657–58 годах в слободке было 39 бобыльских и крестьянских дворов. Через три года — 58. А потом начался временный упадок поселения. В 1678 году насчитывает оно 41 двор. К 1702 году «убыло 7, осталось 34 двора». А вот реестр монастырской вотчины и ее населения от 1706 года: *«И всего за монастырем... слобода живущая ея, да починок да пустошь в пусте, а в слободе 28 дворов крестьянских людей, в них 116 человек, 4 человека в бегах, 4 двора бобыльских людей, в них 7 человек, и всего крестьянских и бобыльских 32 двора, людей в них 132 человека».*

И в то же время, нельзя сказать, что Тешевский монастырь бедствовал. К 1690 году численность монахов выросла до 12 человек. За обителью числилась 381 четверть земли, покосы на 450 копен сена, рыбные ловы в 2-х местах на Дону, торг, перевоз и мельницы.

Правда, большая часть собственности обители, по тем или иным причинам, не отличалась высокой доходностью.

Так, например, часть сенокосов была распахана, часть заросла «дубровою», а вдоль Репца покосами не давали владеть ельчане, дети боярские, «села Уткина жители», потому что *«покосы по урочищам имянно к монастырю не написаны, а у них, детей боярских, покосы по реке Репцу в дачах»*. Так что приходилось сennie покосы до 400 копен нанимать у посторонних помещиков. Косили монастырские крестьяне.

От ловли в небогатом, как и сегодня, рыбой Дону большой выгоды монахи не имели. По свидетельству документов, датированных 1696 годом, от рыбной ловли Тешевской обители *«прибыли нет, только малое число идет про монастырский обиход»*. Сети забрасывали в двух плесах. Один начинался с современного Задонского городского пляжа, «Песочка» по-тогдашнему, и уходил под «Крутые», а второй начинался от устья Каменки.

Невелик был толк и от мельниц. Главная, по свидетельству о. Геронтия, была устроена близ монастыря и приводилась в действие запруженными водами Тешевки пока та не иссохла до такой степени, что и запруда потеряла смысл. Еще одна монастырская мельница, устроенная на речке Проходне без запруды, «об одном камне», молола зерно только «вешнюю водою». В 1696 году обветшавшую проходненскую мельницу отдали «покровскому попу Ивану» на два года безоброчно, с условием, что он отремонтирует ее своими силами. А с 1698 года поп Иван должен был в течение последующих 20 лет платить за пользование мельницей Тешевскому монастырю по 2 рубля в год. Кроме того должен был арендатор в рясе молотить безвозмездно по 20 четвертей монастырского зерна. Только что-то не заладилось, и, ввиду неуплаты оброка, монастырь у попа Ивана мельницу отобрал. Но стояла она «пуста».

Под торгом, числящимся за Тешевской обителью, подразумевается участие в уже тогда бывавших на берегу Дона ярмарках, проводившихся в дни праздников, посвященных главной святыне Тешевского Богородицкого монастыря — Владимирской иконе Божией Матери. По данным 1702 года, Тешевскому монастырю принадлежало *«15 лавочек для торгу в праздники Владимирской Богоматери»*.

Но главным источником монастырских доходов был отданный обители на откуп безоброчно в 1694 году и содержавшийся ее средствами перевоз через Дон на дороге Москва-Воронеж, приносивший в лучшие годы прибыль до 15 рублей серебром. А в прочие —

«3—4 рубля неровно». Обслуживали перевоз 3 наемных работника, получавших по полтора рубля в год, а также «свои крестьяне» в рамках крепостных повинностей. На починку перевоза деньги брались из монастырской казны.

Особенно оживилось движение по дороге через перевоз мимо монастыря за Доном в связи с началом работ по сооружению в Воронеже верфей для будущего флота России.

Но, казалось бы, благотворное для владельцев перевоза усиление интенсивности движения по дороге на Воронеж особой радости у тешевских монахов не вызвало. В 1698 году подали они следующую жалобу-челобитную: *«На тот перевоз надлежит проезжая большая Московская дорога и через тот перевоз переезжают, едучи с Москвы на Воронеж и с Воронежа к Москве со всякими великого государя полковыми припасы и служебные всяких чинов люди, а перевозного с них не емлют, а меж служилых людей и промышленные многие люди переезжают безденежно»*.

На рубеже семнадцатого-восемнадцатого столетий, как свидетельствуют документы того времени, маршрут дороги на Воронеж сформировался практически в нынешних его чертах. Соответственно, принадлежавший Тешевскому монастырю перевоз стал главным местом переправы через Дон в округе. Подтверждение этому находим в документах первых лет века XVIII, характеризующих экономическое положение Елецкого Богородицкого девичьего монастыря на Каменной горе, где имеется запись о том, что этот монастырь с 1688 года владел «безоброчно» перевозом через Дон напротив села Мокрый Боярак (Ржавец). И с этого перевоза шло в монастырскую казну рублей по 5 — 6 за год. *«Ныне же, — говорится в документе, — доходу малое число... На перевоз идет мало народу, потому что большая дорога идет через перевоз Тешевского монастыря, а здесь дорога залегла»*. Связано это, в частности, с упразднением находившейся близ Ржавца достаточно солидной деревянной крепости, относимой к числу «загадок» местной истории.

Об этом укрепленном городке, в лучшие свои годы бывшим явным центром ближней округи, известно действительно мало. Но однозначно можно сказать — к истории возникновения и развития города Задонска крепость в Ржавце прямого отношения не имеет. Первоначальной побудительной причиной устройства острога в Ржавце мог быть как все еще существовавший страх перед татарскими набегами (последний отмечен в Елецком уезде в 1677 году), так и соображения контроля за крестьянской придонской округой, весь-

ма сочувственно среагировавшей в начале 1670-х годов на восстание Степана Разина. Согласно «Воронежской летописи» в 1670 году велено было воронежскому воеводе *«по всем причинным местам поставить заставы крепкие, чтобы ни из которых городов и из уездов на Дон и на Волгу к Стеньке Разину и воровским казакам никакие люди ни с чем не проходили и не проезжали»*.

Последующее расширение и модернизация обветшавшего острога, фиксируемое известными документами, было, видимо, связано с Азовскими походами Петра I (1695-1696 гг.) и сооружением флота в Воронеже.

Ржавецкая крепость, в период своего существования, не играла активной оборонительной роли, а являлась своего рода «военным городком» для размещения одной из резервных воинских частей, отчасти выполняя «полицейскую» функцию контроля за округой. Окончательно утерев свое военное значение в связи с успехом Петровских завоевательных походов к Азову, Ржавецкий острог был 1 января 1702 года передан адмиралтейцу Ф. М. Апраксину как часть поместья, дарованного царем «за ево многую к нему Великому Государю, верную службу». А затем, скорее всего, разобран на строительный материал, использованный для «укрепления» уже мирных объектов на доставшейся Апраксину территории, которая, лишившись крепости, утратила и свое лидирующее в округе положение. Все здешние дороги, можно сказать, вели теперь в будущий Задонск...

А главная из них, Воронежская, в 1700 году стала государственной. Вот что писал *«На Воронеж. Стольнику нашему Еремее Хрущеву»* Петр I: *«В нынешнем 1700 году... Учредить почту по станом от Москвы..., от Ельца до Дону, от Дону до Хлевного...»*. В книге липецкого краеведа Л. Е. Рудакова «По следам легенд» находим сообщение о том, что связанный со строительством флота в Воронеже поток грузов и пассажиров *«притягивала и выстроенная в начале XVIII века дорога Москва—Воронеж, через Елец, длина которой тогда определялась в 402 версты. Привыкший экономить время, Петр I это четырехсотверстное расстояние часто преодолевал менее чем за трое суток»*. Информацию о поездках Петра Великого по дороге, пролегшей мимо Тешевского монастыря, липецкий краевед дает со ссылкой на многотомное исследование М. М. Богословского «Петр I».

Получается, что и по задонской земле ступала нога Петра Великого, ежели он, конечно, покидал здесь по какой-либо надобности везшую его карету...

Произведенное в начале XVIII века обустройство старой дороги за счет государства и придание ей тем самым официального статуса, еще более оживило здесь движение, а значит — способствовало дальнейшему росту и экономическому укреплению слободы, расположенной в узловом месте бойкой трассы. Одновременно, с ростом числа проезжающих, а значит и паломников, росли доходы Тешевского монастыря.

Так что, несмотря на официально высказанное монахами в 1698 году недовольство, усиление интенсивности движения через содержавшийся монастырем перевоз не могло не сказаться на экономическом благополучии как обители, так и слободки при ней.

Тем более, дорога мимо Тешевского монастыря, как более удобная и короткая, постепенно стала основной трассой Москва-Воронеж, оттеснив на второй план главный прежде тракт того же маршрута, пролегавший через Ранненбург (Чаплыгин).

Правда, поначалу оскудевшую дворами и людьми Тешевку обидели — почтовая станция при переправе на обновленной дороге была устроена за рекой — в Понарьино (так именовалось Панарино). Следующую смену лошадей делали уже на станции Дол (современная Введенка). Объяснение этому дает карта конца восемнадцатого столетия, на которой ясно видно, что почтовая дорога через Тешевку первоначально не проходила. Миновав Дон, путники следовали в Воронеж берегом излучины реки, вдоль подножия холма, на котором расположился монастырь...

Тем не менее, Понарьино не суждено было воспользоваться плодами столь роскошного государева подарка как ямская станция и возможность зарабатывать на обслуге пассажирского транзита. Доходы, извлекаемые из карманов проезжающих, оседали все же на левом берегу.

Тому немало способствовало наличие здесь монастыря, уже на раннем этапе своей истории привлекавшего немало паломников. Особым уважением пользовалась Богородицкая обитель у Войска Донского. Наиболее значительный вклад на устройство монастыря от казачества сделан был Варварой Ивановной Фроловой — женой атамана Василия Фролова. Эта набожная и чадолюбивая женщина благодарила Тешевской обители с тех пор как в 1742 году ее старший сын — бригадир и казачий старшина Иван Васильевич Фролов был упокоен в здешних стенах. Возвращаясь из Москвы в Черкасск, он в дороге опасно занемог и обрел последний приют в Богородицком монастыре. С разрешения епархиального начальства столь вид-

ный представитель Войска Донского, казаки которого и до того не раз помогали монастырю своими вкладами, был похоронен под алтарем Владимирского собора.

Показательно, что уже в 1740-х годах основные строения обители, включая и ограду, получили каменное воплощение.

Произошло это благодаря умелой экономической политике игумена Евфимия (Евсевия — в схиме), бывшего не только мудрым духовным наставником братии, но и сметливым хозяйственником. И все же, при всей хозяйской сметке, вряд ли удалось бы игумену одеть обитель в камень, не заложив еще его предшественники достаточную для этого финансовую базу. Причем, процесс накопления денег, потребных для возведения более основательных кирпичных построек взамен деревянных, не занял у тешевских монахов слишком много времени.

Всего несколькими десятилетиями ранее монастырь пришлось отстраивать заново после разрушительного пожара 1692 года, долта спалившего тогда еще деревянные постройки. Среди бушевавшей огненной стихии неопаленной осталась лишь Владимирская икона Божией Матери, поставленная в иконостас первой церкви Богородицкого монастыря еще первостроителями — старцами Кириллом и Герасимом.

Слухи о чудесном спасении из пламени и без того чтимой в округе иконы заметно усилили приток паломников и пожертвований. Как сообщает о. Геронтий, уже на следующий год после пожара игуменом Трифоном была сооружена *«вторая деревянная церковь Владимирская на месте прежней, сгоревшей, и прочее монастырское сгоревшее строение также было возобновлено “деревянным зданием”*». И вот — в конце 30-х годов XVIII века — новое строительство, причем, куда более масштабное!

В 1736 году было начато и в 1741 закончено строительство двухпридельной каменной церкви. Главный престол освящен был, как и прежде, во имя Сретения Владимирской иконы Богоматери. Правый придел — в честь рождества Иоанна Предтечи; левый — во имя Евсевия, епископа Самосатского (судя по всему — небесного покровителя игумена-строителя). Кроме того парадная, западная стена ограды и ворота в ней были выложены из кирпича. *«Против соборной церкви сооружена каменным же готическим зданием колокольня, примыкавшая передней стороной к означенной ограде; внутри оной в первом этаже устроен был храм во имя Святителя Николая; по обе стороны колокольни построены о двух этажах келлии с кладовыми для*

настоятеля и казначея; приобретена ризница и утвари престольных», — так рассказывает об обновлении обители о. Геронтий. Кое-что из построенного схиигуменом Евсевием дожило и до дней сегодняшних. Это, частично, кирпичная стена, отделяющая собственно монастырский двор от колокольни и гостиницы, а также башня, завершающая северный конец старинной стены.

С «хозрасчета» на «бюджет»

Возведение кирпичных зданий в то далекое и не слишком обустроенное время, надо думать, обошлось Тешевской обители недешево. Тем не менее, средства нашлись, и работы завершились успешно. При этом есть все основания впрямую связывать упрочение финансово-экономического благополучия Богородицкого монастыря в начале XVIII века именно с обустройством и изрядным оживлением московской дороги. Вряд ли тут может идти речь о повышении доходности вотчины. Она и прежде, как уже было сказано, «за скудостью» вотчинников являлась мало доходной, а к середине восемнадцатого столетия стала еще и трудноуправляемой из-за все возраставшей строптивости крестьян.

Как сказано в «доношении», датированном 1752 годом, «самовольные крестьяне над нижеписанными настоятелями наперед чинили непорядки, а имянно: архимандрита Пителима, вытоща из настоятельской ево кельи за волосы за монастырь били ево немилостиво, а игумена Ефимия намерены были убить до смерти, который из их злодейских рук едва мог высвободиться, при чем имеющуюся на нем игумене в то время ряску всю в клочья изодрали». О случившемся игумен Евфимий доложил по инстанции и «через присланного из дому архиерейского казначея» «злему вымыслу... зачинатели» «были плетью нещадно наказаны».

Впрочем, нелады монахов с вверенными их управлению крепостными имели место не только в Задонске. Свидетельство тому — определение Святейшего Синода Российского от 1753 года, в котором отмечается, что крестьяне монастырские «по воспринятому свою бесстрашию, своевольству же и дерзновению, в некоторых местах оных архиереям и монастырским властям и подчиненным им во всем явно чинятся весьма непослушно и противны, и по нарядам от домов архиерейских и монастырей своих... надлежащих работ и других изделий исправлять не хотят, и отрицаются, и, таким образом, по немалой части сами себя разоряют и не в состоянии приводят».

Как тут не вспомнить строки из описания экономического положения Тешевского монастыря, свидетельствующие о том, что крепостные его крестьяне обрабатывают пашни обитатели *«из своей воли»*.

Более того.

Архивы сохранили подробные сведения о конфликте, разгоревшемся летом 1752 года и прекрасно иллюстрирующем приведенное выше синодальное определение. В 5-ом, 1905 года, выпуске «Воронежской старины» можно познакомиться с «Доношением Задонского архимандрита Варсанофия о самовольстве и непослушании монастырских крестьян».

Из доношения следует, что в течение нескольких лет между монахами и их крепостными имела место некая негласная договоренность — крестьяне без спроса обкашивали монастырские сенокосы, чтобы в дни Владимирских ярмарок заработать копейку-другую и поправить, так сказать беспопшлинно, свои дела, а монахи закрывали на это глаза, так как сена всем хватало. Но лето 1752 года выдалось засушливое, травы горели на корню и *«к сеножатию угодий»* имелось мало. Впору было задуматься, чем зимой скот кормить. Причем, не только монастырский, а и слободской. Вот архимандрит Варсанофий и наказал тешевскому старосте Ивану Воргушину, чтобы крестьяне *«все до одного человека, как монастырское, так и свое сеножатие во время ярмарочное не косили и в продажу чтоб травы не употребляли, дабы от того в сене впредь последовать не могло каковых недостатков»*.

Но крестьяне должного послушания не проявили. Напротив, *«лучше сеножатвенные места прежде времени повыкосили и в ту ярмонку (3 июня) продали, а протчую траву потолочили»*.

Чтобы это не повторилось, поставил архимандрит надзирать за сенокосами монаха Питирима. Да только не смог монах за всеми уследить. И придя на торг в день очередной (27 июня) Владимирской ярмарки обнаружил там крестьянина Козму Рублева, торгующего монастырским сеном. На высказанные претензии *«оный крестьянин учел безсовестно, яко сущей злодей, кричать и бранить ево, монаха, всякими скверными и непотребными словами»*. Слово за слово, монах схватился за прут и ударил Рублева *«раза два по спине слегка»*. На что *«оный крестьянин Рублев, бросясь на ево, монаха, яко настоящий злодей и ухватя ево обеими руками за волосы и бороду драл немилостиво»*. Отбили монаха воронежские купцы.

В результате о. Питирим лишился части волос на голове и клока бороды. Рублев же отделался штрафом, при полной, судя по всему,

поддержке его действий со стороны односельчан. Ибо архимандрит был весьма озабочен тем, как бы и над ним *«не учинили такого же вредительского и злодейского случая»*. И в итоге, *«ради того, а наипаче, чтобы оные крестьяне не могли учинить какого мятежа и во время ярмоначное возмущения, принужден был дать по их воле, что хотят, то учинять»*.

Как видно из заключительных строк «Доношения», для тешевского архимандрита возможность крестьянского бунта представляется достаточно реальной. В смирении своих крестьян он явно не уверен. Да и о каком смирении можно вести речь, когда, по сообщению о. Геронтия, тешевцы не только не признали своей вины, но и возбудили дело в суде против своих хозяев. И 24 июля 1752 г., как сказано в примечании к с. 116 «Описания...»: *«за № 5 было дело в земском суде об отнятии архим. Варсанофием земли сенных покосов у крестьян села Подтешеваго»*.

Понятно, что в таких условиях о больших выгодах с вотчины говорить не приходится. По предположениям И. П. Тарадина, сделанным на основе среднеарифметических расчетов (он разделил сумму доходов монастырей Воронежской епархии на число их крепостных) в 1762 году доход Тешевского (Задонского) монастыря от вотчины мог составлять 58 рублей 57 копеек, а хлебом — 435 четвертей. А вскоре монастырь и вообще лишился вотчинного владения. В рамках проводившейся правительством Екатериной II политики секуляризации церковных владений, монастырская слобода в 1765 году была переведена в разряд «экономических» — то есть, подведомственных государству.

По данным ревизии 1744 года, в Тешевке числилось 236 душ крепостных. 3-я ревизия, наиболее близкая к моменту секуляризации, зафиксировала наличие в слободе 305 ревизских душ.

Стоит отметить, что есть данные, позволяющие уверенно говорить о том, что население слободки с довольно раннего периода ее существования не ограничивалось лишь монастырскими крепостными. С первых лет, как указывают документы начала XVII века, жили здесь представители и иных социальных категорий. Естественно, что с годами их число также росло.

Лишение монашеских общин вотчинных владений сопровождалось закрытием их или официальным утверждением в качестве монастыря с присвоением класса и утверждением соответствующего штатного расписания. То есть — переводом с «хозрасчета» на «бюджет».

29 апреля 1764 года Святейший Синод определил оставить штатными 5 монастырей Воронежской губернии. В их числе был и *«Богородицкий Задонский монастырь»*.

При учреждении монастырских штатов Задонская обитель была отнесена к III классу, с ежегодным штатным жалованьем 806 рублей 30 копеек серебром. Штат определен был в 15 человек. Но реально в 1764 году в стенах обители спасались не только положенные по штату 15 насельников, но и трое сверх штата.

Первоначально, как сообщает автор «Монашества на Дону» П. Н. Никольский, для черных работ в штатных монастырях были оставлены служители из бывших крепостных, получивших статус экономических. Работа на монастырь засчитывалась им в несение государственных повинностей.

Но, как всегда бывает в таких случаях, связанных с «общественными» работами, большой пользы труд малоинтересованных в результатах работников не принес. Более того, породил многочисленные жалобы и тяжбы, в которых одна сторона обвиняла другую то в недоработке, то в чрезмерной эксплуатации. И 17 января 1768 года практика бесплатного, в зачет, привлечения бывших крепостных к работе в монастырях была отменена. Дополнительно к штатным деньгам решено было ассигновать суммы, необходимые на вольнонаемных работников. По данным, приводимым П. В. Никольским, штат наемных служителей для Задонского монастыря определен был в 9 человек, на содержание которых из казны причиталось обители 46 рублей 91 с четвертью копейка (по 5 рублей 21,25 коп. на каждого служителя в год).

Так завершился первый период в жизни слободки и монастыря, благодаря которому она появилась. Прожив бок о бок, в едином хозяйственном механизме, добрых полтора века, Тешевская (Задонская) обитель и бывшая ее вотчина — Тешевка теперь учились жить врозь.

Особенно перестраиваться при этом не пришлось — крепостное население слободки просто поменяло хозяев, а монахи, избавленные мудростью власть предрежащих от неспособствующих молитвенному сосредоточению хозяйственных забот, получили возможность сосредоточиться на том, ради чего издревле и создавались монастыри — молитве о грехах своих и мира. Правда, как видно из источников, тешевские монахи, как и многие прочие российские черноризцы XVIII века не слишком спешили предоставившейся возможностью воспользоваться.

Хотя им, отрешенным от маммоны кесарем, по воле Господней, предоставлен был уникальный шанс соприкоснуться с горним — в 1769 Богородицкую обитель избрал для пребывания на покое бывший епископ Воронежский Тихон (Соколовский). Именно в стенах Задонского монастыря, этот архиерей, оставивший епископскую кафедру по болезни, достиг небесных высот на пути земном. Здесь родились главные духовные сочинения, принесшие ему славу «Российского Златоуста». Здесь суждено было св. Тихону многое претерпеть и еще большее приобрести, чтобы в конце концов увенчаться благоуханным венцом святости.

И, в связи с этим, уместно еще раз вспомнить уже упоминавшегося архимандрита Варсанофия II. Ведь в истории Задонска остался он не только благодаря конфликтам с тешевскими крестьянами. С его именем сопряжено и еще одно обстоятельство — уже не материального, а мистического плана, сохраненное в монастырских преданиях. Рассказывали, что он «обмирал» и слышал глас, возвестивший, что *«здешнее место прославлено будет одним Божиим угодником»*.

Согласно воспоминаниям келейника св. Тихона Ивана Ефимова, упомянутый случай с архимандритом Варсанофием II имел место в 1755 году. Как повествует Ефимов, о. Варсанофий в результате длительной, в течение месяца, болезни впадал на трое суток в подобие каталепсии, когда он *«едва дыхание испущал и не смотрел глазами»*. Тогда и явлено было ему упомянутое видение.

По сообщению автора «Монашества на Дону» П. В. Никольского, архимандрит Варсанофий был уволен на покой в Лебедянский Троицкий монастырь, откуда переведен по личной просьбе в Толшевский, где и пребывал в добром здравии по крайней мере до 1772 года.

УКАЗОМ МАТУШКИ ЕКАТЕРИНЫ

По требованию местных выгод

Правление Екатерины II (1762–1796), в числе прочих заметных шагов по укреплению Российской государственности, ознаменовано было активнейшей градостроительной деятельностью. В том числе и на некогда дикой придонской «украине». За полтора столетия, минувшие с начала его заселения, Воронежское Подонье стало неотъемлемой и вполне цивилизованной частью формировавшейся империи. А потому, в отличие от конца шестнадцатого столетия, когда строительство городов в бассейне Верхнего Дона продиктовано было прежде всего необходимостью обороны южных границ от посягательств беспокойных соседей, градостроительная политика Екатерины Великой ориентирована была на решение задач, связанных с централизацией и упорядочением государственного управления.

Видный исследователь истории развития городских поселений в России Ю. Р. Клокман комментирует это следующим образом: *«...уходил в прошлое прежний тип города-крепости, военно-административного пункта. Последний все более уступал свое историческое место городу нового типа — хозяйственному центру данной округи».*

А вот что писала о градостроительстве сама императрица Екатерина: *«С самого первого основания общежителства познали все народы пользы и выгоды от устройства городов, протекающие не только для граждан тех городов, но и для окрестных обывателей... Полезным таковым управлениям предков наших мы стараемся подражать по мере размножения народа и возвращения богатства его, как то свидетельствуют города в двадцатитрехлетнее царствова-*

ние Наше воздвигнутые повсюду, где требовали того или местные выгоды, или стечение окрестных жителей...»

Именно по «требованию» этих самых «местных выгод», главной из которых было «расположение при большой Московской дороге», бывшая слобода Задонского Тешевского монастыря и была возведена в статус города указом императрицы от 25 сентября 1779 года. Об этом недвусмысленно свидетельствует «Записка о городах новосоставляющегося Воронежского наместничества», поданная на высочайшее имя воронежским генерал-губернатором Е. А. Щербининым: *«Город вместо Орлова вновь назначается именуемой Задонский монастырь. Оное место полагается быть городом потому что: во-первых, положением своим состоять будет в середине округи, к нему отделяемой, а к тому при самом входе из Воронежского в Орловское наместничество, на берегу реки Дона и на большой Московской дороге, где бывають в году две немалые ярмонки и лесом также для выстройки близким снабжен. Город же Орлов уничтожается, потому что он, будучи при разлестности своей от губернского города Воронежа в ближнем положении способен по вмещению в Воронежскую округу и не на большой дороге...»*

«Записка» эта была составлена в рамках подготовительной работы, проведенной во исполнение изданного 7 ноября 1775 года «Учреждения для управления губерний Всероссийския империи».

Этот документ определял новую административно-территориальную организацию Российской империи. Страна делилась на 48 губерний или наместничеств, подразделявшихся на уезды с населением численностью 20–30 тысяч человек.

Воронежская губерния, состоявшая с петровских времен из пяти провинций, также подверглась реорганизации. Провинции сменили уезды. Елец, в уезде, а затем и в провинции которого числилась слобода Тешевка, относившаяся к Засосенскому стану, вошел по новому «учреждению» в состав Орловской губернии. А Тешевку, расположенную при переправе через Дон на важной транспортной артерии, решено было сделать центром одного из новых уездов, создававшихся на месте ликвидированной провинции.

В именном, данном Сенату Указе Екатерины II «О составлении Воронежского Наместничества из 15 уездов» от 25 сентября 1779 года было объявлено: *«Всемилоостивейше повелеваем Нашему Генералу-Поручику, правящему должность Генерала-Губернатора Воронежскаго Щербинину, по изданном от Нас в 7 день Ноября 1775 года учреждением, исполнить равномерно и в Воронежском Наместничестве, со-*

ставя оное из 15-ти уездов, и именно: Воронежскаго, Задонскаго... Вследствие чего быть городами: селению под монастырем Задонским, именуемому Слободка... назвать их Задонской...».

К сожалению неизвестно, как непосредственно в Тешевской слободе было обставлено возведение бывшей вотчины местного монастыря в статус уездного города. Мы можем лишь представить себе, что Указ императрицы провозглашен был, по старой русской традиции, в стенах единственного храма поселения — Владимирской церкви — после торжественного богослужения, собравшего всех будущих горожан. А что такое богослужение состоялось, мы узнаем из воспоминаний В. И. Чеботарева — келейника святителя Тихона. Совершено оно было на Рождество — 25 декабря 1779 года, спустя три месяца после подписания императрицей указа «О составлении Воронежского наместничества».

Л. Е. Рудаков, в книге «По следам легенд», пишет, что *«процедура учреждения новых городов... проходила весьма торжественно и помпезно. На открытии уездных и городских учреждений непременно присутствовали представители губернской администрации, а нередко и сам наместник»*. Далее сообщается, что еще в процессе подготовки к административному переделу наместник *«лично объезжал вверенную ему территорию и определял, где быть новому уездному городу. При этом его сопровождал отряд землемеров, которые немедленно производили съемку местности и существующих зданий, нужную для составления генплана города»*.

В нашем случае есть основания предполагать, что на территории будущего Задонска подобная подготовка проводилась задолго до итогового события. Возможно, с 1772 года. Брошюра «Задонский Богородице-Тихоновский (Тюнин) женский монастырь», сообщая о том, как работавший над составлением генплана Задонска губернский землемер встретил в лесу святителя Тихона, обустроивавшего Тюнинский источник, именно так датирует этот случай (во всех трех изданиях). Возможно, это — всего лишь повторяющаяся опечатка в дате (Генплан Задонска утвержден в 1782 году). Отец Геронтий, кстати, рассказывая об этом случае, говорит о *«конце 1770-х годов»*.

Если же датировка не ошибочная, то это может быть косвенным подтверждением высказанного краеведом М. Егоровым предположения о том, что возвести монастырскую слободку в статус города решили ранее 1775 года, а принятие екатерининского «Учреждения...» лишь ускорило процесс. Основанием для подобного предположения стало, в частности, то, что святитель Тихон уже в

первые годы своего пребывания в Богородицком монастыре подписывает письма как «Задонский». А в одном случае — 24 января 1776 года — «Тихон. Задонск». Но это лишь гипотеза.

Точно же известно лишь то, что первый генеральный план Задонска был утвержден высочайше 19 марта 1782 года.

Благодаря тому, что первое, «екатерининское», планирование Задонска осуществлялось практически на чистом «листе» земли (слободка насчитывала несколько десятков домов), город имеет идеальную прямые широкие улицы, четко ориентированные по сторонам света. Это выгодно отличает его в плане удобства застройки и прокладки коммуникаций от поселений с более древней городской историей (того же Ельца, к примеру).

Почти полугодом ранее — на вторую годовщину своего существования — 21 сентября 1781 года — новоучрежденный город, согласно Высочайше утвержденному докладу Сената «Об утверждении гербов городам Воронежского Наместничества», получил свой герб.

Символом Задонска стала «за Доном рекою построенная башня в серебряном поле, означающая подлинное положение сего города».

Как, впрочем, явствует из полученного по указу от 25 сентября 1779 года названия «Задонской», не только геральдический символ, но и само имя означало «подлинное положение сего города». В более звучное «Задонск» оно превратилось несколькими годами позже, а первоначально звучало всего лишь как первая часть довольно безличной фразы «задонский город». Тем не менее, название «Задонской», при всей его незамысловатости, вовсе не является случайным. Именно Задонск для жителей северных губерний, следовавших в южные пределы России по пролежавшему через Воронеж главному в то время почтовому тракту этого направления, был единственным населенным пунктом, расположенным сразу за Доном.

По документам видно, что определение «Задонский» уже более полутора столетий использовалось как имя собственное применительно не только к Тешевскому мужскому монастырю, но и к селению, ему принадлежавшему.

Так, в «челобитной ельчан разных людей 1628 года» указан «монастырь в Елецком уезде Пречистой Богородицы Задонский». Такое наименование, а также смешение двух вариантов — «Задонский Тешевский монастырь» — встречается и далее. А в «Книге окладной приходной 1724 году города Воронежа Дому Архиерейского Казенного Приказу сбору Воронежской епархии городов с церквей дан-

ных и протчих положенных доходов, которые положены по окладам» упоминается церковь «*Владимирския Пресвятыя Богородицы в селе Задонском монастыре*». Все более частое использование наименования «Задонский» связано с окончательным утверждением маршрута главного пути на Воронеж через Дон, именно мимо Тешевского монастыря.

С годами топонимическая привязка обители и поселения к речке Тешевке и Тешевскому лесу, по причине изменения топографии местности, становится все более редкой.

Дело в том, что за время строительства флота в Воронеже Тешевский лес «*от деревни Уткино до Лебедянского рубежа*» был «*посечен весь*». А с исчезновением леса в ручей окончательно превратилась Тешевка, и без того бывшая немногочисленной и со стороны малозаметной. И для новых поколений власть предрежащего чиновничества, составлявшего бесчисленные описи и реестры, более удобопонятной показалась привязка монастыря и слободки к Дону относительно столичного города.

В итоге в указе 1779 года речь и идет о «монастыре Задонском» и некогда ему принадлежавшем «селении Слободка».

Документы, достаточно подробно характеризующие состояние Слободки к моменту присвоения ей городского статуса, доступны, благодаря публикациям воронежских истриков конца XIX начала — XX века. По ним вполне можно составить общую картину первых лет жизни Задонска.

Первые годы задонские

Об экономическом ее состоянии на 1775 год кое-что известно из «Рапорта Воронежскому губернатору от коллежского советника и Елецкой провинции воеводы».

Крестьяне слободы Тешевки, как сообщает это документ, «*нашенной земли имеют 401 четверть, сенных покосов 14 десятин. А по объявлению крестьян и сторонних людей достается на ревисскую душу пашни не более одного осминника в поле, за тем, что земля по большей части поросла мелким лесом. А вдобавок к своей пашне и сенные покосы наемывают у соседственных с ними владельцев. При том селе имеется лесу селидебного казенного до 20 десятин, а сверх того и дровяного до 30 десятин. И из дровяного крестьяне довольствуются сами, а несколько отвозят для продажи в город Елец, селидебный же им рубить запрещено*».

А благодаря генеральному плану, куда была нанесена и существовавшая прежде застройка, точно известно, что к 1779 году слобода состояла из трех частей. Дома слобожан располагались как по обоим берегам речки Тешевки, так и в районе современной автостанции Задонска.

В 1781 году, когда Задонску только-только исполнилось два года, местные власти получили из самой столицы, через губернскую канцелярию, опросный лист Императорской Академии наук, со списком вопросов, ответы на которые *«потребны для Географического и Исторического описания всей Российской Империи»*. Как ответ, родилось сочинение под названием: *«Описание, учиненное в Задонском Уездном Суде обще з Задонским же Городничим и Нижним Земским Судом, против запросов учрежденной при Императорской Академии Наук Камисии, 1781 г., Ноября 25»*. Документ этот был опубликован Л. Б. Вейнбергом в XV томе «Материалов по истории Воронежской и соседних губерний».

Итак, о Задонске сообщается, что *«Онай город положение имеет на высоком месте близ реки Дона и озера по течению онога на левой стороне; жители поселение имеют по обе стороны реки Тешевки, впадающей в реку Дон, на гористом месте»*.

Есть упоминание о некоем озере: *«Близ онога города состоит озеро, длиною сто девяноста (около 290 метров), а поперечены сорок сажен (ок. 60 м.); реки никакия чрез оное озеро не протекают и во оноу не впадают»*. По всей видимости это — так называемое «озеро Гусиное». Пересыхать оно начало еще в веке XIX, а окончательно было «добито» сооружением дамбы, ведущей от моста через Дон прямоком по бывшему озеру. В той или иной степени остатки озера сохранялись до 1970-х годов благодаря сильным разливам Дона и сливу обраты от маслозавода. А с пресечением первого и второго исчезли практически окончательно.

Вообще же, как следует из «Описания...» город у озера *«положение имеет гористое и лесистое, на котором вообще лес растет березовой, дубовой и липовой; Задонская округа положение имеет по большой части равное и безлесное, где же имеетя оныи вообще болше растет дубовой, и березовой, липовой, асиновой»*.

А населен город был, как и слободка Тешевка двумя годами ранее, в основном крестьянами: *«Во оном городе жители триста тринадцать душ економических крестьян, подати государственныя плотят каждой год с души подушных по семидесять копейка, оброчных по два рубли Россискою монетою, ходящею монетою»*.

Образование получали здесь в частном порядке. Ибо *«в сем городе училищ учрежденных нет»*.

Нет и промышленности. *«В сем городе Задонске заводов, фабрик как казенных, так и партикулярных никаких не состоит»*. Более того: *«В сем городе торговли не бывает и пошлин никаких не собирают»*. За данным ответом видится какая-то местечковая «экономическая» хитрость. Ведь уже по документам XVII столетия известно о ярмарках в дни праздников Владимирской иконы Божией Матери.

Но хоть и мало в Задонске торговцев, достойных того, чтобы местная власть их заметила, зато много художников. Сообщить «где есть искусные художники, в каком бы то роде художество ни было», просила в своей анкете Академия. Вот что ответили городские власти Задонска: *«жители художество имеют: каменщики и часть щикатурищиков, кирпичники, кузнецы и печники, сапожники»*. А чем же занимаются остальные задонцы, добывая себе пропитание? *«Весною и осенью как в городе Задонске, так и в уезде поселяне, прилегающая к рекам Дону и Воронежу весною и осенью ловят рыбу»*. Причем, в куда более широком ассортименте, чем сегодня. *«Как в городе Задонске, так и в уезде ловятся рыбы: осетры, белуги, стерледи, сомы, а большая часть вырезубы, сазаны, щюки, лещи, головли, окуни, лини, плотва, караси, пещари, ерши»*.

Когда же наступала страдная пора, местные обыватели с рыбалки переключались на другие занятия. *«В летнее время упражняются все в хлебопашестве, которое у них в наилучшем состоянии»*. *«Как в городе Задонске, так и в округе жители хлеб более сеют рож, овес и гречя и по малому числу проса, урожаям приходит сам шост и сам сиом»*. Хлеб, в основном, потребляли на месте. *«За продовольствием своим продают рож в сем городе, а более никаким путем и никуда не отпускают; а в округе жители возят для продажи в соседственные города, яко то Елец, Ефремов, Лобедянь и Липецк малым количеством сухим путем»*. Занимались задонцы и скотоводством. Но не в промышленном масштабе, а как мы сегодня говорим, «на подворьях», для себя. *«В городе скотоводство жители водят для своего расхода и на продажу никуда не гоняют»*.

Помимо прочих продуктов и их источников, особо интересовала Академию соль и то, как складываются на нее цены в тех местах, где нет естественных источников этого необходимого атрибута домашнего хозяйства. Давая свой ответ, задонский городничий сотоварищи проявили этакую меланхоличную философичность. *«За неимением в городе Задонске, також и в уезде солеварен и самосадки*

жители соль покупают из соседственных городов, яко то Ельца, Лебедяни и Ефремова и Липецка малыми частицами, а в города оная соль ис каких мест привозится и сколь дорого провозом становится, неизвестно».

Зато в том, что касается местного рынка, отвечающие скрупулезно конкретны: *«В сем городе рыночныя цены съистным товаром бывають самыя высокия пуд свинина 80 коп., баранина 60 к., говядина 50 коп., а в Задонской округе продаваемым съястным припасом самая ниская и самая высокая цена, а именно: свежей и соленой баранины фунт от 1 и до 3 денег, говядины свежей и соленой от 1 и до 2 коп., свинины свежей от 3-х денег и до 2 коп., а соленой от 3-х и до 4 коп., сала бараньего от трех и до четырех, свиного сала от 4-х и до 5 коп., яиц десяток по три денги и по 2 коп., индейка 20 и 25 коп., утка 8 и 10 коп., гусь 12 и 15 коп., парасенок 8 и 10 коп., курапатка 8 и 10 коп., рыбы свежей от двух и до 5 коп., соленой северюги от 3 и до 4 коп.»* Для наглядности можно соотнести эти цены и размер годовой подати (2 рубля 70 коп.), указанный выше, с суммой сегодня уплачиваемого за год подоходного налога в пресловутые «13 процентов» и ценами на продуктовом рынке Задонска.

В числе прочих мясных товаров обращает на себя внимание наличие дичи - куропаток. Видимо, это был вполне обычный товар на тогдашнем мясном рынке. И не случайно. Округа изобиловала птицами. *«В городе Задонске, так и в округу водятся птицы дикия: гуси, утки, журавли, драфы, горлицы, чапли, арлы, воронья, естреба дву сортов: адни болияя, а другия малыя, тетеревы, карапатки, чечетки, щеглы, чижи, саловьи, снегиры, дразды, скварци»*. Интересовалась Академия, меж тем, не только наличием фауны, но и *«не бывает ли где какого вреда жителям от гадин, как то змей, саранчи, овода и прочих?»*. Последовавший ответ вновь наводит на мысль о философских настроениях градоначальства: *«от гадин змей и саранчи жителям вреда знатного не бывает, кроме того что иногда нечаенно, по судьбе, кому доведется потерпеть от угрызения змей, ужов»*.

Был вопрос и водных ресурсах, на который отвечали: *«Близ оно-го города на полдень протекает река Дон, которая начало свое имеют от сего города в дальнейшем растаянии; глубины немалой, шириною в настоящее течение семдесят пять сажен; по оной отправляются толко в полою воду с разным хлебом суда; сколько ж простирается верст, поелику вершина ее неизвестна, знать невозможно. Протекающая речка Тешевка, которая течение свое предприяла из ключей не более как три версты, впадает в реку Дон близ города»*.

Впрочем, не только вопросы географии обычной и экономической, вкупе с природоведением, интересовали Академию. Часть опросника составлена с целью получить сведения историко-краеведческого характера. Причем, заявлено, что *«буде есть летописцы»* в городах или монастырях, то следует *«прислать с них списки, за которые Академия заплатить не отречется»*. Но в Задонске на копировании *«летописцев»* зарабатывать оказалось некому. За отсутствием таковых.

«В сем городе и состоящем в нем монастыре летописцов никаких не имеется». И еще раз — для особо непонятливых академиком: *«Как сей город учрежден по открытии Воронежского Наместничества ис слободы Экономической, а потому ни укрепления никакова не имеет, ни поместных летописцов об нем нет»*. И больше того: *«По новости сего города чертежей и плана не имеется, а из межевой конторы план городской дачи еще не прислан»*. А далее: *«Как сей город учрежден вновь из слободы Тешевки, то в нем развалин, городищ никаких не имеется»*. *«Как в городе Задонске, так и в уезде лекарственных вод, кладезей, пещер и подземных ходов не имеется»*.

Зато все были отменно здоровы. И люди, и скотина. *«Нет ли где отменных и в известное время приключаются болезней, как в разсуждении людей, так и в разсуждении скота, и какия средства в болезнях жители употребляют?»*, - спрашивала Академия. *«Как в городе Задонске, так и в уезде таковых болезней не бывало и нет»*, - бодро рапортовало в ответ градоначальство.

Проявляет Академия интерес и к духовному состоянию населения, интересуясь: *«Какой обитает народ: просвещен крещением или в язычестве пребывающей?»*. На этот счет Задонские власти отвечают четко и недвусмысленно: *«Как в городе Задонске, так и в Задонской округе все жители обитают просвещенные крещением, а язычников нет»*. Как и ранее в самом городе *«приходских церквей никаких нет, а состоит во оном городе один толк монастырь»*. Городские постройки, за исключением отдельных монастырских, все деревянные. В обители *«церковь каменная во имя Владимирской Богоматери с двумя пределами, ограда и колоколя каменная; в оном монастыре обитают игумен з братиею, кельи имеют деревянные; каменного строения как казенного, так и партикулярных людей (частной застройки), никакова не имеется»*.

Из-за того, что единственными каменными (да к тому же достаточно просторными) постройками были монастырские здания, все *«городские службы»* вместе с *«органами исполнительной власти»*

вынуждены были в течение двадцати первых лет Задонской городской истории квартировать в стенах обители, пока для «присутственных мест» сооружались приличествующие здания.

Все эти годы в монастырских подвалах размещалась и городская тюрьма. Это и дало возможность воинствующим атеистам, спустя века, выставить задонских монахов в роли безжалостных тюремщиков, повесив на музейном стенде ржавые кандалы с соответствующей припиской. И получилось, что была в монастыре своя тюрьма, где томились бедные крестьяне-недоимщики. На самом же деле тюрьма была не монастырская, а городская. И не «в монастыре», а «на территории монастыря». Как говорится, «две большие разницы».

На деле, думается, вынужденное размещение тюрьмы в монастырских подвалах изрядно смягчало режим содержания заключенных и способствовало притоку милостыни в камеры сидельцев. Не оставляли арестантов без внимания и хозяева обители. Особенно часто посещал импровизированную темницу святитель Тихон, сострадательный и человеколюбивый настрой истинно христианской души которого не допускал равнодушия к страданиям ближних, пусть и заслуженным по меркам судей земных. Он не только приносил узникам слово ободрения, даруя им надежду на лучшую будущую долю в случае искреннего покаяния, но и поддерживал материально, щедро раздавая милостыню лично или через доверенных посредников.

Впрочем, благотворительная деятельность святителя Тихона в задонский период его биографии отнюдь не исчерпывалась поддержкой заключенных. Нескончаемой вереницей, по воспоминаниям келейников, шли к нему люди земли Русской, надеясь на доброе мудрое слово и поддержку в тяжелых жизненных обстоятельствах. И никто «тощ и неутешен не отыде». Так что не одна сотня, а то и тысяча глаз увлажнилась слезами сожаления, когда разнеслась весть о последовавшей 13 августа 1783 года кончине святителя.

Погребение усопшего праведника совершил епископ Воронежский Тихон III. Вот как описывает это иеромонах Геронтий: *«Тело усопшего, руками священников было перенесено под алтарь соборной церкви, где положено в обложенный камнем склеп и закладено с выводом над ним из кирпичей надгробия в форме гроба. На надгробии положена была медная доска с надписью, сочиненной Тихоном III-м. «Здесь скончался 1783 года Августа 13 дня преосвященный Тихон епископ, прежде бывший Кексгольмский, а потом Воронежский, рожденный 1724 года, пребывавший на обещании с 1767 года по смерть, показавший образ*

добродетели — словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою. 1783 года Августа 20-го погребен здесь». Впрочем, упокоение праведника, окончившего свой земной путь, не только не истощило, а напротив, умножило число тех, кто спешил в Задонск, привлеченный рассказами о пребывающем здесь человеке Божиим. Как приходили они, всех возрастов и званий, к нему живому, так продолжали идти к могиле святителя, веруя, что духом остается он рядом и не только услышит мольбы и сомнения, но и поможет разрешить их, как имеющий дерзновение перед Господом. И этот приток паломников благотворно сказывался как на благополучии обители, к вратам которой они направляли свои стопы, так и города, постепенно выраставшего за ее стенами.

Город строится

Для Задонска последние десятилетия XVIII века — время первых шагов по пути собственно городского развития. Ведь росчерк пера государыни, легко даровавший слободке городской статус, как доказывают ответы на вопросник Академии наук 1781 года, мало что изменил в реальной ситуации. Городу еще предстояло строиться и заселяться.

Благодаря сохранившимся документам, можно констатировать, что становление города было довольно быстрым на начальном его этапе. Уже через 6 лет после своего учреждения населенный пункт заметно больше похож на город. В «Описании Воронежского наместничества 1785 года» особый раздел посвящен Задонску.

Было к тому времени здесь 205 частных деревянных домов. А проживали в них на 1784 год 537 жителей мужского и 576 — женского пола. Каменные строения, как и ранее, имелись только на территории монастыря, да и те *«большую часть обветшалья»*. Из казенных зданий имелись два магазина-склада — бревенчатый соляной и «земляной» (погреб) винный, 3 питейных дома плюс один «трактир партикулярной».

Но о задонцах теперь говорится так: ***«Населен город купцами, мещанами, разночинцами, более ж — казенными поселянами»***. Конкретное соотношение различных социальных групп населения Задонска в начальный период его существования становится ясно из данных 5-й ревизии, проводившейся в 1794 году. За десять лет, прошедших с момента составления «Описания 1785 года», население нового города увеличилось почти на четыре сотни человек. Ревизией зафиксиро-

ваны 753 задонца мужского пола и 707 — женского. Из них купеческого сословия 309 человек, мещан — 457, крестьян экономических (казенных поселян) — 649, крестьян помещичьих — 55.

Купцы делились на три гильдии. В первую входили имевшие капитал от 10 до 50 тысяч рублей, во вторую — от 5 до 10 тысяч и в третью — от 1 до 5 тысяч. Для мещан переход в купечество был свободным при наличии соответствующего капитала. К мещанам, как явствует из документов того времени, относились *«проторговавшиеся купцы, а также отпущенные от помещиков на волю и другие свободные люди»*, желающие быть горожанами, но не имеющие средств для перехода в купечество.

Самая многочисленная категория жителей Задонска — крестьяне — формально права на проживание в городской черте не имела. Потомки бывших монастырских вотчинников, ставшие в 1765 году казенными или экономическими, по-прежнему числились в крестьянском сословии, а потому, *«яко к городу не принадлежащие, поселение иметь должны в Подгородной слободе»*.

Из сведений о Задонске, приводимых в «Историческом, географическом и экономическом описании Воронежской губернии» Е. А. Болховитинова, изданном в 1800 году, становится ясно, что «подгородных слобод» было несколько. *«Сей город разделен на 22, а подгородния экономические слободы на 14 кварталов»*, — сообщает «Описание...» Болховитинова.

Видимо, не будет излишне смелым предположить, что одной из «подгородних слобод» стала нынешняя Тешевка (Аркины). Именно устройство нового населенного пункта для переселения туда крестьян с прежней территории проживания, ставшей городской, могло повлечь одновременный перенос старого названия. Прожив всю жизнь в Тешевке и будучи выселенными после того как слободка стала Задонском, бывшие монастырские крестьяне увезли с собой не только нехитрый домашний скарб, но и привычное название своего общего дома.

Тем не менее, о принудительно-массовом переселении говорить не приходится. Скорее переселялись те, кто более тяготел к крестьянскому укладу. Ю. Р. Клокман отмечает, что *«учреждение новых городов-уездных центров на месте сел и слобод сопровождалось переводом их жителей — крестьян, ямщиков — в сословие горожан»*. Видно это и из данных переписей. И в 1784, и в 1794 году в черте города проживают крестьяне. Как экономические, так и помещичьи. Причем, число их растет.

Крестьяне, оставшись жить в городе, не оставляли привычных занятий. В «Описании 1785 года» сказано следующее: *«казенные же поселяне имеют скотоводство, но для себя толко, преимущественнее же обращаются в хлебопашестве. Получаемые от трудов, за удовольствием себя и дому, избытки продают более в самом городе сот на пять»*. О том же пишет и Болховитинов.

Основную торговлю вели задонские купцы и мещане, чей совокупный годовой товарооборот вдвое превышал крестьянский, доходя до 1000 рублей. Хотя торговля в Задонске развитой не считалась. При том, что в распоряжении местного купечества была и сухопутная отлаженная трасса Москва-Воронеж, и судоходная по тем временам река Дон. Более того, Болховитинов считает, что жители Задонска *«мало занимаются торговлею»*. И далее замечает: *«Можно было бы в Задонске быть и пристани, и по Дону, яко судоходной реке, отправлять товары и съестные припасы в крепость св. Дмитрия Ростовскаго (Ростов) и Таганрог; но купечество по недостаточеству своему не может начать сей коммерции»*. Что, в общем-то понятно. Купечество в бывшей крестьянской слободе только-только становилось на ноги и не имело достаточных капиталов для более серьезных затей, чем обслуживание местного товарного спроса.

В связи с отсутствием в городе фабрик и заводов все промышленные товары некустарного производства доставлялись в Задонск из губернского Воронежа и соседнего Ельца. Более всего привозили их иногородние купцы для торговли во время ярмарок. Их бывало в Задонске три. Все — приуроченные к праздникам, посвященным Владимирской иконе Божией Матери, — престольным для единственного в ту пору задонского храма.

Самая ранняя из старых задонских ярмарок длилась всего сутки. Проходила она 21 мая. Съезжались *«на оную в малом числе околных мест жители и города Ельца купцы»*. Ельчане приезжали с *«мелким красным товаром»*, а *«околные жители»* с хлебом, да *«делаемыми ими вещьми»*.

Наиболее большая и шумная из задонских ярмарок собиралась 15 июня и вела торги аж до 23 числа, пока монастырские колокола не возвещали о наступлении праздника, посвященного прославленной иконе. Главным предметом торга были лошади. Именно их продавали и покупали в первую ярмарочную неделю лошадиные барышники и коннозаводчики, стекавшиеся сюда *«из разных мест»*. А *«в конце той ярмонки, дня за два»* приезжали с разными товарами *«купцы и мещане елецкие, серпуховские, тульские, коз-*

ловские, рязанские, романовские и воронежские» и торговали до ее закрытия. Думается, ориентация ярмарки на торговлю лошадьми не случайна. Расположение торжища в пойме Дона позволяло обеспечить четвероногий товар кормами и водопоем, а наличие хорошей дороги гарантировало скорый и безопасный перегон табунов.

Третья ярмарка, самая скромная, проводилась 26 августа и носила исключительно региональное значение.

В прочее время года основной товарооборот был сосредоточен в руках задонских профессионалов. Как отмечает «Описание 1785 года» торговали они больше съестными припасами, скупая их в окрестных селах, а затем реализуя в городе.

Такая структура местного товарооборота, с явным перевесом в сторону сельхозпродукции, не случайна. В «Описании...» Болховитинова сказано, что задонцы *«по случаю множества проезжающих содержат постоялыя дворы с принадлежащими припасами»*. И все же обслуживание проезжающих не могло поглотить ту весьма основательную, по свидетельству современников, товарную массу продуктов, что реализовывалась на внутризадонском рынке. Следовательно, Задонск довольно быстро приобретал основные черты именно городского поселения. Большинство его жителей уже на раннем этапе существования города предпочитало покупать продукты питания на рынке, а не выращивать на подворье.

Хотя и городское огородничество было довольно развито. На грядках задонцев в 1784 году произрастали редька, лук, чеснок, свекла, капуста, огурцы, бобы, морковь, салат, петрушка, укроп, русская горчица, анис и горох. Отсутствовало главное огородное растение по современным меркам — картофель. Что не удивительно. Картошка, ставшая позднее «вторым хлебом», на российской земле приживалась болезненно и трудно вплоть до конца 30-х годов XIX века.

Сады, зелень которых в XIX веке радовала гостей Задонска, в конце восемнадцатого только-только начинали разбиваться.

Весьма разнообразила стол как проезжающих, так и задонцев донская рыба, лов которой Болховитинов, автор, не связанный местными экономическими интересами, чуть ли не единственный называет «выгодным».

Подобные выгоды, в совокупности, и позволяли городу развиваться, постепенно преобразаясь внешне. Так, в конце XVIII века число обывательских домов по-прежнему составляло 205, но четыре из них уже были каменными. Доходность торговли позволила отдельным купцам ставить каменные же лавки. Таковых к 1800 году

насчитывалось 6. В это время возводились из кирпича «казенные присутственные места», а также — городской собор.

До того единственной церковью в Задонске был Владимирский собор Богородицкого монастыря, при котором, как и в начале века семнадцатого, числился светский причт. *«В монастыре для города служит приходской священник и два причетника»* — сказано в «Описании 1785 года». Лишь в 1798 году была заложена соборная каменная церковь во имя Успения Божией Матери с приделами Архангела Михаила и св. Тихона, Амафунтского чудотворца. Ситуация с приделами особенно красноречива во втором случае. Настолько сильно было почитание усопшего и погребенного в Задонском монастыре епископа Воронежского Тихона (Соколовского) за угодника Божия, что один из приделов будущей городской церкви решили посвятить небесному покровителю опочившего в Задонске святителя. Это позволило примирить религиозное рвение почитателей упокоенного в стенах Богородицкого монастыря епископа без конфликта с тем, что официально он не был причтен к лику святых.

Возведение собора не отняло много времени. Полностью постройка была окончена и освящена в 1800 году. К счастью, время и люди пощадили храм, и он по-прежнему стоит там, где ему положили стоять наши предки и утвержденный еще Екатериной II Генеральный план.

Неординарность проекта Успенского собора в Задонске и качество его воплощения послужили в советское время поводом к признанию церковного здания памятником архитектуры. Предоставим слово профессионалу. *«Особенно интересна трехъярусная колокольня, поражающая своей легкостью и стремительным взлетом... По стройности своих общих форм и динамизму колокольня может быть отнесена к группе наиболее видных сооружений подобного рода»* — так охарактеризовал Успенский собор в Задонске краевед Л. Е. Рудаков — бывший главный архитектор Липецка.

Впрочем, зримые перемены произошли в конце XVIII в. не только внутри города, но и на подступах к нему.

На протяжении почти двух столетий путешественники, направлявшиеся в Воронеж и обратно, пересекали Дон у Задонска посредством парома. И вот в 1799 году впервые был устроен здесь сезонный мост «на судах». Поперек реки установили заякоренные барки, поверх которых лег деревянный настил моста. Исчезли затоны и очереди на переправу, привычные при старом неспешном средстве связи берегов.

Пожалуй, с этого времени Панарино окончательно утрачивает сколько-нибудь заметную роль придорожного села. Теперь коляски и брички следовали мимо без остановки. Обслуживание проезжающих полностью отошло к Задонску. Здесь, на почтовой станции, остановку приходилось делать всем.

Заботы мирные и военные

В век новый — девятнадцатый от Рождества Христова — вступил Задонск уже небольшим, но городом. Причем, не только по названию. Обозначенные первоначально только на бумаге первого Генерального плана улицы и площади Задонска за три десятилетия существования нового уездного центра начали прорисовываться в натуре.

Как уже говорилось выше, в 1800 году был выстроен городской каменный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы. К 1802 году завершено было и строительство «присутственных мест» — здания, где разместились структуры тогдашней уездной власти. Как свидетельствует «Описание города Задонска» 1821 года, это было весьма внушительное трехэтажное сооружение. Здесь помещались *«все суды з денежною кладовою, на нижнем этаже — тюремный замок»*. Судя по архитектурным чертам, это было здание, известное задонским старожилам как «тюрьма». Оно располагалось в юго-западном углу квартала занятого монастырем и было разрушено в начале 60—х годов двадцатого века под предлогом ветхости.

Частное строительство несколько сковывалось наличием достаточно жестких требований Генерального плана. В то время генплан был документом обязательного исполнения, до мелочей регламентирующим, что, где и из чего построить. И если, по каким-либо причинам, требования генплана не могли быть удовлетворены, свободная городская территория так и оставалась пустырем. До лучших времен. Оживлению застройки способствовал специальный императорский указ от 5 января 1807 года, дозволивший в уездных городах Воронежской губернии *«вместо назначенных по планам каменных»* строить деревянные дома на каменном фундаменте, *«по тому случаю, что постройка каменных домов, по недостатку кирпича, была сопряжена с большими затруднениями»*.

Кстати сказать, немалые неприятности причинил застройщикам и домовладельцам страшный ураган, наделавший бед в 1811 году и на несколько поколений оставшийся в памяти местных

жителей. *«В это время сорвало железную кровлю с церковной трапезы; во многих зданиях монастыря выбило рамы со стеклами. А в городе много поломало садовых деревьев, пораскрыло кровли с обывательских домов, разнесло заборы и проч.»*, — цитирует воспоминания очевидцев иеромонах Геронтий.

Время было предвоенное, исполненное тревожных ожиданий, несмотря на временное затишье в российско-французских отношениях после шаткого Тильзитского мира, заключенного летом 1807 года. И не удивительно, что буйство стихии восприняли задонцы как провозвестие очередной военной беды.

В специальном издании, призванном увековечить роль Воронежской губернии в победе над Наполеоном — объемом том «Воронежское дворянство в Отечественную войну» — сказано: *«На случай вторжения неприятеля в пределы Отечества, приготовления воронежцев к войне начались еще в 1806 году»*.

Отряд милиции (так решено было именовать ополченцев) был создан и в Задонском уезде. В него вошли 8 человек посадских и 485 казенных крестьян. На экипировку и содержание милиции по уезду собрали 110 рублей 60 копеек. Уездным начальником милиции назначен был полковник И. А. Кожин. Правда, к осени 1807 года, когда, благодаря дипломатическим усилиям, напряженность в отношениях с Францией начала ослабевать, милицию практически распустили.

О жизни Задонска в годы наполеоновского вторжения сведения крайне скудны. Единственное упоминание — в воспоминаниях княжны Т. А. Волконской: *«В 1812 году некоторые бежавшие из Москвы помещики выбирают себе местом жительства Задонск»*. А следом за беженцами довелось задонцам увидеть и французов. Но не завоевателей, а пленных. Причем, если верить тому, что рассказал в конце XIX века воронежскому краеведу Е. Л. Маркову тюнинский столетний дед по прозвищу Кочеток, судьба французов в Задонской округе оказалась незавидной. Вот что поведал о пленных «лягушатниках» старожил из Тюнино: *«Много их тогда наши позабрали, как из Москвы выгнали, девать было некуда; по всем городам Царь их приказал расточить, даже к нам в Задонск под караул прислали. Ну только смотреть за ними было некому, стали они по деревьям шататься, озорничать, — мужики глядели, глядели, да и поубивали их всех на токах»*.

О том же, кто из задонских уроженцев прославился на полях Отечественной войны 1812 года не известно ничего. Военный герой, связавший свое имя с Задонском, появился здесь позже.

Знаменитый покоритель Карса — генерал Николай Николаевич Муравьев, участвовавший и в боях Отечественной войны 1812 года, впервые посетил Задонск в 1816 году, направляясь к месту службы на Кавказ. А позднее, занося путевые впечатления в дневник, сделал запись, весьма лестную для молодого города: *«Из всех уездных городов понравился мне наиболее Задонск: он выстроен правильно и похож более на большую мызу богатого помещика»*.

Вряд ли предвидел тогда, на заре карьеры, молодой штабс-капитан, что именно с этим аккуратным городком «на косогоре, с полверсты от Дона», будет связан закат его жизни, а местный монастырь станет последним пристанищем на земле. Но, спустя несколько десятилетий, случилось именно так. А за это время и городок у Дона еще более похорошел и оформился. Причем, не только внешне. Произошли весьма заметные для того времени перемены в интеллектуальной составляющей городской жизни.

До начала XIX в. Задонск не имел ни одного образовательного учреждения на своей территории. Впрочем, не лучше обстояло дело и по всей провинциальной России.

Возникновению первого городского общеобразовательного учреждения обязаны наши предки хлопотному и неравнодушному к общественным нуждам надворному советнику Семену Алексеевичу Викулину. Именно на его средства, еще до первой Отечественной войны, был выстроен каменный двухэтажный дом для будущего уездного учебного заведения. Здание это сохранилось до наших дней — в его стенах обретается детский Центр технического творчества (белое здание бывшей первой школы). Одновременно, также за счет Викулиных, велось строительство и городской больницы на 24 кровати. При больнице сооружена была церковь во имя святителя Тихона Амафунтского.

По любым, хоть прежним, хоть нынешним меркам городу был сделан поистине королевский подарок. Но далеко не сразу оживили пустые школьные коридоры, пропахшие свежей краской и сырой побелкой. Успела и краска пожухнуть, и побелка просохнуть...

Благотворителя и его брата — штабс-капитана В. А. Викулина — в знак благодарности за содеянное произвели в Почетные смотрители училищ Задонского уезда и начали думать, где взять средства на содержание учебного заведения. В черновике отчета о состоянии образования в Воронежской губернии за 1812 можно найти такие строки, касающиеся Задонского уездного училища: *«по неимению сверхштатных сумм, не открыто и в училищное ведомство не принято»*.

Лишь к 1818 году необходимые средства были изысканы и должное открытие училища состоялось 1 сентября. Было училище 2-классным. Имелось подготовительное низшее отделение. Библиотека учебного заведения насчитывала 41 том да 3 стенные таблицы.

А то как обстояло дело с «народным образованием» в Задонске до открытия училища можно представить из воспоминаний бывшего задонца, некоего «статского советника Авр. Мих. Б-на, жителя-ствующего в Санкт-Петербурге, на Гончарной улице, в собственном доме», которые приводятся в книге иромонаха Геронтия (Кургановского), посвященной жизнеописанию Христа ради юродивого Задонского Антония Алексеевича.

«В 1817 или 1818 году образованность в здешней провинции была уделом немногих, даже и в дворянском сословии, а о купеческом и говорить нечего. Наши предки выучивались, как сами о том говаривали, "на медные деньги" ... Не многие читали тогда, и если читали, то только духовные книги, выходившие из Киевской монастырской типографии, значит, печатанные церковным шрифтом и церковного характера. У отца моего, между прочим, была порядочная домашняя библиотека, и книги находились в ней разного содержания; родитель мой любил читать и, при случае, умел рассказать прочитанное.

Поэтому он считался умным и начитанным человеком, к тому же слыл в купечестве за богатого. По купеческому своему званию, воспитание детям он давал сообразно тому времени: учил читать и едва-едва писать. Я еще не обучался, но, конечно, и мне предназначалась такая же жалкая доля образования.

В то время не было даже понятия о том, чтобы кто-либо из купцов, по крайней мере, в нашем захолустье, отдавал своих детей в гимназию или в университет и открывал бы им через то дорогу на служебное поприще. Это было трудно (по средствам) и неудобно (по незнанию, как за это взяться). Вообще, тогдашнее общество задонское мало заботилось о просвещении и жило, что называется, по следующему выражению: жили наши деды и отцы - проживем, дескать, как-нибудь и мы; так говорил каждый сам себе в пригретых родительским попечением гнездышках».

Через год после уездного — в 1819-м — последовало официальное открытие в Задонском Богородицком монастыре 4-классного приходского духовного училища. Впрочем, существовало это учебное заведение, как минимум, с 1814 года (в 1814-м Задонским монастырем было принято решение в память о св. Тихоне содержать на свои средства от 10 до 12 беднейших учеников).

Происходил торжественный акт открытия духовного училища в день воскресный и сопровождался молебном с водосвятием, который совершил настоятель обители, архимандрит Самуил.

Разместилось новое учебное заведение в специальной трехэтажной пристройке к южному келейному корпусу, завершённой в 1818 году. Эта пристройка окончательно сформировала облик здания нынешней монастырской трапезной — годом ранее с восточной его стороны была пристроена Вознесенская церковь. И другие серьезные изменения произошли в архитектурном облике монастыря. Сооруженные в первой половине предыдущего столетия жилые и хозяйственные здания обители требовали обновления и расширения. Поэтому в период с 1800 по 1820 годы были перестроены или возведены вновь келейные и гостиничные корпуса, устроена братская трапеза с хлебопекарней и кухней при ней. Продолжилась реконструкция Богородицкого монастыря и в годы последующие.

Воронежский гражданский губернатор Н. П. Дубенский поддержал прошение настоятеля с братией о выделении монастырю дополнительного земельного участка. Затем последовала некоторая задержка в решении вопроса, и окончательно выделение требуемого участка было утверждено генерал-губернатором А. Д. Балашевым в 1822 году. Речь идет о западной части территории обители, выходящей на сегодняшнюю улицу Карла Маркса в Задонске, где разместились сад и колокольня с гостиницей, спроектированные архитекторами из губернского Воронежа.

Закладка будущих строений состоялась 16 июля 1824 года, после литургии. Завершив богослужение в храме, архимандрит Самуил с братией, несшей иконны, прибыл к месту будущей стройки, где и совершил молебен с водоосвящением. После того как архимандрит окропил святой водой отведенное под застройку место, в основание будущего здания был положен «четвероугольный белый камень» покрытый затем чугунной доской с надписью: *«В царствование Благодетивейшаго Государя Императора Александра Павловича самодержца всея России тщанием настоятеля архимандрита Самуила, 1824 г. Июля, 16 дня».*

Велось сооружение колокольни за счет пожертвований и было завершено в 1835 году. В среднем этаже колокольни располагалась трехпрестольная церковь, главный из престолов которой освящен был во имя св. Николая Мирликийского чудотворца.

Спустя два года после колокольни, уже при архимандрите Досифее, достроена была монастырская гостиница двумя симмет-

ричными «крыльями» донине примыкающая к нижнему ярусу колокольни. Обошлась гостиница в 51600 рублей 28 копеек ассигнациями. Около 5000 рублей уплачено было архитекторам.

Завершение работ на строительстве комплекса из надвратной колокольни и гостиничных корпусов позволило в 1838 году разобрать старую, обветшавшую колокольню, построенную при схигумене Евсевии. К сожалению, вместе с ней уничтожены были и примыкавшие к зданию колокольни помещения, служившие кельями святителю Тихону.

По задонскому преданию, передававшемуся со слов о. Иоанна Попова, протоиерея городского Успенского собора второй половины XIX века, наиболее крепкие бревна из деревянной части келий были отданы одному близкому к обители мирянину, чей дом сильно пострадал от пожара.

Предположительно, речь идет о так называемом «доме братьев Фроловых», до сих пор стоящем на улице Урицкого в Задонске. Косвенным подтверждением достоверности предания могут служить следующие обстоятельства: в 1841 году в Задонске действительно имел место сильный пожар, уничтоживший многие дома; о. Иоанн был членом комиссии, освидетельствовавшей в 1861 году тело святителя Тихона и проводившей прочую подготовительную работу в ходе процесса канонизации, а значит о разного рода подобных обстоятельствах весьма осведомленный...

Заняться столь масштабной реконструкцией Богородицким черноризцам позволил все увеличивавшийся приток паломников и, соответственно, пожертвований.

Еще в 1814 году епископ Воронежский Антоний I (Соколов) обращал внимание Святейшего Синода на то, *«что по уважению к чудотворной иконе Богоматери Владимирской и к памяти святителя Тихона, стекается большое число богомольцев разного звания из отдаленных мест России в обитель Задонскую»*.

Икона Богоматери Владимирская, принесенная на задонскую землю старцами-основателями монастыря и чудесным образом не опаленная пламенем пожара, уничтожившего обитель в 1692 году, с течением времени обретала все больший ореол святости.

Особенно, по мнению современников, чудодейственная сила святого образа проявлялась в лихие для задонцев годы. Так, в 1830—1831 годах, когда Воронежскую губернию постигла эпидемия холеры, Задонский монастырь избежал общей печальной участи. Заболевшие были и в его стенах, но обошлось, ко всеобщему изумле-

нию, без смертельных исходов. В самом же городе Задонске холера *«действовала смертоносно»*. Монахи приписывали свой более счастливый удел заступничеству Богородицы. Тогда задонцы стали приглашать в свои дома монахов с образом Божией Матери. И... *«смертоносная язва не похищала жертв и прекращалась»*.

О степени почитания чудотворной иконы говорит то, что радением богомольцев она была одета сребропозлащенной ризой, украшенной жемчугом и драгоценными камнями.

Вторая святыня, привлекавшая паломников в начале века — еще не прославленные официально мощи святителя Тихона, до времени пребывавшие под спудом, — не только возбуждала религиозное рвение богомольцев из народа, но и способствовала пробуждению религиозного чувства в душах более искушенных.

К 1825–1826 годам относится публикация первого 15-томного собрания сочинений святителя Тихона. Труды духовного писателя из Задонска, и ранее неоднократно издававшиеся порознь, наконец увидели свет в едином, хронологически и тематически организованном и тщательно выверенном по оригиналам своде. Удалось это сделать благодаря кропотливой работе редактора издания — митрополита Киевского Евгения (Е. А. Болховитинова).

Выход собрания сочинений святителя Тихона вызвал немалый интерес не только в церковных кругах, но и в светских, где со времен вольтерьянства все громче звучали скептические замечания в адрес религии вообще и Православной Церкви, в частности. Слово святительской проповеди, на всю Россию прозвучавшее из Задонска, заставило многих пересмотреть свои было склонившиеся к атеистическому вольнодумству взгляды.

В Задонске же, и в стенах монастыря, и вне его, духовное наследие святителя Тихона находило живое воплощение в местных праведниках. Именно с первой половиной девятнадцатого столетия связаны имена Георгия Алексеевича Машурина, затворника Задонского (Стратоника в постриге); иеромонаха Нафанаила, проведенного в затворе и уединенном богомыслии 15 лет; Антония Алексеевича, Христа ради юродивого Задонского; двух стариц-странноприимниц — Евфимии Григорьевны и Матроны Наумовны Поповых. Все эти люди Божии, по окончании земного пути, были упокоены в монастырской усыпальнице, основанной там, где некогда стояла келья схимонаха Митрофана — друга и собеседника святителя Тихона.

Отец Митрофан, скончавшийся в 1793 году, по завещанию своему, был похоронен в «пещере», ископанной им под полом для

молитвенного уединения. Богомольцы, радея о памяти покойного старца, столь близкого при жизни к святителю Тихону, в 1836 году добились разрешения на устройство здесь часовни. Позднее эта часовня, значительно расширенная в 1843 году на средства помещицы Тиньковой, становится усыпальницей местных праведников. По первому упокоенному ее именовали «Митрофановой часовней». В 1862 году часовня, при расширении выстроенной в 1817 году Вознесенской церкви и трапезной, была снесена. Усыпальница оказалась под алтарем перестроенного храма. С тех пор ее именовали «Митрофановой пещерой».

Усыпальница праведников, с момента ее устройства, стала одним из тех мест в Задонской обители, которые обязательно посещали паломники. А так как нередко были проезды высокопоставленных особ, следовавших по столбовой Московской дороге, то среди богомольцев бывали и люди весьма заметные на общем историческом фоне.

«Император Александр Николаевич (Александр II), еще наследником престола в 1837 году, совершавший путешествие по России, на обратном пути из Черноморья через Воронеж, прибыл в город Задонск 7 июля в 5 часов вечера. Встреченный у св. ворот архимандритом Досифеем с братиею, он вошел во Владимирскую церковь, прикладывался к чудотворному образу Богоматери Владимирской и к прочим святым иконам, осматривал в алтаре ризницу. Потом изволил быть в пещере под алтарем, в которой опочивало тело преосвященного Тихона... Осматривал зимнюю церковь Рождества Пресвятыя Богородицы и затем благосклонно принял сочинения преосвященного Тихона, поднесенный настоятелем», — такое описание визита цесаревича оставил иеромонах Геронтий, на основании записей в специальной гостевой книге монастыря. Можно встретить там имена великих князей и княжен, епископов и митрополитов, и многих прочих из сильных мира того. А вот имя камер-юнкера Александра Пушкина отсутствует. Хотя не мог он миновать Задонск по пути на Кавказ весной 1829 года. Не случайно бытовал в Задонске полуполюгендарный рассказ о том, как Александр Сергеевич в местном трактире бирючков ел да похваливал. Поведал об этом Николай Задонский в одном из своих исторических очерков, озаглавленном «Донские бирючки».

Трудно, конечно, теперь сказать, как оно было на самом деле, но, думается, проезд А. С. Пушкина через Задонск можно считать фактом бесспорным. А значит, вполне возможно, он тут и пообедал. И именно ухой из бирюков.

Другое же важное для местной истории утверждение из очерка про Пушкина и бирючков очень сомнительно. Н. А. Задонский пишет: *«Елецкие ямщики возили только до Задонска, где находилась одна из крупнейших станций тифлисского тракта... В Задонске существовало тогда сто шестьдесят почтовых и частных ямщиков. Берег Дона был сплошь застроен кузницами и мастерскими. Работали три гостиницы, двадцать восемь трактиров и несколько постоянных дворов»*. Но история о Задонске — крупном транспортном узле эпохи рысаков и ямщиков, муссировавшаяся в советское время с легкой руки писателя-земляка, к сожалению, не находит подтверждения в исторических документах. Вот что сказано о задонцах в документах 1821 года: *«упражнение этого города жителей состоит в разных промыслах, в торговле, в хлебопашестве и в разных мастерствах»*.

Кроме того, согласно данным за 1836 год, *«в губернском городе Воронеже и в прочих одиннадцати уездных городах... трактиров и гостиниц 28, харчевен 14, питейных домов 59»*. Наверное, не случайно совпадение отдельных цифр официального статистического отчета и вольного сочинения. Цифры из очерка, частично, — общегубернская статистика. «Сосредоточенная» в Задонске с целью показать, что город рос и богател за счет обслуживания в первую очередь транзитных пассажиров, а не благодаря наличию здесь монастыря и притоку паломников, требовавших крова и пропитания. Конечно, и мы показывали это выше, расположение «при большой Московской дороге» сыграло немалую роль в становлении Задонска. Но не было определяющим. Местные крестьяне не могли упустить шанс подработать перевозкой пассажиров и грузов. Известно, что в Тюнино многие именно частным извозом промышляли на жизнь до пуска железной дороги. И все же это не делало крестьян ямщиками.

Что касается «одной из крупнейших почтовых станций тифлисского тракта», то вряд ли она сильно отличалась от остальных. Тем более, всего в сорока верстах в сторону Москвы был действительно крупный транспортный узел — Елец. А восемьюдесятью верстами ранее — губернский Воронеж, где существовала целая ямщицкая слобода.

РУССКИИ ЦЕРУСАЛИМ

Обретенны нетленными

А тем временем стало ясно, что окончательно обветшал построенный еще в 1741 году каменный Владимирский собор. Давшее трещины храмовое здание было опечатано по докладу архимандрита Мартирия. А в 1845 году епархиальным начальством предписано было начать демонтаж собора, возведенного при схиигумене Евсевии.

Проект нового собора основывался на типовой разработке ведущего архитектора того времени — К. А. Тона.

Первый камень храма заложили 10 июня 1845 года в обстановке благочинной торжественности. Описание этого события оставил современник: *«По совершении соборне высокопреосвященнейшим Антонием II архиепископом Воронежским и Задонским и настоятелем сего монастыря архимандритом Илларием торжественного водоосвящения на месте закладки, под престол сего храма в основание положена каменная плита с таковою на ней надписью: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Основана сия церковь в честь и память Владимирския Божия Матери, при державе Благочестивейшаго, Самодержавнейшаго Великого Государя нашего Николая Павловича, при Святительстве же Господина Высокопреосвящ. Антония, архиепис. Воронежскаго и Задонскаго и священноархим. Илария. 1845 г. Июня, 10 дня. Причем положены мощи, иже во святых Отца нашего Митрофана 1-го епископа Воронежскаго и чудотворца».*

Сооружение нового Владимирского собора было завершено в 1853 году. Новопостроенная главная церковь обители являла собой великолепный образец храмового строительства середины девятнадцатого столетия. Пятикупольный, восьмипрестольный, трехэтажный храм был богато изукрашен разного рода оформительскими архитектурными элементами. Строительство обошлось в 150 тысяч руб-

лей серебром. С сооружением этого величественного, доньше украшающего город храма, связано событие, поистине определяющее для истории Задонска и монастыря в девятнадцатом веке. Именно в ходе демонтажа старого собора обнаружилось, что мощи святителя Тихона, похороненного в алтарной его части, сохраняются в нетленном состоянии.

Началось все с донесения архимандрита Серафима с братиею епархиальному начальству. В донесении сказано: *«При всеобщей сломке храма остался несломанным алтарь сего храма также ветхий, под сводом которого покоится тело преосвященного Тихона... По такой ветхости алтаря отправлять опасно под оным панихиды по Преосвященном Тихоне. При многолюдном настоящем стечении поклонников настает нужда во избежании опасности, воспрещать даже вход под своды алтаря, что, без сомнения, послужит оскорблением благочестивой ревности поклонников».*

В свете вышеизложенного архимандрит Серафим просил у правящего архиерея разрешения на слом алтаря и перенесение из устроенного под ним склепа гроба с телом святителя Тихона в *«другое приличное место»*. Перемещения требовали и два других соседних захоронения — схиигумена Евсевия и архиепископа Каменец-Подольского *«прежде бывшего Воронежскаго»* Антония I (Соколова).

О дальнейшем рассказывает иеромонах Геронтий: *«Архиепископ Антоний II лично прибыл в сей монастырь 12 мая 1846 года и нашел необходимым гроб святителя Тихона, находящийся под алтарем снимаемого храма, немедленно перенести в другое место, где народ мог безопасно видеть его».*

Ночью с 13 на 14 мая, в 12 часов, настоятель — архимандрит Серафим с казначеем — иеромонахом Паисием и с ризничим — иеромонахом Зосимоею, раскрыли тумбу и, увидав тело святителя белым, в ту же минуту дали знать первоосвященному, который в это время молился в келлиях настоятеля».

Повествование продолжим словами самого Антония II, позаимствованными из подписанного им *«Предложения»*: *«Тело преосвященного Тихона найдено лежащим на месте 63-х летнего покоя в естественном положении человека, судя по частям, которые были открыты для простого взгляда, нетленным, а облачение архиерейское, в котором был погребен преосвященный Тихон, неповрежденным».*

Открывшееся взору присутствовавших в ночь с 13 на 14 мая при вскрытии гроба святителя Тихона, думается, вызвало у свидетелей не только религиозный восторг, но еще и немалую чиновничью

озабоченность. Придание огласке факта нетления тела святителя, уже почитавшегося в народе за угодника Божия, могло привести к стечению богомольцев и стихийному выражению чувств, пусть и религиозных. А любое несанкционированное сверху собрание строго не поощрялось в России Николая I, еще в начале царствования напуганного выступлением декабристов.

Поэтому тело святителя Тихона, тогда же, глубокой ночью, «без огласки», перенесено было в теплую церковь и спешно упокоено.

Тем не менее, слухов избежать не удалось.

В итоге *«между жителями г. Воронежа и окрестных мест произошло сильное религиозное движение»*, как доносил о том *«Его Сиятельству г-ну шефу жандармов»* воронежский жандармский полковник А. Ф. Козлов, которого происшедшее *«побудило отправиться в Задонск для секретного разузнания на месте о причинах столь необыкновенного народного движения, а равно и для личного удостоверения в обстоятельствах, сопровождавших перенесение тела преосвященного Тихона»*.

«Когда стихло народное движение», 16 октября 1846 года, архиепископ Воронежский Антоний II назначил комиссию по освидетельствованию обнаруженных нетленных останков. Возглавил ее ректор Воронежской семинарии Симеон. Плодом деятельности комиссии стала *«Опись, учиненная священным одеждам святителя Тихона Воронежского и Елецкого по обретении и перенесении гроба его»*, а также подтверждение нетления.

Как рассказывал об этом задонскому помещику В. А. Викулину сам архимандрит Симеон, преосвященный Антоний вызвал его и сказал: *«Мы с вами дело сделали, но не довершили его; ведь мы оставили святителя Тихона в мокрой ризе. Поезжайте в Задонск; я вам туда поручение дам: снимите ризу и просушите ее»*. Выполняя поручение архиерея, о. Симеон отбыл в Задонск, где пробыл 5 дней. Днем он ревизовал местное духовное училище, а ночью просушивал ризу. Снять ее он не решился, *«но в рукава вставил распорки и в польник»*. Тогда же был приглашен живописец, который написал портрет святителя Тихона с его нетленных мощей. Сегодня оригинал этого изображения святителя можно считать безвозвратно утраченным.

Гроб с телом архиерея вложен был в другой, оклеенный кипарисовым шпоном, опечатан архиерейской печатью и перемещен в специально подготовленное помещение. Для устройства этого помещения в ризницу был пробит арочный проем, за которым на церковном полу и был установлен гроб, покрытый затем древеси-

ною тумбой, украшенной «прежнем верхним изображением серебряным Святителя, которое устроено в 1829 году иждивением майорши Анны Ивановны Хлусовой».

Сообщение об обретении нетленными мощей чтимого святителя было еще 20 мая 1846 года направлено в Святейший Синод, где на долгие годы легло под сукно, несмотря на то, что архиепископ Антоний обращался в Синод повторно. Впрочем, преосвященному Антонию было отведено немного времени на хлопоты по открытию мощей — уже в декабре 1846 года он скончался.

Не сдвинулось дело с мертвой точки и позднее. Вот какую версию дальнейшого развития событий предлагает Т. Олейников в статье «Определение Св. Синода об открытии мощей Св. Тихона» из 10-го (за 1911 год) выпуска «Воронежской старины»: *«Вместе со вторым донесением Св. Синоду преосвященный Антоний, за шесть часов до своей кончины... уже слабеющей рукой подписал письмо на Высочайшее имя императора Николая I, в котором, сообщая о чудесах, совершающихся при гробе преосвященного Тихона, писал о всеобщем сладостном и притрепетном желании многих, — «да явлен будет сей великий Светильник веры и добрых дел, лежащий теперь под спудом, пред очию всех».* Это письмо при докладе обер-прокурора Св. Синода графа Протасова было представлено Государю императору; прочитав его, Государь 12 января 1847 года собственноручно надписал на нем: *«переговорим при свидании».* Но этим все и кончилось. Национальное восстание в Венгрии против австрийской власти, восточная война и другие государственные дела, — все это заставило императора забыть о донесениях преосвященного Антония, а напомнить ему об этом некому было, так как в Св. Синоде «бумага» преосвященного Антония была затеряна и ее долго не могли найти. В Воронеже тоже некому было снова поднять этот вопрос».

Сменившие Антония II (Смирницкого) на Воронежской кафедре епископы Игнатий (Семенов), а затем Парфений (Чертков), в отличие от предшественника не испытали соприкосновения с чудом, да и управляли делами епархии всего года по три каждый — срок весьма недолгий для того, чтобы человек, обремененный каждодневными хлопотами организационно-административного характера мог отвлечься от сиюминутного.

Главным же препятствием на первоначальном этапе в деле канонизации святителя, опочившего в Задонске, стало, видимо, то, что император Николай I с большим опасением относился к сколькимнибудь обширным собраниям подданных. Независимо от повода для

подобных собраний, он видел в них возможность возникновения беспорядков или, того хуже — бунта.

Из воспоминаний киевского генерал-губернатора М. И. Драгомирова следует, что *«...государю Николаю Павловичу не раз представлялись доклады о канонизации святителя Задонского Тихона. Государь всегда коротко и неизменно отвечал, что народ не стоит на той религиозной высоте, которая ставила бы его в возможность торжествовать причисление еще одного из своих образцовых служителей Церкви к лику святых»*. *«Народ разбаловался в своих понятиях о молитве и служении Творцу Небесному, поэтому — нужно остеречься, как бы не вышло осквернения искони чтимого на святой Руси обычая — делать, признавать и объявлять святым человека, прожившего весь свой век святой жизнью»*, — цитирует императора генерал Драгомиров.

Но бюрократические затяжки в деле канонизации св. Тихона не охладили рвение его почитателей, стремившихся облагодетельствовать обитель прославленную подвигами святителя.

Стараниями вдовы штаб-ротмистрши Екатерины Семеновны Чебышевой Задонский Богородицкий монастырь был возведен в ранг первоклассного. Для покрытия увеличения расходов на содержание обители в связи с повышением ее класса, а значит, и численности монашествующих, она внесла в Московский Опекунский Совет на вечные времена в пользу Задонского Богородицкого мужского монастыря 15744 рубля 28 с тремя четвертями копеек серебром. После чего, 3 февраля 1851 года, император Николай I «соизволил высочайше утвердить» определение Святейшего Синода о возведении третьеклассного Задонского Богородицкого монастыря в I-й класс, без увеличения содержания, производившегося из казны.

Не отставал от монастыря и город, развивавшийся как за счет казны, так и на свои, местные средства. К середине прошлого столетия Задонск выглядел уже вполне сформировавшимся российским уездным городком. Вдоль прямых, екатерининского плана, улиц, стерших хуторскую застройку прежней монастырской слободки, выстроено было к этому времени 605 деревянных домов и 28 каменных. Помимо прочих общепользных зданий имел город и свой дом для «умалишенных».

Примечательно, что около двух десятков каменных строений принадлежали частным лицам. А частная каменная застройка в то время, ввиду ее дороговизны, — признак привлекательности Задонска как места поселения с перспективой на долгие годы, а то и поколения. То есть, селились здесь всерьез и надолго. В том числе и те, кто,

ввиду независимости в средствах, мог себе позволить выбор места жительства. Самый яркий памятник частного домостроительства того периода — так называемый «дом Ульриха», обычно упоминаемый как принадлежавший «первому аптекарю города».

Даже строения более позднего периода не могут соперничать в роскоши с этим достаточно неожиданным для провинциального городка особняком, выстроенным в стилистике позднего классицизма.

К сожалению, пока остается неизвестным, кто вложил просто-таки огромные на фоне прочей застройки средства в столь фешенебельное здание. Однозначно можно сказать, что — не «первый аптекарь города». Постройка здания относится к началу XIX века, когда аптечный бизнес даже при сверхуспешности не мог принести необходимых для его сооружения доходов в городке с 4 тысячами населения. Да и Александра Павловна Ульрих была не первым, а скорее последним аптекарем города, уже в 90-е годы позапрошлого столетия. Согласно сообщению А. Щербакова, в 1985 году Задонск посещал Н. Н. Ульрих, местный уроженец, появившийся на свет в семье Ульрихов в 1902 году. Со слов своего отца, титулярного советника Николая Андреевича Ульриха, Николай Николаевич в 1985 году заявил: *«Мы купили этот дом у помещика Попова в 1870-1880-е годы».*

Но был ли Попов тем, кто дом изначально построил?

Нам, в том, что касается первоначальных владельцев этого по праву считающегося памятником архитектуры строения, видится вполне обоснованным предположение о принадлежности его семье Викулиных. Действительно, одновременно с постройкой «дома Ульриха» (если верна датировка постройки, основанная на архитектурных особенностях, но не подтвержденная документально), на средства богатейшего помещика С. А. Викулина в городе сооружаются здания училища и больницы, архитектурно решенные сходным образом. Финансирует Викулин и ряд других построек общественного значения. Так что для Семена Алексеевича подобный особняк был вполне по средствам да к тому же соответствовал его архитектурным пристрастиям. Со смертью городского благодетеля в середине века традиции «викулинской» благотворительности пресекаются и Викулины сходят со страниц истории города. Вот тогда у особняка и могли появиться новые хозяева — Поповы.

Хотя нельзя не заметить, что вышеизложенные соображения имеют под собой сколько-нибудь реальную почву лишь в одном случае —

если не ошиблись специалисты, составлявшие в свое время паспорт на «дом Ульриха» — ведь их датировка памятника «первой трети XIX века» основана не на документально подтвержденных данных, а на особенностях архитектурного стиля и техники возведения постройки.

Черепица и кирпич здесь дешевы

Активная городская застройка первой половины XIX века, плюс строительные работы на территории Задонского Богородицкого монастыря потребовали столь большого количества кирпича, что возникла необходимость организовать его производство на месте. Не случайно к 1855 году в городке, вплоть до начала 1820-х годов, «фабрик и заводов» не имевшем, насчитывается 8 производств, 4 из которых — кирпичные.

Остальные заводики также рассчитаны были на обслуживание местных нужд — салотопенный, сальносвечной, мыловаренный и пивоваренный. Кормились от этого производства, помимо владельцев, около 160 задонцев (если считать не только собственно рабочих, но и членов их семей).

104 жителя города в 1855 году принадлежали к купеческому сословию. Торговлей промышляли и многие из трех с половиной тысяч мещан, составлявших основное население города. Порядок в городе поддерживали 9 полицейских, а почту разносили 5 почтальонов.

Почта доставлялась по Воронежско-Елецкому тракту, до середины прошлого столетия остававшемуся практически в том же состоянии «благоустроенности», в каком пребывал он с момента его официального учреждения в 1700 году. А потому было затеяно строительство шоссейной дороги.

И вот, наконец, 1 февраля 1859 года «Воронежские губернские ведомости» объявили, что «шоссе от Воронежа до Задонска окончено сооружением и открыто для езды». Шоссе, мощенное известняком, конечно, требовало постоянного ухода и ремонта и, тем не менее, значительно упростило межгородское сообщение против прежней неухоженной грунтовки. Аналогично замощенный участок трассы от Ельца до переправы через Дон был завершен тогда же. А вот по городу Задонску экипажам, миновавшим мост, в непогоду прихо-

дилось по-прежнему пробираться по грязному бездорожью. Мостовых здешние улицы, даже та, по которой пролегла трасса шоссе, не имели. Лишь к 1863 году решен был вопрос о разрешении «устройства шоссейной мостовой для соединения Воронежского и Елецкого шоссе», сходящихся в Задонске.

В связи с ведшимся в 40–50-х годах XIX века обустройством шоссе встал вопрос о приведении в порядок узлового Задонского моста, устроенного впервые в 1799 году и уже не соответствовавшего заметно оживившемуся с тех пор транспортному потоку. Среди прочих предложений улучшения условий переправы через Дон в 1850–1851 годах рассматривался «проект постройки моста американской системы на каменных устоях». По недостатку средств проект этот остался нереализованным.

Вместо постройки стационарного моста был капитально отремонтирован старый сезонный, настил которого лежал на специальных судах, игравших роль понтонов. Реконструирован был и паром, использовавшийся для переправы в половодье, когда мост разводили. Благодаря снятию грунта, более удобными стали съезды к мосту и переправе по обоим берегам Дона.

Параллельно с ростом города, обустройством территории и развитием инфраструктуры продолжалось решение вопросов внутренней его жизни. Какую-то часть проблем позволяли решать городские доходы. Но больший вес имела благотворительность наиболее богатых жителей, а также финансовая помощь из государственной казны.

Так, по благотворительности надворного советника С. А. Викулина Задонск получил каменные здания уездного училища и городской больницы, выстроенной около 1818 года и не пережившей наши дни (остатки ее уже давно полуразрушенных стен ликвидировали в ходе строительства газовой котельной для спортшколы), о чем шла речь выше.

В свое же время это было весьма крепкое, основательное здание, позволявшее за год пролечивать до 200 человек только на «стационаре». В 1821 году больные содержались «на собственном его (Викулина) пропитании». Оплачивал благодетель и аптеку «со всеми лекарствами».

Но вот ушел Семен Алексеевич в мир иной. Больница перешла на городское содержание полностью. И за лечение стали брать плату. В 1854 году: «Приход больницы – 2678 рублей и 26,25 копейки, расход – 2212 рублей 59,75 копейки». А потому, судя по статистике, полежать

в больнице предпочитала почти исключительно мужская половина задонцев (видимо — как более полноправная). По отчету 1854 года на 200 мужчин, занимавших больничные койки, приходится лишь одна женщина.

Не везло женской части населения и с возможностью получения образования. Девицам всех возрастов путь в школу был заказан за неимением специальных учебных заведений.

Семьи побогаче пользовались услугами домашних учителей. Так, по отчету 1854 года в Задонске имелась домашняя учительница Мария Ивановна Бремель. Занималась она музыкой и французским языком с дочерьми городничего Семена Ивановича Халыпина. Для чего последний *«нанимал ей собственный дом»*. Согласно заключенному между городничим и учительницей договору, она должна была на оговоренных условиях (предоставление помещения и оплата) обучать семерых девиц. Кроме того могла взять еще троих учениц по своему усмотрению и исключительно в пользу своего кармана.

Исправить положение в 1854 году взялась было лифляндская уроженка надворная советница Шарлотта Маюс, до переезда в Задонск бывшая содержательницей пансиона. Она направила Директору училищ Воронежской губернии М. А. Карпинскому следующее ходатайство: *«Получив право на открытие частного заведения для детей женского пола на правах уездного училища на 25 воспитанниц имею честь просить дозволить открыть таковое заведение в г. Задонске»*. К прошению прилагались документы и рекомендация, написанная отставным поручиком Н. Сабо, в которой он сообщал, что просительница ему *«известна как женщина весьма хорошей нравственности»*.

Определенные затруднения губернским чиновникам создал диплом. Ибо был он на немецком языке. Но, при помощи преподавателя губернской гимназии, с дипломом разобрались. После чего... просительнице отказали. Было сочтено неудобным давать ей разрешение, так как она намеревалась сама преподавать в училище французский и немецкий языки, а из представленных ею документов *«не следовало, чтобы она подвержена была установленному для сего специальному испытанию»*.

Пришлось задонским девицам ждать до года 1871, когда открыта была женская прогимназия.

Зато та часть системы народного образования, что была ориентирована на преподавание наук представителям сильного пола, развивалась в Задонске достаточно успешно по меркам российской провинции.

В 1837 году в Задонске было открыто уездное духовное училище. А к середине девятнадцатого столетия задонские «бурсаки» насчитывали уже 127 человек. Под руководством 5 учителей они постигали азы и глубины священной истории, церковного устава, толкований на Священное Писание, истории Российской, географии всеобщей, арифметики, русской и славянской грамматики; осваивали науку пения и учились понимать по-гречески и по-латински; с прилежанием и без оного выводили буквы на уроках чистописания...

Светское же образование к середине столетия по-прежнему было представлено одним уездным училищем, при котором, правда, иждивением бывшего почетного смотрителя Редькина в 1840 году открылась так называемая Ланкастерская школа — начальное учебное заведение, базирующееся на популярной в те годы методике начального образования, разработанной лондонским учителем Дж. Ланкастером для детей неимущих родителей и базировавшейся на взаимном обучении.

В 1851 году 50 задонских ребятишек учились по методу Ланкастера, готовясь присоединиться к ребятам постарше, получавшим более основательное образование в уездном училище, владевшем *«каменным зданием, соответствующим назначению и обеспечивающим нужды заведения»*. Здесь числилось *«5 учителей мужчин»* и *«41 ученик мужского пола»*. Училищная библиотека к 1851 году насчитывала 518 томов книг 279 наименований.

Подобная организация начального образования явно не соответствовала потребностям города. Поэтому с конца 40-х годов XIX века завелась служебная переписка об открытии в Задонске приходского (светского) училища.

В 1849 году общество купцов и мещан выразило свое согласие на открытие с 1851 года приходского училища и назначило 260 рублей на его содержание, что и было засвидетельствовано письмом за кривоватой подписью городского головы — купца Борисова. 100 рублей добавили из городских доходов. Но, как говорится, скоро сказка сказывается.

Лишь 12 мая 1852 года штатный смотритель Задонских уездных училищ направил-таки директору училищ Воронежской губернии следующую победную реляцию: *«11 числа сего месяца в присутствии Почетного смотрителя Задонских уездных училищ, Задонского городского головы и многих чиновников и граждан, по совершении благодарственного молебна с водоосвящением, в наемном у задонского мещанина Василия Исаева доме открыто мною оное училище»*.

Училище это состояло из одного класса, где обучали азам наук все по тому же методу Ланкастера.

Минули два года. Пришла пора очередных усовершенствований уже в духовном образовании. 1 января 1854 года задонские духовные уездное и приходское училища были преобразованы в одно Задонское уездное духовное училище, которое впоследствии стало именоваться Тихоновским. Но случилось это уже после 1861 года...

Год 1861, сделавший делом прошлым крепостное право, оставил неизгладимый след в истории России. Весьма заметной, если не самой значимой вехой оказывается он и в истории Задонска. Но — в связи с иными событиями. Отмена многовекового крестьянского рабства в 1861 году не была столь уж значима для подавляющего большинства населения крепостной некогда монастырской слободки, превращенной в главный и единственный город уезда.

Задонское «местное самоуправление» представлено было следующими лицами: *«Городничий – состоящий в армии майор Степан Федорович Халяпин; Городская ратуша – бургомистр 3-ей гильдии купеческий сын Измайлов Ипполит Иванович; Городская дума – городской голова – 3-ей гильдии купец Исаев Николай Иванович»*. В их распоряжении был *«каменный одноэтажный дом с церковью для помещения городской думы, ратуши и городской больницы»*.

«Ведомость о доходах и расходах городов Воронежской губернии за 1860 г.» по Задонску дает такие цифры: *«остаток от прошлых годов 3612 рублей, 17,75 копеек; приход за 1860 год 3746 рублей 22 копейки; расход за 1860 год 3084 рубля 50,5 копеек. Осталось всего сумм к 1861 году 4273 рубля 89,25 коп.»*.

На территории Задонска к тому времени (по данным 1860 года) проживало лишь около полутора сотен жителей обоих полов, числившихся в крестьянском сословии. Это были государственные крестьяне (28 мужчин и 34 женщины) и дворовые люди окрестных помещиков, имевших особняки в уездном центре.

Всего же на 1860 год горожан было 6897. Причем, с перевесом в пользу прекраснейшей половины человечества. На 3402 мужчины приходилось 3495 женщин. Особенно интересно это соотношение у *«отставных солдат с женами и дочерьми»*, выделенных в особую графу статистики городского народонаселения. Так вот на 50 отставных солдат приходилось... 318 жен и дочерей.

В основном же населяли Задонск «обыватели». К ним относились, собственно, настоящие горожане — купцы и мещане, чье благосостояние и определяло уровень развития города. В 1860 году

зарегистрирована наибольшая численность задонского купеческого сословия: 641 купец и 675 купчих. Понятно, что считали и детей, но все равно — многовато. Судя по тому, что в 1855 году зарегистрировано было лишь около ста представителей купеческого сословия, отнесенного к гильдиям, спустя 5 лет просто посчитали всех торгующих, а не только гильдейских купцов, носивших это звание и по роду занятий, и по записи в паспорте.

И совсем уж мелкой торговлей, а также услужением и прочими обслуживающими работами зарабатывало на жизнь большинство из 4274 мещан и мещанок. При этом настоящих, зарегистрированных, наемных рабочих среди них было очень мало.

По данным 1855 года в рабочем сословии числится 77 мужчин и 81 женщина.

В 1860 году рабочих не зарегистрировано вообще, хотя соответствующая графа в демографической таблице имеется. Как имеется и невеликая, но все же действующая местная промышленность, которая, вполне понятно не могла обходиться без наемных рабочих рук. Значит, по каким-то, скорее всего налоговым соображениям, числиться в рабочем сословии было не выгодно...

А вот зарабатывать деньги частным трудом — другое дело. Только официально было зарегистрировано 379 ремесленников и их подмастерий с учениками. В том числе: хлебников—17; булочников — 13; мясников—18; кондитеров—2; портных—53; сапожников—54; башмачников—28; печников—23; столяров—58; каретников—21; шорник—1; кузнецов—38; медников—5; лудильщиков—3; извозчиков—14; коновалов—2; часовых мастеров—2; трубочист—1; красильщиков—9; живописцев—7.

Действовали в Задонске на 1860 год 8 предприятий.

В основном, как уже сложилось ранее, это были кирпичные заводы, выделявавшие достаточно широкий ассортимент продукции, из которой особенно славилась местная черепица, производство которой являлось весьма выгодным в связи с обилием в окрестностях Задонска качественной «красной глины», отнесенной Воронежским губернским статистическим комитетом к тем немногим «полезным ископаемым», которые можно найти на здешней земле. Вот что замечает по этому поводу о. Геронтий: *«Черепичные крыши, которых так много в г. Задонске, представляют очень красивый вид, особенно издали. Это едва ли не единственная особенность Задонска, сравнительно с другими уездными городами. Этому способствуют изобилие находящегося в окрестности города глинистого грун-*

та; почему многие из жителей занимаются выделкою прекрасной черепицы и кирпича на устроенных за городом кирпичных заводах. Вследствие этого условия черепица и кирпич здесь дешевы и составляют важный предмет местной торговли». Теперь трудно сказать, сколь «многие» из задонцев занимались кирпичным производством на самом деле, но официально было зарегистрировано в 1860 году 5 кирпичных заводиков, произведших в отчетном году продукции на 875 рублей. Реализовали ее «на месте».

Имелся в Задонске салотопенный заводик, бывший сырьевым придатком более крупного производства в Лебедяни. А два предпринимателя варили мыло на месте. Правда, к 1860 году один из двух задонских мыловаренных заводов уже бездействовал.

Безусловным же лидером задонской «промышленности» этого периода по объемам производства в денежном выражении была суконная фабрика, выработавшая за год продукции на 9458 рублей по заказу Воронежской коммерческой комиссии.

То, что не реализовывалось на месте и не вывозилось за пределы уезда, задонские коммерсанты пытались расторгивать на продолжавших действовать традиционных здешних ярмарках, приуроченных к празднованиям событий, связанных с чудотворениями Владимирской иконы Божией Матери.

Правда, торговля на этих ярмарках шла далеко не так бойко, как в первые десятилетия их существования. Развитие дорожной сети, улучшение и ускорение сообщения в стране снижало значение местных ярмарок, более соответствовавших системе натурального хозяйства. А потому в 1855 году ярмарочный привоз значительно превышал итоговую продажу. Так, 21 мая привезено было товаров на 13 тысяч, а продано — менее, чем на тысячу. 23 июня привоз и продажа составили 15 и 2 тысячи; 26 августа — 4 тысячи и 600 рублей соответственно...

Не помогала задонскому купечеству и близость к Дону. Несмотря на все легендарные рассказы на тему «вот были реки в прежние времена...», Дон в районе Задонска уже в середине девятнадцатого столетия перестал считаться судоходной рекой.

Таким образом, городская экономика по-прежнему оставалась ориентированной на удовлетворение местных нужд, и развитие ее, шедшее по экстенсивному варианту, впрямую зависело от прироста числа потребителей.

А потому именно состоявшееся в 1861 году открытие мощей святителя Тихона, на долгие годы вперед обеспечившее город и его

бизнес притоком иногородних паломников, стало определяющим событием не только 1861 года, но и оставшегося отрезка дореволюционной истории Задонска.

У дверей Синода

Открытие мощей святителя Тихона, епископа Воронежского, ставшее наиболее значимым фактом в истории Задонска, готовилось исподволь. И готовилось долго. Причем, весь ход предшествовавших этому событий опровергает популярный в годы «научного атеизма» тезис о том, что новый угодник Божий был сочинен, как говорится, на скорую руку, дабы утешить народ, возмущенный реальным механизмом отмены крепостного права, освобождавшим многих крестьян не только от рабства, но и последнего нажитого.

На самом деле, с первых лет после окончания земной жизни святителя не ослабевал приток паломников, шедших со всех концов Руси, дабы поклониться могиле прославленного праведника, при жизни еще, за мудрость и благотворение почитавшегося человеком Божиим. Дело было лишь за официальным, «бумажным» оформлением того акта, который русский православный народ уже совершил в своей душе, искренне почитая бывшего епископа воронежского Тихона (Соколовского) за святого.

А привлекали богомольцев в Задонск десятилетия за десятилетием не чьи-то пустые домыслы, в беспочвенности которых убедились бы сразу, а память о «препростом владыке» и сотни проявлений благодати Божией, связанных с именем святителя Тихона, прозванного в народе Задонским. Только за 1820-1861 год монахами Богородицкого монастыря, ведшими специальную тетрадь, было зарегистрировано 48 чудесных исцелений. Причем, с соблюдением необходимых формальностей. Приведем одну из этих записей: *«Задонского уезда, деревни Матюшкиной, дворовый помещика Алексея Бабюкова человек, Иона Алмазов, в августе месяце 1836 года лишился, вследствие болезни, ног и языка; в сентябре месяце, по приказанию помещика, был привезен своею матерью в Задонский монастырь, где несколько дней был приносим в церковь для служения молебнов Божией Матери и панихид по Святителе Тихоне; неоднократно прикладывали его к лику изображения Святителя Тихона; в первую же ночь по возвращении домой из Задонска, Алмазов начал хорошо ходить и говорить и доселе здоров. Случай сей записан в монастырских актах и подтвержден присягою самого Ионы Алмазова».*

Среди официально зарегистрированных исцелившихся, согласно не раз опубликованным данным синодального «Дела № 969 об открытии мощей св. Тихона, епископа Воронежского и Елецкого» не только крестьяне, искавшие исцеления «по приказанию помещика», но и сами помещики, чиновники, купцы, мещане. А сколько испытавших благодать Божию при обращении с молитвой ко святителю Тихону, оставило это в тайне?!

О степени почитания святителя задолго до его канонизации говорит, например, то, что именно за счет доходов от притекавших к его могиле паломников смог вести строительство стоящего доныне Владимирского собора Задонский Богородицкий монастырь.

История сохранила для потомков очень красноречивую и откровенную в этом плане фразу, прозвучавшую в ходе состоявшегося весной 1846 года разговора епископа Воронежского и Задонского Антония II с задонским помещиком В. А. Викулиным. Речь шла о возможном разрушении склепа под алтарем, где покоилось тело св. Тихона.

В своем письме Воронежскому архиепископу Иосифу и Санкт-петербургскому митрополиту Исидору Викулин вспоминает: *«В тот самый день, 13 мая, я, Викулин, видел преосвященного Антония; он был в тревожном состоянии духа и сказал: «Вот Иларий (настоятель монастыря) что сделал: начал строить церковь не на том месте; пещера (помещение под алтарем старого Владимирского собора, где был похоронен св. Тихон) треснула, она обвалится, тогда богомольцев не будет; богомольцев не будет — доходу не будет, церковь строить нечем».*

Как показали последующие события, беспокоился правящий епископ об оскудении монастырской казны зря. Именно угроза разрушения гробницы привела к ее обследованию, установившему факт нетленности мощей св. Тихона. Распространившиеся по этому поводу слухи еще более подогрели религиозное рвение в народе. Не осталось, вполне понятно, в стороне и епархиальное руководство.

Тем не менее, как мы уже отмечали ранее, Синод в конце 40-х годов прошлого века оставил ситуацию без последствий, несмотря на настойчивость владыки Антония II.

Лишь при архиепископе Иосифе (Богословском), занимавшем Воронежскую епископскую кафедру с 1853 по 1864 год, хлопоты по официальной канонизации почившего в 1783 году епископа Воронежского и Елецкого Тихона были возобновлены. Владыка Иосиф под давлением верующей общественности просто-таки вынужден был обратиться с просьбой *«вразумить, как приступить к вопросу об*

открытии мощей св. Тихона» к митрополитам Исидору (Никольскому) и Филарету (Дроздову), бывших ключевыми фигурами в тогдашней российской церковной иерархии.

В ответ из Синода поступил официальный запрос по поводу достоверности сведений, сообщенных в 1846 году архиепископом Антонием. Кроме того, в послании Синода поручалось узнать мнение настоятеля Задонского Богородицкого монастыря и братии по поводу целесообразности открытия мощей, а также сообщить, были ли в период с 1846 по 1860 год какие-либо благодатные знамения при гробе святителя Тихона.

Уже 28 февраля 1860 года архиепископ Иосиф направил обер-прокурору Святейшего Синода письмо в котором подтверждалось все ранее сообщенное Антонием II, а также приводились примеры чудесных исцелений, совершенных при гробе святителя Тихона в самое последнее время.

В результате обсуждения Св. Синодом донесений из Воронежской епархии было решено *«войти в секретное и внимательное рассмотрение сего дела».*

Постановлением Св. Синода от 8 мая 1860 года, утвержденным лично императором Александром II 9 мая, митрополиту Киевскому Исидору поручено было *«в сопровождении одного из московских архимандритов, по назначению митрополита Филарета, посетит Задонск и, пригласив в оный, под видом личного свидания, преосвященного архиепископа Воронежского с присоединением двух лиц из белого духовенства, пользующихся по своей безукоризненной жизни общим доверием, и двух иеромонахов Задонского монастыря, отличающихся своим благочестием, секретно приступить к освидетельствованию тела епископа Тихона».* Кроме того, все в той же атмосфере строгой секретности, комиссии предписывалось *«избегая всевозможно огласки, произвести тщательное изследование»* чудотворений, приписываемых мощам кандидата на причисление к лику святых.

Из процитированных выше строк видно, что петиции из Воронежа в столице отнюдь не собирались безоговорочно принимать на веру. И столь осторожный подход к делу со стороны церковного чиновничества вовсе не случаен.

История Русской Церкви, как и любого религиозного предприятия, помимо выполнения задач духовного наставничества, связанного с необходимостью извлечения вполне материальной прибыли на собственное устройство, изобилует разного рода «вымыслами» — пользуясь терминологией «Духовного регламента» Петра I.

Пребывание чудотворной иконы или святых мощей в той или иной церкви или монастыре — источник стабильного дохода. А потому, бывало, служители церкви не гнушались, мягко говоря, приукрасить действительность. Чтобы такого не случилось, «Духовным регламентом» вменялось в обязанность церковным иерархам и их служителям бдительно наблюдать *«не делаются ли где суеверия, не проявляет ли кто для скверноприбытства ложных чудес»*. *«Аще где проявится нетленное тело или пройдет в слух видение сие или чудотворение, — говорит «Регламент», — коллегиям долженствует испытывать тоя истины, призвав на розыск оных повестителей...»* Изданный в начале века восемнадцатого и активно применявшийся на практике «Регламент» с его по-петровски суровыми положениями, неисполнение которых влекло разные неприятные последствия, отучил Русь-матушку от легковерия.

А потому за два послепетровских столетия, вплоть до начала правления последнего царя, канонизировано было лишь четыре угодника Божия. Зато, учитывая обстоятельства их канонизации, можно быть уверенным, что причисленные к сонму праведников в это нелегковерное время, как говорится, «на все сто» соответствовали тому идеальному образу, который рисуется в воображении верующих. В числе этих избранных и св. Тихон, епископ Воронежский, чудотворец Задонский...

Сформированная по указанию Св. Синода для освидетельствования мощей св. Тихона комиссия под председательством киевского митрополита Исидора прибыла в Задонск. Здесь к митрополиту Исидору, архимандриту Паисию из Московского Покровского монастыря и воронежскому архиепископу Иосифу присоединились иеромонахи Задонского Богородицкого монастыря Зосима и Аркадий, а также протоиерей городского собора Петр Алексеевский и священник Иоанн Попов (отец Тихона Ивановича Попова — первого послереволюционного «главного комиссара и управляющего Республиканского Банка», по-видимому, вовсе не случайно выбравший такое имя сыну, рожденному спустя 12 лет после самого знаменательного события в жизни провинциального священника).

Официальное освидетельствование мощей св. Тихона состоялось 19 мая 1860 года.

По результатам составлен был акт, в котором записано: *«Тело святителя Тихона, не смотря на 76-летнее пребывание его во гробе, благодатию Божиею сохранилось нетленным, кроме одного большого пальца левой ноги, который подвергся тлению... Плоть на всех членах*

тела сохранилась, отвердела и присохла к костям, цвет ея потемнел и подобен цвету известных сохранившихся нетленными мощей святых угодников Божиих. Плечные и коленные суставы рук и ног несколько разошлись, хотя не совершенно отделились. Это, по всей вероятности, произошло от того, что могила в коей первоначально погребен был святитель, до такой степени была сыра, что тело его со всем одеянием, при перенесении в церковь в 1846 году, по свидетельству очевидцев, найдено совершенно мокрым, и, при переложении в новый гроб, некоторые члены тела, лишенные гибкости, удобно могли потерпеть повреждение. В прочих частях тела не замечено никакого повреждения. Архиерейское облачение сохранилось в целости, панагия, наперсный серебряный крест покрылись ярью; деревянный крест в правой руке святителя, обложенный серебряной чеканною бляхою, позеленел от окисления металла, но древо креста ни малейшей не подверглось гнилости.

К этому акту митрополит киевский Исидор присовокупил сообщение о проверке некоторых чудес «*посредством опроса под присягою тех лиц, над которыми они совершались*».

Ознакомившись с предоставленными по результатам поездки в Задонск отчетами, члены Св. Синода пришли к заключению, что «*все изложенные в деле и обследованные надлежащим образом случаи исцелений не представляют никакого сомнения в своей достоверности, и по свойству принадлежат к событиям сверхъестественным*».

На основании принятого заключения был подготовлен доклад, представленный на утверждение Александру II. Суть предложений доклада сводилась к следующему: тело преосвященного епископа Воронежского Тихона следует признать за мощи несомненно святые; надо перенести их в главный собор Задонского Богородицкого монастыря, положив в приличном и открытом месте для всеобщего поклонения; память святителя праздновать в день его преставления 13 августа; объявить о сем во всенародное известие. И Государь-император Александр II собственноручно начертил на этом докладе: «*Согласен с мнением Св. Синода. Александр*».

Великое открытие

В соответствии с устным пожеланием Государя императора, переданным обер-прокурором Святейшему Синоду, открытие мощей святителя Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского, было назначено на 13 августа — день, объявленный днем памяти нового русского святого.

В июле 1861 года по всем епархиям разослан был синодальный указ, в котором излагалась история открытия мощей св. Тихона и объявлялось о причислении его к лику святых.

Намеченное на 13 августа открытие мощей прибавило хлопот властям не только духовным, но и гражданским.

Предвидя небывалое доселе стечение людей, воронежский губернатор генерал-майор М. И. Чертков позаботился о принятии ряда экстренных мер для обеспечения организованного проведения торжеств в Задонске. В частности, решено было соорудить временные постройки, способные дать кров тысячам паломников. Подрядился это сделать воронежский купец Щепетильников. И обещанное выполнил, сумев при этом уравновесить интересы собственного кармана и общественные. 10 тысяч мест в бараках Щепетильникова предоставлялись для ночевки и отдыха бесплатно.

Превратились в гостиницы и дома задонцев. Причем, по воспоминаниям очевидцев, втридорога за ночлег не драли. Хотя, поначалу, хотели некоторые воспользоваться случаем, изрядно подняв цены на жилье и питание. Да не вышло. По рассказам задонских старожилов (правда, записанным уже полвека спустя) дома жадин уничтожил пожар. Уцелела лишь крытая соломой хибара бедной вдовы, отказавшейся наживаться за счет богомольцев. И это, якобы, послужило уроком остальным.

Может быть, и так. Но что точно остановило вполне реальный в таких случаях рост цен — так это жесткие меры, принятые губернскими властями к их ограничению. Временно в Задонске установили фиксированные цены на основные продукты питания.

За соблюдением губернских распоряжений следили не только местные полицейские, но и прикомандированные из Воронежа — 20 нижних чинов и несколько офицеров, в том числе — лично воронежский полицмейстер Ф. Л. Колиньи.

В Задонской городской больнице число кроватей увеличили до 50. Руководство уездным учреждением здравоохранения взял на себя член губернской Врачебной Управы.

И вот, еще за две недели до праздника, к стенам Богородицкого монастыря стали собираться богомольцы. Ко дню праздника, по официальной статистике, в Задонск сошлось и съехалось до 300 000 человек. При этом только экипажей (не считая телег) было 5 тысяч. Все же транспортных средств насчитали 12 600.

Для совершения торжества прибыли митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор, архиепископ Воронежский Иосиф,

епископы Тамбовский Феофан и Курский Сергей. Прочего же духовенства разного сана участвовало в открытии мощей около трех сотен.

Светскую власть в этот знаменательный для всей России день представляли: обер-прокурор Синода граф А. П. Толстой, бывший воронежский губернатор граф Д. Н. Толстой, сенатор князь Голицын, уполномоченный МВД — генерал-майор Врасский, а также другое менее именитое столичное чиновничество вкупе с воронежским губернатором генерал-майором М. И. Чертковым, которого сопровождали высшие губернские гражданские и военные чины, а также почетнейшее купечество Воронежа и Ельца.

В «час пополудни», 12 августа 1861 года, начался одновременно благовест в городском и монастырском соборах, куда, соответственно, собралось белое и черное духовенство. В половине второго под колокольный перезвон из городского Успенского собора выступил крестный ход и отправился к монастырю, где его встретили монашествующие, также вышедшие с крестным ходом. Встретившись, оба крестных хода объединились и направились к Владимирскому собору. Здесь состоялось краткое молитвословие совершенное митрополитом Исидором и тремя другими архиереями. После чего, вновь крестным ходом, все направились в церковь Рождества Богородицы, где покоились святые мощи. С молитвенными песнопениями гробница была перенесена с обычного места в центр храма. На гроб возложили покров и архиерейскую мантию св. Тихона. Затем все отдали святыне земной поклон. И, с возгласом митрополита Исидора «С миром изыдем», священнослужители подняли святые мощи и понесли во Владимирский собор.

Сообщается, что в крестном ходе участвовали 70 пар причетников, 30 пар дьяконов, 80 пар священников и иеромонахов и 7 архимандритов.

Под колокольный перезвон крестный ход с мощами святителя Тихона, медленно, с молитвенными песнопениями приближался к воротам Владимирского собора, продвигаясь по живому коридору, прорезавшему плотную толпу, теснившуюся на переполненном монастырском дворе. Многие из богомольцев, не участвовавших непосредственно в крестном ходе, пока продолжалось шествие, оставались на коленях, держа в руках горящие свечи. И вот, наконец, процессия, сияющая парчой хоругвей и одеяний, с присущей моменту торжественной медлительностью влилась внутрь собора. Рака, вмещающая прославляемую святыню, водружена была посредине

храма, пронизанного лучами послеполуденного августовского солнца. И здесь было продолжено молебствие новопрославленному святому с запевом «Святителю отче наш Тихоне, моли Бога о нас». По окончании молебна, после возгласения многолетия императору и всей августейшей фамилии, крестный ход пришедший в монастырь из городского собора, покинул обитель, а под сводами храма, посвященного Владимирской иконе Божией Матери, началось совершение малой вечерни. Сослужавшие в тот день архиереи прошли в алтарь и разоблачились — для них последовал перерыв перед главным торжеством этого «самого длинного дня» в истории Задонска.

И вот в 6 часов пополудни 12 августа 1861 года над городом разнесся блавест, созывавший на всенощное бдение. Сослужали четверо архиереев и 24 священника разных рангов.

Архиепископ Воронежский Иосиф обратился к переполнившим храм богомольцам с «приличной торжеству» проповедью, смысл которой можно свести к следующим словам, сказанным преосвященным в самом начале: «По благодати Христовой, ныне здесь, братие христиане, открылся новый цельбоносный источник во святых мощах новопрославленного святителя Тихона».

Отзвучали последние слова, завершая архиерейское обращение и хор грянул: «Хвалите имя Господне». После четвертого стиха сослужающие архиереи приступили к гробнице, вмещавшей мощи и трижды поклонились до земли. Митрополиту Исидору, как старшему из совершающих богослужение, вручен был ключ от запечатанной гробницы. И вот он, осенив себя крестным знамением, отпер замок и открыл мощи, находившиеся в особом гробе без крышки. Затем, с помощью подведенных под гроб лент, архиереи извлекли его из гробницы, которая тем временем была отставлена в сторону и заняла будущее постоянное место — под балдахином в левой части храма. Гроб же поставлен был посредине. Святню накрыли дорогим покровом, а поверх него возложили архиерейскую мантию самого святителя Тихона.

«В храме, по открытии мощей, — вспоминает прямой свидетель происходившего, — настала мертвая тишина, так что нельзя было поверить, что в храме было около несколько тысяч народа; едва только крышка была снята, весь народ от восторга и умиления поклонился до земли; лица всех были орошены слезами. «Батюшка ты наш! Отец наш! Родимый! — шептал один старик, заливаясь слезами. — Ожил ты для нас, кормилец! Этакое счастья удостоил меня Господь многогрешного»...

После всеобщего поклона священнослужителями и вторившим им народом пропето было величание новому чудотворцу: «Величаем ты, святителю, отче наш Тихоне, и чтем святую память твою, ты-бо молиши за нас Христа Бога нашего». Под звуки повторявшегося величания, архиереи, став крестообразно вокруг гроба, совершили каждение, окадив сначала святые мощи, а затем, поочередно, алтарь, иконы, весь храм и предстоявших в нем молящихся.

По прочтении митрополитом Исидором Евангелия, к мощам допущены были сослужавшие и присутствовавшие в храме клирики. А потом открыли доступ к новопрославленному угоднику прочему народу. Митрополит и три архиерея, стоя на возвышенных местах, совершали помазание елеем приложившихся к святыне.

Как только открыли свободный доступ к мощам, благочинный доселе порядок торжества был нарушен. По воспоминаниям очевидцев, в переполненном храме началась невообразимая давка. Не разбирали уже ни чинов, ни очередности.

В первые мгновения, когда *«все смешалось»*, казалось, что навести порядок не под силу даже полиции. Командовавший нарядом полицмейстер смело вклинился в забурлившую толпу, намереваясь выстроить ее в очередь, но был в мгновение ока смят людским потоком. Полицейским пришлось броситься на выручку к командиру. Извлечь из толпы его удалось, но в изрядно помятом виде — в толчее у него даже оторвали саблю.

Лишь через некоторое время, где тычками, где уговорами и увещеваниями удалось более-менее стабилизировать ситуацию, вдруг вышедшую из-под контроля. Поклонение мощам продолжилось уже в более организованной форме вплоть до конца всеобщего бедения, завершившегося в час ночи. Но и после того как отзвучали последние слова заповедной службы, двери храма оставались отверстыми. Богомольцы, желавшие припасть к новоявленной святыне, все шли и шли. Архиереев, отправившихся отдохнуть, сменили священники, продолжавшие совершать помазание.

В храме неотлучно дежурила полиция. Обеспокоенный губернатор в течение той ночи неоднократно лично проверял как удается соблюдать порядок и благочиние. Но полного порядка, в частности, в обеспечении очередности доступа, так и не удалось навести. Позднее, митрополит Исидор в письме к митрополиту Филарету заметил, что во время открытия мощей св. Тихона *«распоряжения были неудовлетворительны, и иные в продолжении нескольких дней не могли дойти до мощей святителя»*.

Сообщается, что *«после всенощного бдения монастырский двор, все городские площади и улицы, а также шоссе́нная дорога на протяжении двух верст по обеим сторонам Задонска осветились огнями, представляя собой в темноте ночи как бы отражение небесного свода, усеянного звездами. Масса народа, не поместившись в домах и бараках, проводила ночь под открытым небом; говор не умолкал. Слышались пение псалмов, чтение акафистов и рассказы об исцелениях от угодника; передавали друг другу впечатления торжества открытия святых мощей. Многие, несмотря на усталость от тесноты, давки и духоты в храме, так были возбуждены, что провели ночь под 13 августа без сна».*

Под утро землю оросил дождь. Недостаточно затяжной, чтобы испортить настроение коротавшим ночь под открытым небом, но вполне достаточный, чтобы освежить воздух и прибить пыль, *«которой богат Задонск, благодаря своему песчаному грунту».* И действительно, день 13 августа, после прошедшего дождя, был нежарким, тихим и мягким.

Погода благоприятствовала огромному скоплению богомольцев, заполонивших монастырский двор и его окрестности в ожидании главного крестного хода с мощами уже прославленного угодника, который должен был совершиться в этот день. *«Еще ранним утром богомольцы, на захват, спешили занять такие места, чтобы видно было обнесение после литургии святых мощей»* — сообщает участник тех событий.

А началась литургия 13 августа в половине десятого. Вновь сослужали четыре архиерея, а с ними — семь архимандритов, а также 24 священника из числа как черного, так и белого духовенства. В ходе совершения литургии гроб с мощами святителя внесен был в алтарь и установлен там на горнем месте лицом к престолу. Тем самым, занимая центральное место среди сослужающих, св. Тихон в этот момент, символически, являлся предстоятелем (главным среди совершающих службу). Религиозный восторг участников богослужения был таков, что епископ Тамбовский Феофан (ныне, под именем святителя Феофана, затворника Вышенского, причтенный к лику святых) не мог сдержать слез.

В конце литургии мощи святителя Тихона изнесены были из алтаря и поставлены близ амвона, лицом к Царским вратам. Митрополит Исидор, выйдя на амвон, обратился к молящимся с проповедью, центральной темой которой стал образ светоча духовного, указующего путь и дающего надежду, каковым и является новопрославленный угодник.

«По окончании литургии, — сообщает священник А. Кременецкий — автор подробного описания этого события, — митрополит, архиереи и все сослужащие священнослужители вышли на средину храма, к ним присоединился сонм священнослужителей, пожелавших принять участие в крестном ходе со святыми мощами. Все стали перед святыми мощами. Митрополит и архиереи раздали священнослужителям зажженные свечи. Начали молебен святителю. При пении тропаря святителю: «От юности возлюбил еси Христа, блаженне...», гроб со св. мощами поставили на приготовленные носилки, священнослужители подняли их и на раменах (плечах) понесли из церкви вокруг монастыря, при колокольном звоне в монастыре и во всех городских церквях. Крестный ход останавливался, для служения литий, на всех четырех сторонах монастыря. Он тянулся на протяжении не менее версты и представлял потрясающее зрелище! Все монастырские здания и ограда вокруг монастыря, высокая четырехъярусная монастырская колокольня, — все было наполнено, унижено народом, в монастырском саду народ висел на деревьях, держась за сучья, в городе во многих домах были разобраны черепичные крыши и усыпаны народом. По мере того, как крестный ход с ракою святых мощей подвигался вокруг монастыря, народ, держа в руках горящие свечи, падал на колени, осеняя себя крестным знаменем, и с молитвенными вздохами и рыданиями взывал к святителю: «Святителю отче наш Тихоне, моли Бога о нас!», «Батюшка, спаси!», «Батюшка, помоги!», «Батюшка, кормилец, защити!»

Путь, по которому несли св. мощи, был устлан грудами жертвованных вещей, затруднявших даже крестный ход: жертвы сыпались как дождь: бросали под раку угодника деньги, куски полотна, полотенца, шарфы, елецкие кружева; снимали с себя и бросали пояса, жилеты, шапки, шляпы и проч. Один крестьянин, не имея ничего, снял с себя кафтан и бросил на дорогу, по которой следовал угодник Божий».

Известно, что после крестного хода было собрано только холста 50 тысяч аршин. Денег насобирали около 600 рублей. По повелению главенствовавшего на торжествах митрополита Исидора, пожертвованные вещи розданы были бедным. «Пусть святитель Тихон оденет ими нищих», — отвечив митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский на вопрос, что делать с собранными вещами. В «Житии» св. Тихона приводится пример исцеления женщины, получившей кушак из числа пожертвованной одежды.

Завершив шествие вокруг монастыря, крестный ход возвратился под сень Владимирского собора. Рака с мощами св. Тихона установлена была на приготовленное для нее постоянное место в середине

левой арки под балдахином. Коленопреклоненный митрополит Исидор прочел молитву, специально составленную для торжества открытия мощей Задонского чудотворца. Затем провозглашено было многолетие императору и царствующему дому, а также *«Святейшему Синоду, Святейшим патриархам православным, Правительствуемому Синклиту, военачальникам, градоначальникам и всем православным христианам»*. Окончание службы ознаменовалось колокольным перезвоном в монастыре и по всем церквям города, как и в день Пасхальный, не умолкавшим затем до вечера.

Архиепископ Воронежский Иосиф благословил, окропив святою водою, приготовленную на монастырском дворе трапезу для народа, а митрополит Исидор, в сопровождении двух других архиереев, высших представителей сослужавшего духовенства и присутствовавшего мирского чиновничества, отправился в покои настоятеля архимандрита Димитрия, где также была приготовлена трапеза. Торжественный обед в покоях настоятеля сопровождал концерт духовных песен архиерейского Воронежского хора, исполнившего, в частности, гимн «Ликуй, Задонская обитель», написанный архимандритом Амвросием из Воронежа специально к открытию мощей св. Тихона Задонского.

Торжества продолжались еще два дня. Финалом их стало 15 августа, когда Задонск удостоился посещения великий князь Николай Николаевич. Митрополит Исидор в сослужении с тамбовским и курским архиереями совершил литургию во Владимирском соборе, а воронежский архиепископ Иосиф — в соборе городском, по случаю храмового праздника — Успения Богородицы.

По окончании службы высокие гости покинули город, поставив точку в событиях, навсегда вписавших неизвестный дотоле Задонск в анналы истории России и Православной Церкви. И приобрел уездный городок на долгие годы славу «Русского Иерусалима».

Под скромным гранитным надгробьем

Слава эта, сопряженная с заметным увеличением и без того не скудного притока паломников, позволила Богородицкому монастырю в очень короткие сроки провести капитальный ремонт обветшавших зданий и выстроить необходимые новые. Как сообщает иеромонах Геронтий: *«прежние здания монастырские приведены в те-*

чение одного лета 1862 года в лучшее состояние, в котором они и доселе находятся». Тогда возвели новый теплый трехпрестольный храм во имя Рождества Богородицы (строившийся вокруг старого здания). Освящение его состоялось в октябре 1862-го.

В 1863 году с северной стороны монастыря, на месте ограды, сооружен был трехэтажный корпус духовного училища (сейчас жилой дом по улице Коммуны с монастырской лавкой в цокольном этаже). В 1864 году на месте деревянного настоятельского корпуса выстроен трехэтажный кирпичный, соединенный галереей с теплой церковью.

Этими постройками заканчивается формирование архитектурного комплекса Задонского Богородицкого монастыря. С тех пор значительного строительства на его территории не велось. Лишь в 1866 году к прочим памятникам прибавился еще один, сохранившийся до наших дней. Не столь масштабный внешне, но имеющий немалое значение для общеисторической известности Задонска. Это — надгробие на могиле генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Муравьева-Карского.

Дореволюционные биографы славного воина давали ему такую характеристику: *«Муравьев был известен как один из самых образованных генералов нашей армии; военные способности его были не из дюжинных. Строгий к самому себе, он был столь же строг и тяжел для подчиненных; на награды скуп, считая, что исполнение служащими своего долга не есть что-то особенное. Прямолинейность и резкость характера создали Муравьеву множество врагов».*

Второй брак связал Н. Н. Муравьева с Н. Г. Чернышевой, принесшей мужу в составе приданого и село Скорняково. Именно сюда в 1839 году удалился попавший в опалу генерал, который еще в 1837 году вынужден был оставить военную службу после размолвки с Николаем I. Отсюда отбыл в 1848 к звездному мгновенью — победоносной Кавказской кампании, вписавшей его имя на страницы истории не только России, но и всемирной. В 1854 году Муравьева назначили главнокомандующим войсками на Кавказе и наместником этой стратегически важной территории. Как оказалось, выбор императора в этом случае был правилен.

30 марта 1856 года в Париже состоялось подписание мирного договора, поставившего точку в печально известной Крымской войне (1853—1856 г. г.). Севастополь и другие города, захваченные союзниками в войне с Россией были возвращены ей в обмен на Карс и прочие территории, отвоеванные у турок Муравьевым.

Тем не менее для Муравьева пик его карьеры стал и ее концом. Последовала отставка с поста наместника по состоянию здоровья, и генерал, получивший к фамилии приставку «Карский», а также сохранивший почетное звание члена Государственного Совета, окончательно удаляется в Скорняково.

В эти, последние годы жизни, как пишет о том биограф Муравьева — писатель Николай Задонский, генерал часто приезжал в Задонск. *«Он останавливался у своего поверенного, или стряпчего, как их тогда называли, Ивана Ивановича Иванова. А иногда у настоятеля монастыря архимандрита Досифея. Задонские старожилы еще помнили, как старый, начавший сутулиться генерал проходил по городу, опираясь на палку, причем особенно любил бывать на Дону, где так чудесны тихие предзакатные летние вечера и где, по выражению задонских стариков, душа отдыхает».* Тут, правда, следует уточнить, что архимандрит Досифей управлял Богородицким монастырем с 1836 по 1840 год, так что знакомство его с Н. Н. Муравьевым если и было, то весьма недолгим. Да и относилось к тому периоду, когда генерал еще не был *«старым, начавшим сутулиться».*

В последний же период жизни Муравьева настоятелем в Задонске был архимандрит Димитрий (с 1860 по 1882), кстати сказать, — отставной драгун Казанского полка. Но не только общее воинское прошлое объединяло предводителя армий и управителя монашеской общины. С годами престарелый генерал все чаще обращался к мыслям о Боге, задумывался о вечности. И в разговорах с о. Димитрием Н. Н. Муравьев, видимо, находил столь желанные ответы и утешение в своих сомнениях.

Несомненно, в большей склонности именно к горнему после окончательной отставки, свою роль сыграло и многолетнее общение с одним из духовных столпов православия XIX столетия — святителем Игнатием (Брянчаниновым), причтенным ныне к лику святых. Как сообщает О. Шафранова, *«Брянчаниновы были в родстве с Муравьевыми, что способствовало сближению еще в молодые годы Дмитрия Александровича (будущего святителя Игнатия)... со старшим по возрасту Н. Н. Муравьевым».*

Известны и опубликованы многочисленные письма святителя Игнатия к Н. Н. Муравьеву, датируемые 1847-1866 годами. В 1861 году, отправляясь в Николо-Бабаевский монастырь, избранный для пребывания на покое, св. Игнатий заезжал в поместье Н.Н.Муравьева-Карского Скорняково, где познакомился с его женой Натальей Григорьевной (урожденной Чернышевой) и его дочерьми. Увиден-

ное весьма порадовало чуждого мирской суеты святителя. *«Философское расположение, в котором я видел Вас в скромном Скорнякове, столько располагающем к философии, мне чрезвычайно понравилось»*, – писал он Муравьеву спустя год.

Православное умонастроение и близость Н. Н. Муравьева в конце жизни к Задонскому Богородицкому монастырю подтверждает тот факт, что завещал он похоронить себя именно в его стенах.

Это и было исполнено в 1866 году, после кончины героя Кавказа, последовавшей 23 октября. Причем, с особой, со стороны Церкви, торжественностью, подчеркивавшей, что хоронят не просто прославленного генерала, но, в первую очередь, – православного христианина, того достойного.

Церковный обряд погребения усопшего генерала совершен был 27 октября в Скорняково архимандритом Задонского Богородицкого монастыря Димитрием в сослужении двух иеромонахов, местного священника и священников из соседнего села Патриаршее.

29 октября гроб с телом покойного генерала-воителя был отправлен в Задонск. Его сопровождало приходское духовенство и задонский уездный исправник Н. В. Трухачев.

В 8 вечера того же дня похоронная процессия прибыла в Тихоновский скит, где и остановилась на ночь. 30 октября, в 8 утра, скорбный кортеж вновь двинулся в сторону Задонска. В селе Тюнино процессия была встречена сестрами Тюнинской общины с крестным ходом, а при приближении к городу навстречу вышел крестный ход из Скорбященской Тихоновской женской общины. Умножившаяся похоронная процессия проследовала до Богородицкого монастыря, где в 10 часов утра под перезвон колоколов была встречена крестным ходом из монахов обители и богомольцев во главе с архимандритом Димитрием. По сохранившимся сообщениям, событие это проходило при большом стечении народа. Причем, присутствовали на похоронах славного генерала не только задонцы, но и жители окрестных сел.

После заупокойной литургии и торжественной панихиды гроб с телом Н. Н. Муравьева был вынесен из храма и опущен в могилу под залпы ружейного салюта, произведенного солдатами квартировавшего в городе пехотного батальона.

Место погребения, отмеченное скромным гранитным надгробьем, сохранилось до наших дней лишь благодаря хлопотам писателя Николая Задонского, позаботившегося в начале 60-х годов XX столетия о том, чтобы это захоронение не постигла печальная

участь прочих, оказавшихся на территории упраздненного монастыря. И ныне любой может отдать дань памяти знаменитому генералу, по-христиански окончившему жизнь на Задонской земле, остановившись у могилы с восточной, алтарной стороны Владимирского собора, где покоится прах славного некогда воителя под скромным надгробьем из черного шлифованного гранита с надписью: *«Николай Николаевич Муравьев. Начал военное поприще Отечественной войной 1812 года, кончил Восточной под Карсом в 1856 году»*.

Монастыри строятся

В десятилетия, последовавшие за торжественным открытием в августе 1861-го мощей святителя Тихона, чудотворца Задонского, помимо окончательного народного признания, совершаемого тысячами паломников, явочным, так сказать, порядком, негласно происходит официальное закрепление за провинциально малым и доселе незаметным Задонском статусе еще одного центра Российского православия. Именно в 60—80 годы прошлого века к уже прославленному Богородицкому монастырю на Задонской земле присоединяются еще три — женские Богородице-Тихоновский (Тюнинский) и Тихоновский Троицкий (Скорбященский), а также мужской Тихоновский («Скит»).

То, что эти монашеские общины, сформировавшиеся до 1861 года и на деле годами уже жившие по монастырскому уставу, лишь после причтения Тихона Задонского к лику святых получают официальный монастырский статус, вовсе не случайность. Ведь присвоение такого статуса подразумевало определенную, в том числе и финансовую ответственность государства, а потому получить его было не просто.

Таким образом, давая в течение трех десятилетий «добро» на учреждение друг за другом трех монастырей рядом с уже имеющимся, Синод тем самым формально признавал возникновение на территории России нового религиозного центра общегосударственного значения, ибо для удовлетворения религиозных потребностей жителей округа искони хватало и того, что имелось. А вот прославление святителя Тихона в корне изменило ситуацию.

Показателен такой момент: Тюнинская женская община и Скит, возникшие при местах, непосредственно связанных с молитвенными трудами святителя (близ источников, им обустроенных), получили статус монастырей прежде, чем городская Скорбященская оби-

тель, связь которой с Тихоном Задонским носила характер духовного наследования и была не столь наглядной.

Богородице-Тихоновский (Тюнин) женский монастырь стал таковым в 1867 году, 21 октября. А началась история обители несколькими десятилетиями ранее, с женской отшельнической общины, обосновавшейся у стен построенной в 1814 году церкви в честь Божией Матери, покровительницы Живоносного источника.

Храм был воздвигнут на средства помещика А. Ф. Викулина над источником, у которого любил бывать и молиться в уединении святитель Тихон во дни своего пребывания в Задонске. Место это, на склоне лесистого лога, выходящего ныне на Тюнино (как пригородная слобода, принявшая переселенцев из Арканов, основанное в 1840-х годах), уже в первые годы после кончины святителя собирало почитателей памяти святого архипастыря.

Бывал здесь во время ежегодных визитов в Задонск (для совершения панихиды 13 августа — в день преставления святителя Тихона) и епископ Воронежский Антоний I (Соколов), впоследствии, будучи архиепископом, по примеру св. Тихона, избравший именно Задонский монастырь местом упокоения от архипастырских трудов.

Весьма почитаемый паствой, Антоний, приезжая в Задонск, собирал вокруг себя немало прихожан, желавших послушать его советов и наставлений. Местом для бесед с ними архиепископ обычно избирал источник близ Тюнино, вдохновляясь примером своего предшественника и основывая свои беседы-проповеди на примерах из жития Тихона Задонского.

Во время одной из таких бесед весной 1813 года зашла речь о том, что неплохо бы увековечить сооружением храма память о трудах и молитвах св. Тихона в этом лесном уголке, где уже стояла часовня, выстроенная помещиком Писаревым.

Участником разговора был и богатый, славный своим благочестием, помещик Алексей Федорович Викулин, в благочестивой душе которого это предложение нашло горячий отклик. Он тут же дал слово выстроить храм и пригласил высокопреосвященнейшего Антония ровно через год освятить его. Слово свое Викулин сдержал. Весной 1814 года, во время очередного визита в Задонск, Антонием I новый храм был освящен. На первых порах новой церкви присвоили статус кладбищенской, так как находившееся на противоположном склоне лога кладбище города Задонска таковой не имело.

По приглашению А. Ф. Викулина, к стенам церкви постепенно переселились тридцать женщин, искавших спасения на Задонской

земле, но, за отсутствием здесь женской обители, ведших монашескую жизнь в миру. Так и начался Богородице-Тихоновский Тюнинский монастырь.

Причем, в данном случае, предание о том, что святитель Тихон своими руками обустроил лесной источник и частенько удалялся к нему для уединенной молитвы, выглядит достаточно убедительным. О. Геронтий свидетельствует, что об этом, по успении Задонского подвижника, рассказывали жившие в слободе Тешевке наемные служители Задонского Богородицкого монастыря Роман и Евстафий. О том же сообщил протоиерею Петру Алексеевскому церковник Успенского городского собора Стефан Донецкий, в молодые годы сподобившийся некоторое время быть келейником сятителя Тихона.

Известно также и то, что в конце 1770-х годов, при возведении слободы Тешевки в город Задонск, землемер Лютов, присланный для распланирования будущего Задонска и отмежевания под него земель, не раз видел издали святителя Тихона возле этого родника. Из благоговения к подвижнику Лютов не осмеливался нарушить его уединения. Но раз, по уходу святителя, землемер подошел ближе и увидел на краю лесного источника лопату и только что вырытую землю.

Таким образом можно считать достаточно достоверным, что Тюнинский источник, ныне вновь возрожденный, действительно был *«освящен трудами и молитвами святителя Тихона»*.

А обитель, начавшаяся с соломенных хижин близ кладбищенской церкви, пройдя через тяжкие гонения и испытания, выпавшие на долю насельниц после кончины благодетеля — А. Ф. Видулина, не только выжила, но и умножилась численно. В 1860 году, благодаря покровительству петербургской *«болящей купчихи»* Е. П. Богачевой, стойко перенесшие невзгоды добровольные монашки стали официально учрежденной женской общиной при Богородице-Тихоновской церкви. Так сестры получили *«законом утвержденное право постоянно проживать на этом месте и постоянно участвовать пением и чтением в богослужении своей церкви»*.

Еще несколько лет спустя — в 1867 году — община стала монастырем. Первой его игуменией назначили тогдашнюю настоятельницу общины — Поликсению (в миру — девица Пелагия Александровна Кондратьева из дворянского рода). Она еще многие годы трудилась на благо новой обители. Причем, настолько успешно, что по указу Государя императора 20 июля 1878 года игумении был пожалован золотой наперсный крест.

Следующим из новых монастырей Задонска официальный статус в 1873 году получил Тихоновский мужской общежительный монастырь, выстроенный над речкой Проходней близ еще одного лесного источника, также связанного по преданию с житием святителя Тихона на земле Задонской.

К сожалению, существуют лишь весьма косвенные подтверждения того, что святитель Тихон когда-либо удалялся для молитвы на берег Проходни.

Во всех исторических описаниях Тихоновского монастыря говорится лишь о том, что основан он у источника «по преданию» обустроенного святителем. Какая-либо конкретика в отношении предания (типа той же истории с землемером) отсутствует начисто. А это знак того, что и в прошлом веке этот факт не имел под собой иных оснований, кроме веры. Даже о. Геронтий в ранних и потому наиболее достоверных своих работах ограничивается по этому поводу следующей фразой: *«Предание утверждает, что этот колодезь, якобы выкопан был самим Святит. Тихоном, часто удалявшимся в эту лесную местность, для умной молитвы и невозмутимого созерцания дел Божиих»*. Добавляя лишь, что *«предание это сохранилось свежо»*.

Единственно, что говорит в пользу основательности «предания» — заметный интерес, проявленный Задонским монастырем к приобретению в собственность для устройства скита именно леса у Проходни, как связанного с именем св. Тихона. Сделка заключена была в середине прошлого столетия, когда еще могли оставаться в живых если не прямые свидетели пребывания св. Тихона в Задонске, то уж точно — их дети. А потому допустимо предположить, что в своем интересе к покупке Проходненской «лесной дачи» задонские монахи руководствовались сведениями, воспринятыми как вполне достоверные.

Кроме того, в воспоминаниях келейника св. Тихона Василия Чеботарева есть следующее упоминание: *«Иногда проезжал и к источнику, который был расстоянием от Задонска около десяти верст, на берегу реки Дона; бывало там и воды напьемся: он любил сей источник, ибо вода в нем весьма чистая была»*. Понятно, что речь не идет об источнике Тюнинском, лежащем гораздо ближе. Но с другой стороны, и описание Проходненского источника можно увидеть тут лишь при очень большом желании.

Впрочем, так или иначе, а к 1861 году, Задонский Богородицкий монастырь, после ряда дарений, покупок и обменов, начатых еще в 1851 году, получает в свою собственность участок леса в 200

десятин, прилегающий к этому самому источнику на берегу Проходни. И первоначально здесь решают устроить монастырское кладбище и скит для старцев, желающих более полного удаления от мира. Первым у Проходни поселяется иеросхимонах Тихон (отставной поручик Михаил Кривской).

В 1865 году в скит была перевезена из села Гнилуша старинная деревянная церковь, освященная еще самим святителем Тихоном. А годом позже лесную обитель посетил тамбовский помещик Василий Петрович Воейков. *«Благоговевя к месту, освященному молитвою, стопами и трудами угодника Божия святителя Тихона»* владелец обширных земель в Данковском уезде *«увековечить оное место в памяти будущих православных поколений устройством на нем месте отдельного общежительного мужского монастыря»*.

Исполняя свое желание, Воейков выкупил у Богородицкого монастыря часть лесной дачи близ Проходни и, продав одно из имений, пожертвовал деньги на обустройство и дальнейшее содержание будущей обители. Об этом было доложено в Синод с присовокуплением просьбы о разрешении учредить монастырь.

И 31 мая 1873 года такое разрешение последовало, о чем специальным указом Св. Синода было оповещено Воронежское епархиальное начальство.

Последним из Задонских монастырей в 1888 году официальный статус получил Тихоновский Троицкий (Скорбященский).

Монастырь этот возник из странноприимной женской общины, основанной нищелюбивой подвижницей Матроной Наумовной Поповой. Еще при жизни своей, закончившейся 17 августа 1851 года, старица Матрона начала хлопотать об устройении женской монашеской общины на принадлежавшем ей участке в северной части города. К сожалению, старице немного на то отпущено было времени. Попечение о благом деле продолжили Задонский соборный протоиерей Петр Алексеевский, бывший душеприказчиком Матроны Наумовны и духовные ее наследницы. Через архимандрита Троице-Сергиевой лавры Антония им удалось заручиться содействием в этом вопросе митрополита Московского Филарета (Дроздова). И вопрос был решен положительно.

На оставленный Наумовой капитал, согласно ее завещанию, была выстроена церковь в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радости», а также жилые и хозяйственные помещения. В день Успения Богородицы 1860 года епископ Воронежский Иосиф (Богословский) освятил новопостроенную церковь. Община при ней стала

именоваться «Тихоновскою общиною сестер милосердия». Основной обязанностью сестер-насельниц было служение больным и бедным странникам, прибывавшим в Задонск на поклонение святыням.

3 сентября 1869 года по разрешению Св. Синода в храм общины было перенесено тело основательницы — Матроны Поповой и захоронено здесь в особом склепе с правой стороны Скорбященской церкви. А позднее в этом же склепе был погребен и скончавшийся 11 марта 1875 года протоирей Петр Алексеевский.

В течение 1869-70 годов вокруг территории общины была сооружена каменная ограда. А в 1879 году заложена была колокольня, строительство которой завершилось в 1881 году. Строение это, как и Скорбященская церковь практически не сохранилось. Нижний ярус колокольни встроен в основной корпус современного Задонского хлебокомбината.

29 марта 1880 года указом Св. Синода «дом сестер милосердия» получил статус самостоятельной Тихоновской общины со странноприимным домом при ней. Торжественное богослужение по этому поводу было совершено в день памяти старицы Матроны — 17 августа 1880 года.

1 июля 1884 года была здесь заложена новая церковь — во имя Живоначальной Троицы. Этот пятиглавый шатровой архитектуры храм, выстроенный по проекту Воронежского губернского архитектора А. А. Кюи, как действующий приходской сохранился и до наших дней.

И, наконец, в мае 1888 года Св. Синод определил Тихоновскую общину возвести в монастырь с наименованием его Святотроицким Тихоновским Задонским женским монастырем со странноприимным домом при нем. А число монашествующих было определено так: *«какое обитель по своим средствам в состоянии будет содержать»*. Оглашение синодального определения состоялось 19 июня 1888 года.

О ЧЕМ ЗЕМСТВО ХЛОПОТАЛО

От железных путей в стороне

1 января 1864 года, после обсуждения на Госсовете, силу закона приобрело Положение о земских учреждениях, ставившее своей целью *«по возможности полное и последовательное развитие начала местного самоуправления»*. Для чего часть хозяйственных функций, находившихся ранее целиком в ведении департаментов власти исполнительной, отныне передавалась новообразованным земским учреждениям, являвшим собой зачатки власти представительной. По Положению 1864 года на выборной основе формировались губернские и уездные земские собрания, которые и избирали затем из своего состава исполнительные органы земства — земские управы.

Организация земских учреждений в 34 губерниях Империи Российской заняла 11 лет — с 1865 по 1876 год.

В Воронежской губернии годом рождения земства стал 1865-й. С точностью до дня мы не можем сказать, когда сформированы были земские учреждения в Задонском уезде. Но уже в 1866 году они активно работают. Есть в документах и, возможно, уточняющее упоминание, что *«Задонская градская больница передана в ведение земских учреждений в январе месяце сего 1866 г.»*...

В библиотеке государственного архива Воронежской области хранятся тома «Журналов Задонского уездного земского собрания» за ряд лет, начиная с 1866 года. Те из них, что содержат отчеты о работе земских учреждений до 1890 года (времени второй земской реформы) наиболее информативны для интересующихся историей Задонска, так как там не только излагается отчетная общеуездная статистика по доходам-расходам, как в «Журналах» 1890-х годов и

более поздних, но и опубликованы, порой — весьма любопытные, сведения о реальной жизни города на протяжении нескольких десятилетий. Так, надо заметить, что Задонское земство, будучи учреждением по тем временам архипередовым, и само старалось все передовое поддерживать. Так именно земство настойчиво ходатайствовало об открытии в городе телеграфной станции, когда стало ясно, что линия пройдет через Задонск. Так в 1867 году была открыта Задонская телеграфная станция.

Произошло это лишь на седьмой год после того, как в Воронеже 1 ноября 1860 года принята была первая телеграмма. Дело в том, что первоначально телеграфная линия от Воронежа «к северу» пролегла вдоль почтового тракта через Усмань (имевшую тогда и еще одно неблагозвучное наименование — «Собакино»). Но позднее было сочтено удобным перенести линию вдоль значительно более оживленного шоссе, проходившего через Задонск.

С первых дней и вплоть до середины 80-х годов прошлого века задонские телеграфисты обходились одним аппаратом. Впрочем, был он достаточно надежен, и в первые десятилетия телеграфной связи зафиксирован лишь один серьезный сбой на Задонской линии — 22 октября 1881 года из-за внезапно ударивших морозов на фоне мокрых снегопадов обледенели и были повреждены провода на довольно протяженном участке.

Работала Задонская телеграфная контора в дневное время. Прием телеграмм прекращался в 9 вечера. И можно представить, сколь интенсивно использовался Задонский телеграф во времена великого бумажного «сражения» за железную дорогу.

Благодаря страницам земских «Журналов» и сегодня не предана забвению история оказавшейся безрезультатной борьбы задонцев за прокладку железнодорожной ветки Воронеж—Задонск—Елец.

Правда, если верить Николаю Задонскому, никакой борьбы и не было. Напротив, заявляет бытописатель местного прошлого: *«Когда в конце прошлого века акционерная железнодорожная кампания, учитывая наплыв паломников, предложила подвести сюда железнодорожную ветку, «отцы города», заседавшие в местной думе, это предложение решительно отвергли»*. Якобы, чтобы не лишать работы местных ямщиков... А вот сохранившиеся документы того времени рисуют иную картину.

В 1866—1868 годах было завершено строительство действующей поныне Юго-Восточной железной дороги. И, с момента пуска ЮВЖД, на рельсы переместился основной грузопассажирский по-

ток, двигавшийся до сих пор к югу по шоссейным трактам, в том числе и по тому, что пролегал через Задонск.

Вполне понятно, нововведение весьма неблагоприятно сказалось на заработках как задонцев, так и жителей многих окрестных сел, издавна промышлявших частным извозом, преимущественно — транспортировкой грузов.

Потомственный ямщик из села Патриаршее (ныне Донское) так охарактеризовал постигшую его и коллег катастрофу:

— Гоняли и в Елец, и в Лебедянь, и в Липецк, и в Москву в самую, а то в Задонск, в Воронеж, куда подрядишься — по всем трактам; лес возили и хлеб, и всякий товар. А теперь чугушка прошла, — всему шабаш: всего мы решились... Грош медный с пуда дают до вокзала, так это разве заработок — 15 копеек с воза? Ничего нам пользы дорога эта железная не принесла, разорила только...

Сходное мнение довелось услышать в конце прошлого века путешествовавшему по нашим краям воронежцу Е. Л. Маркову и из уст жителя пригородной слободы Тюнино, в лучшие времена державшего две тройки.

— А жилось все ж тогда не в пример свободнее теперяшнего, — вспоминал старик по прозвищу Кочеток. — Мужику заработку куда больше было, ни железных этих дорог, ни шоссе тогда не было, все мужичкам приходилось возить и господ, и товары...

Под этими словами, думается, подписались бы и задонские возчики, к сожалению, не оставившие для истории столь же ярких заявлений. Хотя в целом по экономике Задонска прогресс в транспорте ударил не столь сильно. Стекавшиеся сюда паломники, шедшие поклониться святыням Богородицкого монастыря, нуждались в крове и пропитании. Предоставление оных позволяло всему городу, подобно современным городам-курортам, существовать достаточно безбедно, в том числе и за их счет, а не только благодаря грузопассажирскому транзиту.

Тем не менее, сокращение транспортного потока не порадовало деловой мир Задонска. А относительная удаленность ближайших станций создавала известные неудобства в отправке сельскохозяйственных грузов. Потому-то уездное земское собрание чуть ли не с первых дней существования одной из главных своих задач поставило добиться прокладки железнодорожной ветки через Задонск.

«С 1869 года Задонское Земство, в видах благосостояния своего города и уезда, постоянно и единодушно заботилось об исходатайство-

вании соединительной линии железного пути между городами Воронеж, Задонском, Ельцом, Ефремовым. С этой целью оно вошло в сношение с названными городами, которые, все без исключения, сочувственно отнеслись к этому делу... В 1870 году Задонское Земство, не останавливаясь ни перед какими денежными затратами,.. через Управу испросило Высочайшее разрешение на проведение изыскания железного пути от Ельца через Задонск на Воронеж» — заявлено было при оглашении отчета за 1872 год. «Избранные земством депутаты П. Ф. Панютин, П. А. Марковский, В. Д. Лисицин и П. А. Кирсанов, исполнив с усердием и готовностью возложенное на них поручение... сообщили, что ходатайство Задонского Земства об осуществлении просимого железного пути не безнадежно».

В качестве одного из главных аргументов в пользу прокладки дополнительной железнодорожной ветки через Задонск выдвигалось неудовлетворительное состояние шоссейной дороги на участке Воронеж-Задонск. «Воронежско-Задонское шоссе содержится всегда в неудовлетворительном состоянии, которое вынуждает проезжающих ездить по резервам, а в ночное время представляет опасность...»

Своего пика чаяния задонского земства о железной дороге к парадному подъезду достигли в 1877-1878 годах. И на очередной земской сессии, 9 октября 1878 года, было заслушано «Заявление Задонского уездного земского собрания», оглашенное от лица предводителя дворянства Ф. Н. Гаршина и уполномоченных от Задонского земства на изыскания средств для проведения Елецко-Воронежской железной дороги Лисицина, Марковского и Кирсанова.

В заявлении сказано: «Уполномоченные... многократно ездили в Петербург с целью получить требуемое разрешение и приискать строительный капитал». Но, так как подобного рода «предприятия» реализовывались в виде акционерных обществ и были сопряжены «с выпуском акций и облигаций, имеющих влияние на курс русских бумаг за границу», то правительство кому попало разрешений без должного обоснования не выдавало. А с 1877 года подобный путь решения вопроса стал вообще нереален «при настоящих финансовых затруднениях, возникших с объявлением войны» (имеется в виду Балканская кампания 1877-1878 гг.).

И все же ситуация виделась вовсе не безнадежной. Оказывается, «В России открыла свои действия фирма “Муниципальный подрядчик”, ссужающая капиталы заграничных капиталистов земствам и городским обществам под постройки, возводимые ими хозяйственным образом при ее посредстве, на 54,5 года». С представителем этой фирмы С.

С. Шиманским и провели предварительные переговоры земские уполномоченные из Задонска, «для большей вескости» привлечшие к делу и предводителя уездного дворянства Гаршина.

Заметим, что к тому времени планы земцев обрели реальное бумажное воплощение — была составлена проектно-сметная документация. Длина Елецко-Задонско-Воронежской железной дороги «по... исследованиям» старшего инженера Богдановича, производившего изыскания, определена в 129 верст. Стоимость строительства, включавшего железнодорожные мосты через Дон и Репец, выливалась в довольно круглую сумму — 3 690 000 рублей. На эту сумму следовало накинуть еще 5%, «единовременно отчисляемых» в пользу фирмы «Муниципальный подрядчик» «на предварительные изыскания, содержание инженеров, расходы по переводу капиталов в Россию и проч.», что составило бы, в итоге, 3 874 000. Обслуживание кредита требовало также «ежегодной уплаты процентов и капитала в 251 810 рублей».

К смете прилагалось подробнейшее экономическое обоснование, доказывавшее, насколько дешевле будет возить грузы ЮВЖД через Задонск, а не по существующим веткам, как и ныне обходившим центр уезда на десятки верст. Задонские грузы отправлялись тогда, как и сегодня, с Патриаршей и Улусарки.

Проектируемая доходность Задонской ветки определена была в 5555 рублей на версту, при расходах в 3359 рублей. Но получение прибыли от эксплуатации будущего железнодорожного пути только планировалось, а почти 4 миллиона рублей нужно было выложить уже сегодня.

Так что, после довольно жарких, с переходом на личности дискуссий решено было поблагодарить всех участников переговоров с «Муниципальным заказчиком» «за сделанное ими предложение, не принятое только потому, что оно превышает материальные силы уезда, и предложить фирме принять на себя постройку Елецко-Воронежской железной дороги на свой страх и риск, воспользовавшись сделанными изысканиями и возможным содействием земства».

«Муниципальный подрядчик», естественно такому предложению не обрадовался, и задонское земство продолжило стучаться в двери уже государственных кабинетов. В ход пошли уж совсем фантастические проекты.

Одним из предложений было такое: уложить рельсы прямо по Воронежскому шоссе, съэкономив на прокладке маршрута. Официальный ответ на него был вполне серьезен. В 1882 году «отношением от 7 апреля, за № 1305 Воронежский губернатор уведомил, что Мини-

стерство путей сообщения отозвалось о невозможности допустить постройку... железной дороги по полотну шоссе, потому что этим нанесется вред существующему Воронежскому шоссеинному сообщению и обезценятся затраченные на строительство этого шоссе средства».

Отрицательный отзыв МПС, отказавшего задонцам в поддержке затеянной порчи наезженной шоссеинной дороги, точку в этой затее не поставил. Последовало ходатайство в Министерство финансов о предоставлении ссуды на то, чтобы застучали вагоны по Воронежскому шоссе.

Ответ был вновь дан через Воронежского губернатора: *«г-н губернатор известил 7 июля, что Министр финансов не признал возможным удовлетворить означенное ходатайство земства как ввиду того, что Задонск стоит на шоссеинной дороге, которая может служить достаточно удобным подъездным путем к Орловско-Грязской железной дороге, так и потому, что ходатайство земства о разрешении названной дороги уже отклонено Министерством путей сообщения».*

Так что все усилия земцев оказались тщетны. Да и немудрено. Уже действовавшая железная дорога вполне отвечала экономике региона и прокладывать дополнительную ветку ради маленького Задонска, абсолютно не имевшего промышленного значения, было бессмысленно. Постепенно, осознали это и сами задонские земцы.

Правда, предварительно потратив из своей кассы 3000 рублей на оплату услуг некоего весьма предприимчивого Михаила Иосифовича Мусницкого и *«специально созданной из гласных железнодорожной комиссии».*

Но г-н Мусницкий *«не успел ничего сделать, потому что его отвлекло устройство Пензо-Лозовской железной дороги»*, а потом и вовсе исчез из поля зрения Задонского земства...

Для удобства помещения больных

Впрочем, «битва» за железную дорогу, растянувшаяся более чем на полтора десятилетия и окончившаяся капитуляцией земства, чьи благомысленные проекты разбились о суровую экономическую реальность, не мешало «самоуправлению» решать и задачи более насущные, ради чего, оно, собственно, и создавалось. В том числе — иметь попечение о здравоохранении в уезде вообще, и в Задонске — в частности.

Так, пришлось принимать земцам меры по борьбе с сифилисом, распространившимся в Воронежской губернии и грозившим пере-

расти в эпидемию. Было открыто дополнительное отделение на 10 кроватей специально для таких больных, разместившееся прямо под боком собрания — в Доме земских учреждений.

Решали и другие сходные вопросы на основе докладов бессменного уездного врача В. К. Келлера. Должность эту Вильгельм Карл Келлер, кстати так и не отказавшийся от протестантского вероисповедания, в православном Задонске занимал с июня 1842 года. И прослужил более 40 лет, создавая систему здравоохранения Задонского уезда. Причем, судя по имевшимся наградам, делал он это весьма успешно. К 1878 году В. К. Келлер удостоен был ордена св. Станислава 2-й и 3-ей степеней, ордена св. Владимира 4 степени, ордена св. Анны 3 степени, а также императорского знака за 15-летнюю безупречную медицинскую службу. Имелась у Келлера медаль «В память о войне 1853 -1856 гг.» — свидетельство то ли командировки на фронт, то ли того, что в Задонске на излечении находились раненные в боях такой неудачной для России Крымской войны...

В числе прочих многочисленных забот, выпадавших на его долю, на протяжении почти трех десятков лет Келлер фактически исполнял и обязанности медика городской больницы. Причем — бесплатно. Об этом шла речь в докладе осенней сессии 1866 года, когда земство вплотную занялось вопросом об улучшении организации Задонского городского здравоохранения.

«Задонская градская больница» перешла под опеку земства в январе 1866-го. Специальная комиссия обследовала ее и тому, что увидела, не обрадовалась. *«Положение больницы в настоящем ее виде совершенно не соответствует той цели, с которою учреждено это называемое благотворительное заведение. Прибольницы в существе нет ни медика, ни фельдшеров, а исполняют эти обязанности безмездно уездный врач и состоящие при нем два лекарских ученика»* — констатировалось в докладе, озвученном в земском собрании.

В качестве первоочередной меры для исправления положения была установлена твердая плата за лечение — 6 рублей в месяц. При этом оговаривалось, что бедным предоставляется бесплатное лечение. Но — *«по удостоверении предводителя дворянства, мировых посредников, мировых судей, приходских священников, городского головы и полиции о действительной бедности заболевших»*.

Решено также было *«вывести больницу из занимаемого ею здания градской думы»*, как совершенно неудобного для помещения больных. Под новую больницу к 1874 году присмотрен был дом «наследников умершего майора Холяпина».

Выбор здания для новой городской больницы земское собрание одобрило, и «дом наследников Холяпина» куплен был с публичных торгов, состоявшихся 25 января 1875 года. Это не «красное здание» современной Задонской райбольницы, как ошибочно было указано в издании 1999 года, а двухэтажный, ныне многоквартирный, дом на углу улиц Крупской и Свободы, в советское время служивший общежитием техникуму.

Перевод городского лечебного учреждения в новое здание надолго не затянулся, так что в начале следующего года земство сочло возможным ревизовать его результаты. Проверяющие, не предупредив «главврача» заранее, пришли в новую больницу 17 февраля 1876 года. И *«городская больница, в отношении воздуха, размещения больных и в особенности — пищи, произвела на членов комиссии неблагоприятное впечатление»*.

Что же увидели пришедшие с ревизией? *«Несмотря на то, что день ревизии пришелся в начале недели, постельное белье очень грязно, тогда как подушечных наволочек по инвентарю (187 штук) совершенно достаточно»*.

Хлеб оказался недоброкачественным. Черный — сырой, непеченный, а белый был кисел. *«Всем больным безразлично в день ревизии давалась 1 порция гречневой кашицы: прислуга объясняла это первой неделей Великого Поста и желанием самих больных получать одну порцию»*. Но этот аргумент не убедил проверяющих. Тем более, что при осмотре сельских лечебниц в Патриаршем и Хлевном, *«где пища, по постановлению комиссии должна быть несколько проще»*, было установлено, что здесь выдавали, несмотря на пост, по 2 положенные порции. Как корректно замечают в своем итоговом докладе участники февральской проверки: *«желанием больных, если оно и было, администрации больницы не следовало бы стесняться, а все-таки выдавать больным более обильную пищу»*.

Впрочем, земцы этим замечанием не ограничились. А провели и повторную, уже после поста, проверку. 4 марта проверяющие вернулись в городскую больницу и увидели, что там ничего не изменилось. *«Больным все-таки выдается одна порция круп с куском говядины и порция эта, по единогласному мнению комиссии, признана недостаточною, тем более, что значительный процент найденных на это число в больнице больных состоял из сифилитиков, для которых более сытная пища не могла принести вреда и в гигиеническом отношении»*. Хлеб вновь оказался никуда не годным: черный — с примесью песка, а белый, как и в прошлый раз, был кислым.

Заключая акт о проверке горбольницы от 4 марта, ее участники позволили себя прозрачно съехидничать: *«При ежегодных ревизиях больницы во время сессий Земских собраний пища несравненно лучше и сытнее бывает»*.

Заведующий городской больницей, врач Иван Взоров, претензий не принял, заявив, что *«при назначении пищи больным я руководствовался и руководствуюсь имеющимся при больнице расписанием»*.

По поводу нечистоты больничного белья Взоров высказался более пространно, объяснив ее так: *«Нечистота больничного белья зависит частью от неряшливости самих больных, частью от того, что пости все больные поступали и поступают в больницу в грязном виде, вследствие чего белье очень скоро марается»*. Но обмывать больных негде, за отсутствием в больнице приемного покоя с ванной, а стирать чаще одна прачка, положенная по штату, просто не в силах...

Аргументы врача Взорова на заседании 7 октября 1876 года *«приняли к сведению»*, а сам он на своей должности не задержался. Не слишком везло горбольнице с главврачами и далее.

Устав менять одного администратора больницы на другого, Задонское земство было очень обрадовано, когда на эту хлопотную и не слишком выгодную должность неожиданно нашелся кандидат с отличными профессиональными рекомендациями — Адам Эмильевич Адамович.

«Управа с полнейшей предупредительностью встретила приезд врача Адамовича и поручила ему управление городским участком». Но вскоре на заезжем светиле обнаружился пятна. *«Спустя короткое время... господин Адамович успел настолько перезнакомиться со многими, что посещения больницы уделял менее получаса около полудня и, по недостатку времени для осмотра, иногда назначал одно общее лекарство всем больным без различия болезни»*. Высвободившееся в результате время Адам Эмильевич уделял куда более выгодным визитам к больным на дом, оплачивавшимся из рук в руки.

Более того, проведенным земцами расследованием было установлено, что *«Адамович вымогает плату за лечение, заставляя беднейших жителей обращаться в городскую аптеку и отпуская более состоятельным лекарства бесплатно из земской»*. Это и стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. А тут еще Адамович, как говорится, не на того напал, послав в городскую частную аптеку кучера члена уездной земской управы Г. А. Решетова. Пришлось кучеру потратить на лекарство 1 рубль 16 копеек, при том, что в земской больничной аптеке стоил этот же медикамент 12 с полови-

ной копеек. Вернувшись домой, расстроенный «водитель» доложил о случившемся «шефу». И Решетов инициировал расследование, поставившее точку в задонском этапе врачебной карьеры А. Э. Адамовича, как, кстати, оказалось, и с предыдущего места изгнанного за подобные же «заслуги»...

Меж тем, хоть и не везло городской больнице с управителями, материально она крепла и обустривалась.

Чрезвычайным уездным земским собранием 11 июня 1878 года было ассигновано 1500 рублей на переустройство главного здания городской больницы. И уже к октябрьской земской сессии того же года выделенные средства были освоены.

Произведены были на полторы тысячи следующие работы: *«устроен, вместо бараков, для временного помещения больных, деревянный флигель... который впоследствии может служить специально для сифилитического отделения; устроена вновь из старого каменного покойнического комната; из находящегося при больнице материнского сарая устроены кухня, прачечная и баня с предбанником»*. Также было *«построено теплое крыльцо с теплым входом в главное здание больницы»*. На дворе больницы вырыли колодезь. А в финале работ, 23 ноября 1878 года, на покойницкой был *«установлен золоченый соответствующей величины крест, а внутри повешены образа и лампада, стоимостью вообще 8 рублей 70 копеек»*.

Дом, который построило земство ...

За заботами городскими и общеуездными не забывало Задонское земство и о себе. С 1872 года начато было строительство специального здания — «земского дома» — для размещения земской управы и зала собраний.

Еще в 1871 году у «господина Лермонтова» приобретен был участок с недостроенным домом, который и намеревались превратить в здание для земских учреждений. За 150 рублей некий «архитектор Семенов» изготовил проект, а 2 февраля 1872 года была ассигнована 1 тысяча рублей и поручено *«заготовить материал»*, чтобы *«со вскрытием весны начать постройку»*.

Но начало работ показало, что дом Лермонтова выстроен на фундаменте всего в четверть аршина глубиной (около 20 см), а потому для затеянной реконструкции непригоден. Пришлось ненадежную

постройку срывать до основания и бутить фундамент заново, после чего дальнейшее строительство велось довольно быстро и в 1873 году было практически завершено (оставалось достроить сторожку).

Расходы строго контролировались, а потому в отчеты включалось все до мелочей, вплоть до 5 рублей потраченных «каменщикам на водку». 29 сентября 1873 года был заслушан гласный С. Г. Писарев, представивший «Заключение строительной комиссии о результатах осмотра земского дома и проверки счетов». *«Осмотрев отстроенный по поручению земства дом и проверив счета, относящиеся к его постройке, — сказано в «Заключении...», — комиссия нашла, что употребленные материалы доброкачественны, произведенные работы вполне удовлетворительны, целесообразны и недороги, что хоть в получении денег по некоторым статьям и нет расписок, тем не менее отчетность по приходу и расходу сумм ведена правильно, а указанное упущение следует отнести к случайности, неграмотности некоторых получателей денег и к затруднениям, с которыми сопряжена мелочная отчетность, по опыту, почти невозможная при скольконибудь значительной постройке».*

В достроенном и окончательно отделанном виде здание так понравилось членам уездного земского собрания, что решено было увековечить память о содеянном на мемориальной доске, выгравировав следующий текст: *«Дом Задонского земства, заложенный в 1872 г., окончен постройкою в 1873 году. Строителем был член Задонской уездной земской управы городской голова города Задонска Василий Данилович Лисицин».* Здание это сохранилось и по сей день. В послевоенные годы в нем квартировал районный Дом культуры, позднее — библиотечное и хореографическое отделения канувшего в Лету культпросветучилища. А ныне отдано оно социально-реабилитационному центру «Надежда».

Что весьма символично, ибо земству, в свое время, приходилось также заниматься сходными проблемами — в частности, задонскими нищами, число которых в славном своими святынями городе особенно умножилось после 1861 года. Как отмечало в связи с этим земство: *«Нищенство развито в больших размерах в г. Задонске, чрез постоянное стечение народа на поклонение мощам угодника Божия Тихона».* А, согласно статье 2 Положения о земских учреждениях, способы призрения нищих как раз и находились в земском ведении.

По обсуждении вопроса, Задонским земством рекомендовано было местной полиции *«о точном и неукоснительном поступлении с*

нищенствующими по существующим узаконениям». Нищенствующих из сел следовало немедленно высылать в общину по месту жительства и вести на местах, в волостных правлениях, «списки нищенствующих, с тем, чтобы принимались против них более строгие меры».

Что же «касается до просящих милостыню из лишенных службы чиновников и тех несчастных, которые впали в пороки и тем довели себя до нищенства», то тут подход предлагался иной, который без преувеличения можно назвать социальной реабилитацией. Следовало в подобных случаях «поручить Управе собрать подробные сведения о личности таких местных жителей и о причинах, повергнувших их в бедность, с тем, чтобы она вызвала для них общественную благотворительность».

Имело земство попечение и о местных, а следовательно — и Задонских дорогах. Тут для истории Задонска интересно состоявшееся в 1866 году обсуждение «Акта об устройстве деревянного моста через Тешевку», в котором «состоит насущная необходимость, ибо в весеннее время и при сильных дождях проезд через речку Тешевку вброд делается затруднительным и опасным». Предположительно, речь идет о начале Каменной горы. Замечено, в частности, что, кроме этого моста, «встречается такая же необходимость скрыть в том же месте гору и вымостить бока для стока воды, от разлития которой в весеннее время образуются посреди горы такие рытвины, что езда делается невозможной».

Но, помимо вопросов действительно значимых для развития территории и главного ее города, приходилось земцам из Задонска заниматься на полном серьезе и вопросами, заставляющими вспомнить слова В. И. Ленина, что было земство «пятым колесом в телеге российского государственного управления», а также прочие далеко не лестные отзывы дореволюционных юмористов об этом посаженном «по высочайшему произволению» ростке местного самоуправления.

На одном из заседаний 1879 года Задонское уездное земское собрание слушало доклад управы «О проектируемой замене существующего ныне знака истребления сусликов — четырех лапок — хвостиком».

С такой инициативой, рекомендованной к обсуждению земцами во всероссийском масштабе, выступило Екатеринославское губернское собрание, потому что «порча, часто дурно отделяемых, лапок заражает воздух и лишает возможности производить учет, а также и потому, что собиранье лапок крайне неудобно».

Представитель Задонской управы, делавший доклад, глубоко-мысленно заметил, что *«управа имеет честь доложить, что до сих пор в Задонском уезде суслики никогда не появлялись, а потому и затруднительно высказаться самостоятельно о практичности проектируемой замены»*. Далее в докладе проводилась мысль, что, мол, екатеринославцам виднее, и раз им так удобнее, то неплохо бы их инициативу поддержать. Собрание единодушно одобрило предложение управы.

Немало времени у земцев отнимали поиски путей переложения тех или иных понесенных земством затрат на государственную казну и иные источники. Бюджет земства, существовавшего за счет разных сборов, типа современного сельского самообложения, был весьма невелик, а именно оттуда приходилось черпать суммы на здравоохранение и народное образование. Эти темы были в числе постоянных на земских сессиях.

И на этой почве нередки были конфликты уездной земской и Задонской городской властей.

Так, по осени 1874 года земское собрание по формальному поводу отклонило просьбу выстроившего ему дом городского головы В. Д. Лисицина о выделении сумм на содержание открывающегося 2-го приходского училища, где будут учиться не только дети горожан, но и дети из пригородных слобод Тюнино и Арканы. И через год Лисицин представил к очередной сессии письмо-«счет», где доказывал, что особого прока городу от земства за 10 лет его существования так и не было.

В служебной записке, датированной 20 сентября 1875 года Задонский городской голова указывает, что за 10 «земских лет» город выплатил земству более 30 тысяч рублей в виде различных налогов. А взамен получил *«ничего или почти ничего»*. На этом основании Лисицин попросил земское собрание компенсировать как минимум треть городских затрат на содержание городских образовательных учреждений. Таковых было уже 3.

21 ноября 1871 года открыта была женская прогимназия — первое в Задонске учебное заведение для подростков женского пола. Обучение в трехклассной прогимназии было платным и стоило 10 рублей за год. С 1874 года попечительницей заведения стала жена городского головы В. Д. Лисицина — М. Ф. Лисицина, а начальницей — К. А. Титова.

Чуть позже удалось осуществить давно планировавшуюся меру по укреплению начального звена системы просвещения — в 1875

году открыто было 2-е городское приходское училище, с 1878 года получившее постоянную прописку в освободившемся и капитально отремонтированном здании бывшей городской больницы.

На содержание этих учебных заведений город расходовал 3589 рублей в год. 839 рублей стоило городской казне 1-е приходское училище, 1100 - 2-е и в 1920 обходилось содержание женской прогимназии.

Задонское же уездное училище хоть и находилось на территории города, но было вне юрисдикции городского управления. Им занимались власти уездные.

30 сентября 1872 года был заслушан доклад управы об открытии в Задонске реального (ремесленного) училища. По итогам состоявшегося обсуждения земцы пришли к выводу, что существующее уездное училище не отвечает задачам народного образования, а потому неплохо бы ходатайствовать об открытии реального училища. И ходатайство это, как известно, возымело действие. Правда, спустя четверть века...

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Императора лицезрев...

Василий Данилович Лисицын управлял городскими делами добрый десяток лет и оставил по себе память не только сооружением дома для Задонского Земства, но и прочими благами для города деяниями. Именно за них он и удостоился в 1882 году чести возглавить делегацию задонцев, которая была принята на самом высоком уровне.

Вот что по этому поводу сообщает «Воронежская летопись»: «1882 года 31 марта имели счастье представляться Их Величествам Государю Императору и Государыне Императрице уполномоченные от Задонской городской думы - городской голова, купец Василий Лисицын, гласные, купеческие сыновья Константин Семенов и Алексей Маликов и купец Федот Богомолов; причем городской голова поднес Ея Величеству образ Святителя и Чудотворца Тихона в серебряной золоченой ризе с эмалевыми украшениями, с серебряным по обратной стороне, щитком с надписью "От Задонскаго городского общества"». В 1882 году престол занимал Александр III. Супругой его была Мария Федоровна, урожденная Дагмара Софья Доротея, дочь датского короля Христиана IX.

Обласканные монаршим вниманием, задонцы вернулись в родной город, который переживал, пожалуй, лучшие свои годы.

В 1886 году в Воронеже увидели свет два тома «Воронежского юбилейного сборника», изданные по случаю 300-летия губернского центра. В состав издания вошли материалы, касающиеся истории и настоящего не только города Воронежа, но и других населенных пунктов. В числе прочих опубликован был и очерк иеромонаха Геронтия (Кургановского) «Город Задонск и его окрестности». В целом повторяя уже сказанное монахом-краеведом на страницах ос-

новного его труда — «Историко-статистического описания Задонского Богородицкого первоклассного мужского монастыря», этот очерк, тем не менее, содержит и весьма интересные дополнения. В частности — яркое описание уличной торговли в Задонске.

Вот что пишет отец Геронтий: *«Ярмарок бывает здесь 4 в год; 3 из них вне города, на южной его стороне; и одна, именно 13 августа, в день блаженной памяти Святителя Тихона, устраивается на западной стороне монастыря. Тут, вдоль всей площади, начиная от самой монастырской ограды, до так называемых "песков", раскидываются устроенные на живую руку балаганы, лавочки, в которых можно купить, кроме платков, ситцев, пряников и т. п. и образок, и картинку, и крестик, и ленточку, и перстенок, и прочее в этом роде. По сторонам св. монастырских ворот накладываются симметрично пирамиды: яблоков, груш, дынь, арбузов, огурцов и т. п., доставляемых из местных садов и бахчей производителями местной торговли. На "песках", еще с весны, у "медового колодца", устраиваются обывателями балаганы-кухни, в которых может удовлетворить свой голод невзыскательный простолюдин-богомалец, задешево. Еда обыкновенно состоит из трех блюд: холодного — квас с рыбой, щей и каши; и все это удовольствие стоит только 5 коп. с человека».*

Очень вероятно, что, по дорожно-бродячему безденежью имено эти щи и каши с Задонских «песков» с аппетитом уминал когда-то будущий краеугольный камень в здании литературного соцреализма — Алексей Максимович Пешков, более известный по своему псевдониму — Горький, ушедший из Нижнего Новгорода 29 апреля 1891 года странствовать по России. В рассказе «Герой» он так вспоминал об этом периоде своего жизненного пути: *«Я тяжело пережил яростный взрыв религиозного настроения, шлялся по монастырям, беседовал со схимниками».*

Летом 1891 года дороги странствий привели Алексея Пешкова в Задонск, где он задержался на некоторое время, живя и работая при Задонском Богородицком монастыре.

Пребывание в Задонске, судя по всему весьма краткосрочное, тем не менее оставило достаточно впечатлений, чтобы в той или иной форме послужить основой для трех произведений писателя. Так, эскиз «У схимника», как заявлял сам Алексей Максимович, *«автобиографичен. Место действия Задонск, монастырь Тихона Задонского».* Эскиз этот позднее вырос в повесть «Исповедь».

На страницах Горьковского рассказа «В ущелье» можно найти такие строки: *«Мне вспомнилось, как однажды в Задонске, на монас-*

тырском дворе, вот такой же темной и жаркой ночью, сидя у стены длинного здания келий, я рассказывал послушникам разные истории». Вот, собственно, и все, что известно о пребывании А. М. Горького в Задонске. Да и не удивительно. В бурной и далеко не богомольной жизни писателя событие это оказалось лишь на первых порах заметным, но быстро пережитым эпизодом. А в жизни города, куда стекались сотни паломников, безвестный «раб Божий Алексей», затерявшийся среди прочих подобных, уж тем более не оставил реального следа.

Трудно, конечно, сказать, как добирался до Задонска Горький, но, учитывая географию странствий этого периода: «обошел Поволжье, Дон, Украину, Крым, Кавказ» и их быстротечность — завершились «шлянья» уже к осени — можно предположить, что не только пешком бродил по Руси Алексей Максимович, будучи, кстати, далеко не тем бедным босяком, каким он так любил себя представлять позднее, вспоминая юные годы. Так что, возможно, прибыл он в Задонск, воспользовавшись вполне доступным общественным транспортом — дилижансом. А таковые к началу 90-х годов прошлого века уже курсировали между Воронежем и Ельцом. Сначала же, 17 января 1884 года, сообщение посредством дилижансов открыто было между Воронежем и Задонском.

В последнем, 1893-го года, издании «Историко-статистического описания...» о Геронтия по этому поводу сказано: *«теперь ходят тут по шоссе от Ельца до Воронежа более менее удобные дилижансы от двух кампаний, и этим путь значительно удешевился, против вольного найма местных ямщиков, которые в два дорога брали за свои услуги»*. Налаживание сразу двумя частными кампаниями такого сообщения между городами, уже связанными железнодорожными путями, явно ориентировано было на обслуживание в первую очередь многочисленных паломников, спешивших поклониться Задонским святыням, оказавшимся в изрядном отдалении от «железки». Принимали и высаживали пассажиров дилижансы в Задонске у «Конторы дилижансов», управлял которой в то время В. Г. Копенкин.

«Памятная книжка Воронежской губернии» на 1894 год называет также фамилии других частных предпринимателей, чья деятельность охватывала практически все нужды тогдашних задонцев. Причем, насколько позволяют судить статистические данные, начало 90-х годов прошлого столетия было порой чуть ли не наивысшего расцвета частного бизнеса в Задонске. Характерно, что в конце 70-х годов к купечеству принадлежали 133 жителя Задонска. А вот де-

сять лет спустя к купеческому сословию относится уже 255 человек (понятно, учитывались не только купцы, но и члены их семей, и тем не менее прирост налицо). К концу 90-х численность задонского купечества вновь снижается — в 1899 году в городе проживало лишь 146 купцов и их домочадцев.

Наиболее популярной была бакалейная торговля, ассортимент которой приблизительно соответствовал нынешним магазинам «Продукты». В доходную, с быстрым оборотом средств продуктовую торговлю вкладывали свои капиталы 15 человек. Некоторые держали более одной лавки. Причем, во многих случаях бакалея совмещена была с торговлей спиртным по «ренсковому» принципу — то есть, исключительно на вынос. Таких точек числилось 22. Помимо этого спиртное на вынос можно было приобрести в специализированных «ренсковых погребках» А. Г. Елецких, А. Л. Качалова и И. А. Стемковского. Особенностью данных погребов было то, что, согласно закону, спиртное тут (правда, только в городской черте) можно было отпускать в любую приносимую покупателем посуду без обязательного ее опечатывания. Ограничивалось только количество крепких напитков — один покупатель мог купить не более 3 ведер водки за раз.

Тот же, кто хотел просто выпить, шел в трактиры С. И. Галкина или Л. О. Орлова, а может — в один из шести других. Побаловаться же пивком можно было в пивной лавке Н. Ф. Назарова.

Галантерейные лавки содержали 4 человека. Железными и скобяными изделиями торговали двое. Частники продавали товар красный и черный, вели мелочную и мануфактурную торговлю, занимались торговлей мукой, выпечкой хлеба, забоем скота, реализовывали лес и держали почтовых лошадей.

Активно, судя по числу сохранившихся и до наших дней старинных снимков, действовали две конкурировавших фотографии: Ф. А. Багрянского и С. Н. Новоцерджина. По непроверяемым воспоминаниям старожилов, фотоателье Багрянского, или во всяком случае, его дом, располагались на углу современных улиц Крупской и Свободы (в районе завода «Цветрон»).

Есть в списке и аптека А. П. Ульрих. Как раз в это время семья Ульрихов становится весьма заметной на общегородском фоне. Николай Андреевич Ульрих был городским судьей и вел активную общественную деятельность, являясь, в частности, попечителем женской прогимназии.

Уже в это время в городе действовала типография, владельцем которой был М. З. Киселев. Именно он станет издателем первой го-

родской газеты, но лишь спустя несколько лет. А пока задонцы пользовались услугами прессы губернской и общероссийской. Наибольшее число подписчиков было у «Нижегородского биржевого листка» — 29 человек. Журнал «Свет» получали 24 задонца; «Воронежские губернские ведомости» — 16; «Модный свет» — 14; журнал «Луч» — 11; «Российский паломник» — 10. И 12 адресатов было у «Сенатских изданий с приложениями» — вполне понятно, сенатскими новостями интересовались исключительно официальные учреждения. Единицы выписывали и некоторые другие издания. Всего в Задонске начала 1890-х годов периодика доставлялась 212 подписчикам.

Весьма немного, с учетом численности населения. А проживало в Задонске в 1894 году 6947 человек. Это, кстати, заметно меньше, чем в конце 70—х и в восьмидесятые годы. Так например, в 1877 году было зарегистрировано 8445 задонцев. В 1887 году — 9039. И вдруг — сокращение на 2000 человек!

Отчасти это можно объяснить отказом от расквартирования в городе армейских частей, постоянная численность которых в иные годы доходила до 1000 человек. Так, в 1886 году в Задонске на постое находились 1-я рота 71 резервного батальона и 4—й батальон 142 пехотного Звенигородского полка. Их численность учитывалась вместе с прочим населением города. И вывод солдат, понятное дело сказался на демографической статистике. Но одновременно сократилось и число мещан, зарегистрированных в городе. Что, пожалуй, можно связать только с голодом и холерной эпидемией 1891 года.

В целом же Задонск на начало 90-х годов насчитывал 1150 зданий, из которых 146 были каменными, а вернее — кирпичными, а остальные — деревянными. Под жилье использовались 91 каменный дом и 884 деревянных. Остальные строения были заняты разного рода учреждениями, конторами, лавками и прочими службами.

За городом числились также 5 мостов общей протяженностью 68 саженей. В том числе и достаточно хорошо сохранившийся поныне мост на Каменной горе. Кстати, именно в те годы, возможно, и появилась знаменитая некогда известняковая мостовая на Каменке, закрытая асфальтом лишь в 70-е годы уже XX века. Известно, что в 1891 году было выделено 5000 рублей на замощение улиц города Задонска.

Развитие местной промышленности оставалось на прежнем, весьма низком уровне.

К традиционным кирпично-черепичным производствам добавилась табачная фабрика, судя по более поздним данным, принадле-

жавшая «товариществу на вере торговому дому Н. Д. Игнатова». Это предприятие (то фиксировавшееся губернской статистикой, то вдруг исчезающее из отчетности) по объему продукции в денежном выражении было явным лидером экономики Задонска. В 1889 году здесь было произведено товара на 3000 рублей.

Благополучие же кирпичных заводов, число которых то сокращалось, то увеличивалось (минимум — 2; максимум — 6), видимо, напрямую было связано с объемами каменного строительства в городе, а значит — с заказами. Учитывая полукустарный характер кирпичных производств, где управлялись 2-3 человека на «завод», а значит и невеликие затраты на их организацию, можно с уверенностью предположить, что возникали они и действовали по мере надобности, и также, за истечением необходимости, закрывались. За исключением разве что одного, выпускавшего клеймленные специализированные кирпичи отличного качества, до недавнего времени бывшие обычной находкой при разборке старых развалин.

Шесть сотен задонцев, выправив соответствующие бумаги, официально зарабатывали на жизнь разными ремеслами. Причем 293 числились мастерами, а остальные — подмастерьями и учениками. Более всего занято было в сфере услуг бытовых, выражаясь современным языком. В 1897 году зарегистрировано 75 портных и их подручных; 98 сапожников и башмачников; 23 модистки; 40 кузнецов и слесарей; 48 плотников. А вот токарей было всего ничего — 1 на весь город.

Правда, ситуация со специалистами в более прогрессивных видах ремесел, типа токарного, обещала переломиться к лучшему. Ведь в 1896 году произошло событие для светской жизни Задонска одно из самых знаменательных за всю его историю — здесь открыта была школа ремесленных учеников, «состоящая под августейшим покровительством Ея Императорского Высочества Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской».

Потребность в кадрах квалифицированных специалистов, особенно слесарно-кузнечного направления, начала ощущаться в Задонске, привыкавшем, как и вся Россия, к механизации, в начале 70-х годов XIX века.

Именно тогда, в 1872 году, здешнее земство, как уже говорилось, впервые поставило вопрос о придании ремесленного уклона местному уездному училищу. На такую мысль подвигли земцев, в частности, хлопоты об устройстве железнодорожной станции в Задонске — наличие местной кузницы квалифицированных кадров

могло стать серьезным аргументом в пользу земских прошений. Но с железной дорогой дело не выгорело, а вот ходатайства об открытии ремесленного училища в конце-концов возымели действие.

20 декабря 1893 года, на основании Высочайше утвержденного мнения Госсовета учреждена была Задонская школа ремесленных учеников в г. Задонске. Согласование разных вопросов материального обеспечения и подготовка здания заняли еще около трех лет и только в 1896 году, 1 июля, Задонская школа ремесленных учеников была официально открыта. Правда, занятия в ней начались позже — 14 октября.

Первоначально школа ремесленных учеников разместилась в одноэтажном здании, выделенном городом из числа имевшихся в его распоряжении. Здесь было около десятка достаточно просторных комнат, в которых оборудовали классы, на первых порах вполне отвечавшие задачам образовательного процесса.

Преподавали в новооткрытой школе Закон Божий, русский язык, славянское чтение, чистописание, сведения из отечественной истории, сведения из географии, арифметику, практические сведения из геометрии, счетоводство, сведения из физики, сведения из технологии металлов, сведения из технологии дерева, рисование, черчение, пение. Как видно из этого списка, общий образовательный уровень выпускников школы предполагал знание не только того, с какой стороны берутся за молоток, а потому не случайно, в отличие от советских ПТУ, в Задонскую ремесленную школу охотно отдавали своих детей не одни лишь представители социальных низов. Учились здесь и мещане, и купцы, и дворяне. Обучение было бесплатным, за счет казны и земства.

Специализировалась школа на столярно—плотницком и слесарно-кузнечном ремеслах. По окончании школы выпускнику присваивалось звание подмастерья. Затем его направляли на трехлетнюю производственную практику. При условии успешного ее прохождения, испытуемый получал диплом и звание мастера. Многие выпускники, получив хорошую по тем временам профессиональную и общеобразовательную подготовку, покидали Задонск, но немало и оставалось, умножая как население города, так и уровень его образованности.

В январе 1897 года, 27 числа, состоялась Всероссийская перепись населения. В ходе этой акции в городе Задонске зарегистрированы были 7507 человек, 293 из которых временно пребывали в уездном центре на момент переписи. Численность населения, по-

несшая заметный урон за годы холеры и голода (1891—1892), постепенно восстанавливалось.

Но важен еще один, весьма лестный для задонцев момент, зафиксированный переписью — заметно более высокий процент грамотности местных жителей. Каждый второй житель Задонска был грамотен (49,8 процента), в то время как средний по Воронежской губернии процент грамотности городского населения составлял 44,4. Про село и говорить нечего — в том же Задонском уезде средний процент грамотности был всего 13,7. Да и не удивительно. В весьма невеликом по размерам и населенности городке имелись в достатке учебные заведения как начального, так и более высокого уровня. Два приходских училища, дававших ученикам азы грамоты и некоторых наук обучали более 200 ребятишек. 30 мальчиков и девочек постигали премудрость чтения и письма вкупе со счетом в двух церковно-приходских «школах грамотности» с 1891 года действовавших, соответственно, при Задонском Богородицком мужском и Свято-Троицком женском монастырях. Завершившие курс обучения в этих школах могли продолжить постижение наук и далее. Мальчики — в уездном духовном училище при монастыре, светском уездном училище или школе ремесленных учеников. Девочки — в женской прогимназии, у которой, кстати, был свой приготовительный класс.

В городе имелся книжный магазин, при котором его владелец — Т. Н. Сотников — завел в 1888 году публичную библиотеку. Несколькими годами позже «*библиотека при книжном магазине в г. Задонске*» была отмечена среди лучших библиотек Воронежской губернии, «*доступных для общего пользования*».

Вот, правда, театра не было, во всяком случае, профессионального, со своим зданием. Любительские же постановки ставили, судя по воспоминаниям старожилов, довольно часто. Как при учебных заведениях, так и силами самодельной труппы.

Но и помимо спектаклей бывали в городе зрелища. Особенно — на праздники. А их и в то время хватало.

В мае 1896 года в Москве проходили коронационные торжества. На царствие венчался последний русский царь - Николай II, причтенный ныне за мученическую свою кончину к лику святых Русской Православной Церкви.

Коронация Николая II, как и предыдущие коронационные торжества, стала праздником для всей страны. С искренней верноподданнической радостью отметили это событие и в Задонске. О чем и сообщил в «Памятной книжке Воронежской губернии» Празднование

священного коронования их Императорских Величеств в г. Воронеж и Воронежской губернии».

Как явствует из этого сочинения, Задонск еще накануне коронации принял особенно оживленный и нарядный вид. В ожидании телеграмм о том, что священное коронование свершилось, массы народа долго толпились по улицам.

Наконец салют из пушки возвестил радостную весть о совершении коронования; раздался звон колоколов, и народ устремился в городской и монастырский соборы на благодарственное молебствие.

По окончании молебствия в зале городской думы был «парадный обед». За обедом, *«по возглашении тоста за Их Величеств, гласные думы послали телеграмму в Москву г. Министру Внутренних Дел с просьбою повергнуть их верноподданические поздравления к стопам Их Величеств, и поздравительную телеграмму г. Начальнику губернии»*. Тут же, за тостами, было предложено сложить недоимки по окладным налогам и устроить обед на 300 человек для бедных. По недоимкам потом уточнили: простить только беднейшим горожанам... Вечером Задонск засиял иллюминацией, которая *«особенно была удачна на величественной монастырской колокольне и в городском саду»*. В городском саду играл оркестр, причем *«публика много раз требовала повторения народного гимна»*. А в заключение первого дня гулянья, проходившего 14 мая, *«сожжен был фейерверк»*.

День следующий ознаменовался народным гуляньем с лазаньем на призовые столбы. Детям бесплатно раздавали лакомства. Третий день догуливали уже неорганизованно. Кто как смог...

Вступая в новое столетие

С началом века XX связано одно событие, а вернее и не событие, а факт, рожденный вступлением мира в век двадцатый и, в то же время, являющийся фактом истории Задонска.

В 1900 году в Париже, по случаю начала нового тысячелетия, состоялась первая Всемирная выставка достижений, так сказать, империалистического, капиталистического, а также феодального хозяйства разных стран и народов. Был на выставке и павильон Российской империи. А под его крышей, в секции технических училищ, среди прочих поделок людей мастеровых, стоял *«постамент из резного дуба в русском стиле с никелированной тележкой, изготовленной учениками Задонской школы ремесленных учеников и поднесенной господину президенту Французской республики от русских техни-*

ческих училищ». Экспонат из Задонска удостоен был Диплома первой степени и медали Всемирной выставки.

Собственно же задонская жизнь начала века нынешнего практически не отличалась от быта Задонска конца прошлого столетия. Разве что внесла свежую струю местная газета, появившаяся в городке над Доном в 1901 году. Издавал «Задонский листок» владелец типографии М. З. Киселев, а редактором был М. В. Эпельман.

В остальном же промышленность местного значения, та же ориентированность на доходы от паломников, стекающихся в Богородицкий и прочие местные монастыри. Правда, в структуре «промышленности», особенно такой традиционной, как кирпичное производство, намечился некий сдвиг от полукустарных предприятий к более дорогостоящим и технически сложным проектам. Так, в 1900 году число просто кирпичных заводов сокращается до двух, зато появляются два черепичных и один кафельный заводики.

Их продукция находит спрос на месте, ведь в конце XIX — начале XX веков как раз и ведется основное каменное строительство на территории города.

Так, в начале девятисотых годов было выстроено здание мастерских школы ремесленных учеников, где сейчас размещается завод «Цветрон». В 1903 году, согласно высочайше утвержденному решению Госсовета, из средств Государственного казначейства отпущено было 31420 рублей *«в пособие Задонскому уездному земству на устройство здания и оборудование мастерских существующей в Задонске школы ремесленных учеников»*. В том же 1903 году выделенные средства были пущены в дело и состоялась торжественная, с молебном, закладка фундамента новых мастерских.

А 22 января 1904 года Задонское уездное земство уже формально донесло Директору народных училищ Воронежской губернии о том, что *«работы по постройке начаты»*. Завершилось строительство в 1905 году.

Что касается частных домовладений, то тут все же преобладало деревянное, или каменно-деревянное строительство. Тем не менее, в начале этого столетия Задонску уже не пришлось переживать тех страшных пожаров, что несколько раз выжигали десятки домов в столетии предыдущем. Так в 1901 году пожаров не было вообще. А в 1903 году был зафиксирован лишь один пожар, случившийся в летнюю жару и нанесший 100 рублей убытка.

Относительно спокойна была на грани веков и криминогенная обстановка. Смерти не от естественных причин были единичны. Ха-

рактерна статистика 1901 года. За 12 месяцев зафиксированы в полицейских протоколах один мужчина самоубийца, один его собрат по полу, умерший «от пьянства» и одна женщина, скончавшаяся «от неизвестных причин».

Больше хлопот доставляли болезни, весьма многие из которых тогда относились к категории неизлечимых. Больных принимали в земской больнице, первоначально рассчитанной на 30 кроватей, а к 1905 году расширенной до 36. Персоналу этого лечебного учреждения не всегда удавалось справляться с вспышками заболеваний своими силами. Тогда на помощь приходили губернские медики. Так в 1898 году в городе Задонске и уезде зарегистрированы были мощная вспышка дифтерии, а также очаговые проявления тифа. На борьбу с заболеванием из Воронежа был командирован специальный санитарный отряд из студентов и сестер милосердия во главе с врачом. Но в целом задонским медикам удавалось выполнять свои задачи весьма удовлетворительно, не допуская возникновения очагов опасных заболеваний или эпидемий. В 1900 году задонскую медицину отметили с положительной стороны за самое благополучное в губернии положение с сифилисом. В городе и уезде зафиксировано было лишь 1348 зараженных, в то время как, например, в Бобровском уезде — 10760...

Свою благородную роль в деле здравоохранения играла и монастырская минибольница, в официальных документах проходившая как *«Приемный покой при Задонском Богородицком монастыре на 5 кроватей»*.

С выписанными докторами рецептами задонцы шли либо в аптекарский магазин А. П. Ульрих, либо в аптеку провизора А. С. Воротынского. В 1904 году у Воротынского работали 2 фармацевта и 1 ученик. За год оба фармацевтических заведения, именовавшихся также «Задонскими вольными аптеками», обслужили подателей 4772 рецептов.

А те, кому требовались не столько лечение, сколько уход, могли рассчитывать на получение места в одной из задонских богаделен. Таковых с 1885 года в Задонске имелось три.

Одной из первых была открыта богадельня попечением орловской помещицы А. В. Демидовой. Вообще, надо заметить, что очень набожная и очень богатая землевладелица весьма много сделала для города, чья история освящена именем и подвигом св.Тихона Задонского. На ее средства (за 10 тысяч серебром) в 1870 году был выстроен храм Живоносного Источника над речкой Тешевкой близ

Каменной горы, соединяющей северную и южную части города; именно ей обязан город устроением кладбищенской церкви во имя Казанской иконы Пресвятой Богородицы и Всех Святых. Построив церковь на городском кладбище, Аграфена Васильевна пожертвовала под проценты 25 тысяч рублей на содержание здания и заработную плату причту. Ею же была открыта и передана на попечение городу богадельня для призрения 10 человек обоего пола. Но в 90-х годах это заведение упразднили, а здание, по решению городских властей, передали для нужд плодящейся бюрократии — в стенах бывшей богадельни разместилось Присутствие воинской службы (военкомат, выражаясь языком современным). Вполне возможно, что нынешние военные комиссары занимают все то же здание.

Второй, и наиболее значительной, была богадельня, устроенная М. А. Охотниковой. Госпожа Охотникова, умирая, оставила для целей благотворения два дома: один — для призрения шести бедных старушек дворянского звания, а второй — для 12 престарелых воинов-инвалидов. На содержание домов призрения завещала Охотникова 30 тысяч рублей. Гарантом исполнения воли умершей в этом случае выступал не город, а Задонский Богородицкий мужской монастырь. А потому сие богоугодное заведение не только выполняло определенные ему задачи, но и развивалось. Так, попечением монастыря, при «охотниковских богадельнях» в 1885 году выстроен был однопрестольный каменный храм в честь Марии Магдалины. К этому времени заведение стало чисто женским. В начале девятисотых годов здесь доживали свои дни 12 женщин. Сейчас на месте «охотниковской» богадельни расположен Задонский маслодельный завод.

Еще 10 старушек в начале XX века получали уход и заботу в богадельне ростовской купчихи А. И. Асмоловой, имевшей усадьбу в Задонске. И 12 бабушек неизвестного звания обитали под крышей богадельни госпожи Синельниковой.

Тем же задонцам, которые могли окончить свой век под собственной крышей, но не имели необходимых средств, чтобы дотянуть до этого, оказывало помощь Общество вспомоществования бедным города Задонска, основанное в 1895-ом. В 1898 году эта благотворительная организация помогла 171 бедному семейству, выплачивая как единовременные, так и ежемесячные постоянные пособия. Кроме того, общество выделило средства для погребения 19 неимущих. На все про все израсходовано было 917 рублей 14 копеек. При этом приход общества, существовавшего на началах доброволь-

ных пожертвований, за тот же год составил 1792 рубля 80 копеек (считая и остаток от 1897-го — 787 рублей 73 копейки). В 1900 году Общество израсходовало на благотворительность 907 рублей 5 копеек, оплатив в том числе 12 похорон.

Ну, а жители Задонска имевшие достаточно денег, чтобы содержать и свои семьи, и свои дома самостоятельно, прибегали к услугам иных обществ — страховых, в частности. Причем, выбрать, где застраховать свое имущество и здоровье, было не так-то просто. В маленьком провинциальном Задонске имелись представительства десятка страховых компаний как общероссийского, так и губернского масштаба. «1-е Российское», «Надежда», «Якорь», «Русское», «Московское», «Саламандра», Воронежское губернское взаимное земское страхование, «Санкт-Петербургское», «Северное» и «Россия» наперебой предлагали свои услуги, доказывая клиентам выгоду и надежность возможного договора именно с ними. Теперь трудно сказать, кто был в наибольшем фаворе у задонцев, но в деле страховки недвижимости явно лидировала «Россия» — ведь вплоть до самых последних советских времен на многих старых домах ржавели жестяные круги с датой страховки и надписью «Россия», артефакты, надолго пережившие как само страховое общество, так и ту Россию, приметой которой оно было.

Страховать же многим задонцам было что. Судя по отчетам, частное предпринимательство в городе развивалось. Впрочем, что отчеты! До сих пор сохраняются на улицах города зримые свидетельства успешности бизнеса задонских купцов — их особняки. Например, усадьба Маликова (вспомогательная школа-интернат) и дом Галкина (бывшее КПУ).

Некоторые коммерсанты вкладывали деньги в новые для себя виды деятельности. Причем, в те, которые раньше были прерогативой исключительно монастырей. Так, семья Коптевых (отец и дядя писателя Николая Задонского), в начале 1890-х годов делавшая деньги на галантерейной торговле, в 1900-х добавила к этому и гостиничный бизнес, устроив в городе отель для приезжих и составив конкуренцию не только старой гостинице Богородицкого монастыря, но и не так давно открытой гостинице Тюнинского женского монастыря, устроенной в *«слободе Тюнино Тешевской волости»* (в издании 1999 года ошибочно указано, что гостиница находилась на въезде в Задонск по Московской дороге). По воспоминаниям С. Г. Заворыкина, гостиница женского монастыря была весьма основательной, занимала три двухэтажных дома.

В торговле иконами у монахов также появились конкуренты-частники. Помимо Богородицкого монастыря, в первые годы нынешнего века иконную лавку содержал и Т. П. Гулин.

К сожалению, говоря о развитии частного бизнеса в Задонске, следует отметить временное умирание Задонских ярмарок. И прежде не слишком прибыльные, на рубеже веков они совсем захирели. Оборот их не превышает 30 – 40 тысяч рублей. Колеблется и число проводимых ежегодно ярмарок, увеличившееся было до 4-х за счет прибавления к существовавшим издревле Владимирским еще одной – на день памяти св. Тихона, 13 августа. Так в 1898 году прошло 3 ярмарки с привозом-продажей соответственно 113 и 54 тысячи рублей; в 1900 – 4 с привозом-продажей 100 и 40; в 1901 – 2 с привозом-продажей 70 и 24. И лишь к 1905 году число ярмарок вновь возрастает до четырех, а привоз-продажа до 110300 и 59400 тысяч рублей соответственно.

ОТ РЕВОЛЮЦИИ ДО РЕВОЛЮЦИИ

И всерьез, и... по пьянке

Начало нового, двадцатого от Рождества Христова, столетия для россиян исполнено было не только радужных надежд и ожиданий на то, что «век грядущий» им готовит, но и связанных все с тем же веком тревог и сомнений в будущем как своем, так и России.

В новый век Империя входила под шум забастовок и пальбу эсеровских боевиков, отстреливавших представителей МВД. Доходили волны общероссийской тревоги и до Задонска. Дети зажиточных родителей продолжали образование в крупных городах, а приезжая на каникулы привозили домой новые идеи, «сеяли смуту». Да и бродячие агитаторы не обходили стороной Задонск и его окрестности, роняя фразу — другую, где следует. Но провинциально-косное жизнеустройство брало свое и было зароненные сомнения в правильности государственного и социального устройства растворялись в повседневных заботах. О том, что Задонск все же, хоть и косвенно, оказался сопричастен к событиям Первой российской революции его жители узнали позднее, после победы второй — Октябрьской.

Вьюжным днем 10 февраля 1902 года произошло событие, вписавшее Задонск на страницы истории революционного движения России. В сети уездной полиции попался соратник Ленина — Н. Э. Бауман. Правда, нижние чины, доставившие к воротам Задонской тюрьмы подозрительную личность, арестованную на окраине села Хлевное, этого не знали. Впрочем, не знало этого и их начальство.

Задержанный, не местный господин, явившись замерзшим и голым к хлевенскому участковому врачу В. Г. Вележеву, отрекомендовался ветеринарным врачом Петровым, скрывающимся от жан-

дармов. Напирая на коллегиальную солидарность, пришелец попросил о помощи. Вележев, будучи человеком лояльным, вполне понятно, «выразил удивление, что к нему обращаются с подобными просьбами». Тем не менее, велел прислуге беглеца накормить и, после того как он отогреется, выпроводить из дома. Но, совершив акт человеколюбия, врач не забыл и о долге гражданском — незамедлительно о происшедшем были поставлены в известность полицейские власти. Так что накормленного и обогретого «Петрова» задержали при выходе из села и доставили в Задонскую тюрьму, где он и провел 5 дней «для выяснения обстоятельств».

«Задонский тюремный замок», как именовали его со второй половины прошлого столетия, к моменту водворения за его стены Баумана был вполне приличным исправительно-изолирующим заведением. Верующие заключенные имели возможность посещать молитвенную комнату в «фонаре» здания, где службы совершались ричтом городского собора. Те, кто хотел скоротать минуты досуга за книгой, могли воспользоваться тюремной библиотекой более чем в 200 томов. Выводили арестантов подышать не только на прогулки. За тюрьмой был закреплен земельный участок, возделывавшийся руками заключенных. Выращенное на тюремном огороде позволяло разнообразить казенный паек.

Впрочем, Н. Э. Бауман вряд ли успел подробно ознакомиться с условиями содержания в Задонском тюремном замке. Через 5 дней его перевели в Воронеж, а затем этапировали далее, где наконец и установили, что «Петров» — не кто иной, как опасный революционер. История ареста Баумана была предана широкой огласке в узких революционных кругах благодаря статье в газете «Искра» от 1 мая 1902 года. И для врача Вележева его гражданский поступок в конце концов обернулся весьма большими неприятностями.

Как сообщает писатель Николай Задонский, В. Г. Вележев, переехавший перед революцией в Задонск и рассчитывавший мирно окончить свои дни близ стен знаменитого монастыря, «*был разоблачен и арестован в Задонске в середине тридцатых годов*». Впрочем, Бауману было отмерено еще меньше. Во время демонстрации 18 октября 1905 года в Москве, ехавшему в пролетке с красным знаменем в руках члену Московского комитета партии проломил голову обрезком чугунной трубы агент охраны. Удар был смертельным...

Другой эпизод «революционной» задонской истории, зафиксированный в документах Воронежского губернского жандармского управления, не в пример первому, комичен. Да и всероссийской

огласки не получил. Речь идет о скандале, случившемся в пивной Кронберга 12 октября 1904 года и вылившемся в «Дело по обвинению мещанина города Задонска Хумякова Н. И.», до сих пор сохраняющееся в Государственном архиве Воронежской области.

Было дело так. Октябрьским вечером, в шестом часу, сидел вышеупомянутый мещанин во второй комнате задонской пивной елецкого заводчика Кронберга и попивал елецкое же пиво с крестьянином села Нижнее Казачье А. А. Чернухиным.

Слово за слово. Глядь, уже по четыре пустых бутылочки перед каждым стоит. И, как оно по сию пору принято у пьющего и оттого пьянеющего народа, пошел разговор «за жизнь». И о том, в частности, кто этой самой «жизни» таковому народу не даст. О правоохранительных, то есть, органах. О полиции.

А к полиции у Хумякова как раз счет имелся. Накануне его, пьяного, не только забрали в участок, да еще и «в шею наклали». На что он собутыльнику—собеседнику и пожаловался. Но селянин Чернухин на жалобы горожанина Хумякова отвечал без сочувствия, по—крестьянски рассудительно и образно:

— Так, видать, за дело в шею-то наклали. Вы, мещане, шибай, черти характером. Можете и архиерею нос сшибить.

Тут раззадоренный горячительным и обидой Хумяков гаркнул в запале на всю пивную: «Да что архиерею! Я и Государю, коли надо будет, нос расшибу!». Угрозы по столь высокому адресу не остались незамеченными. В первой комнате той же пивной патриотичный мещанин Викулин, потрясенный возмутительно вольными намерениями по отношению к Особе Государя Императора, отставил в сторону недопитую бутылку и, вскочив со стула, возопил:

— Как это, «Государю расшибу»?! Будьте свидетели.

Вскоре и виновника скандала, вознамерившегося было нос Государю расшибить, и невольных свидетелей публичного выражения «террористических» намерений забрали для дознания к надзирателю второй части города Задонска. И тут Хумякову не повезло.

Надзиратель углядел в пьяной болтовне нешуточную политическую подоплеку. И дело, из участка, попало к жандармам. В руках голубых мундиров из Задонска пустяковый скандал превратился в дело по обвинению Хумякова в намеренном оскорблении Царствующей Особы, что могло повлечь весьма неприятные последствия для болтливого выпивохи. Спасло Хумякова то, что Воронежское жандармское губернское управление, получив документы из уезда, провело повторное расследование.

В личных показаниях несостоявшегося расшибателя высокопоставленных носов красной нитью проходит один, вполне современный для такого рода объяснений аргумент — был пьян, ничего не помню. Тяжелое хмельное состояние Хумякова, еще до пивной хлебнувшего водки, подтвердили и хозяин заведения, австрийский подданный Гресс, и рабочий лавки Тенихин. Опынение послужило смягчающим обстоятельством. Ознакомившись с показаниями свидетелей, жандармы уверились, что Хумяков вовсе не имел намерения сотрясать государственные устои сворачиванием на сторону царственного носа.

В итоге из Воронежа в Задонск направлено было резюме: дело прекратить, а мещанина Н. И. Хумякова наказать в административном порядке, арестовав на 5 суток при местном полицейском участке. Так закончилось уникальное для тогдашнего Задонска дело, получившее было политическую окраску.

А тем временем пришел черед года 1905 с его Кровавым Воскресеньем, Всероссийской стачкой в октябре и октябрьским же манифестом Николая II, объявившим о выборах в законосовещательную Государственную Думу.

И вот в марте — апреле 1906 года состоялись выборы депутатов I Государственной Думы. Отдали свои голоса за избранников и задонцы, предварительно до хрипоты поспорив, кто народу ближе и Отечеству полезней. Причем, некоторые позволяли себе высказывания весьма сомнительные. 4 февраля 1906 года задонский исправник донес Воронежскому жандармскому управлению, что *«при разговоре о выборах в Государственную Думу бывший в это время в городской управе Тихон Иванович Попов, указывая на полицейского надзирателя, выразился: «Кабы не эти господа, то мы выбирали бы не Государственную Думу, а президента республики».*

Тихон Иванович Попов, сделавший столь смелое заявление, не случайно попал на заметку к исправнику. За ним следили. Ибо органам тогдашней госбезопасности было точно известно, что Т. И. Попов принадлежит к РСДРП и является далеко не рядовым ее членом. За его плечами уже были аресты и высылки по политическим мотивам.

Родившийся в семье Поповых, представители которой на протяжении нескольких поколений отправляли службу в городском Успенском соборе, Тихон, горячий и непоседливый, не склонный к духовной созерцательности, отказался идти по родительским стопам. Окончив в 1893 году елецкую гимназию, он поступил в Мос-

ковский университет на историко-филологический факультет. В декабре 1894 года за участие в студенческих беспорядках он был *«уволен из числа студентов и удален в Задонск, где за ним, по распоряжению департамента полиции от 23 декабря 1894 года за № 9464, был учрежден негласный надзор»*. Как вспоминает писатель Николай Задонский, посвятивший этой незаурядной личности целую книгу — *«Повесть о золотом комиссаре»*, *«с приездом Попова в Задонск здесь впервые появляются книги Маркса, Энгельса, Плеханова, Каутского»*. Задонская ссылка продлилась для Тихона Попова два года. За это время он сумел подготовиться и экстерном сдать экзамены по курсу Харьковского университета.

В 1896 году, женившись, Тихон Попов уезжает в Курск, где устраивается работать земским статистиком. Оттуда путь его лежит в Ярославль и, в 1899, — в Кострому. Но, как оказалось, новоиспеченный чиновник вовсе не расстался с юношеским увлечением марксизмом. Что и было установлено в результате проведенного обыска. Попова арестовали и выслали в Вятскую губернию под гласный надзор полиции. Но Тихон Иванович, вместо того, чтобы отбывать наказание, перешел на нелегальное положение. И объявился лишь в 1903 году как один из руководителей Тверского комитета РСДРП. В Твери 20 июля 1904 года его вновь арестовали, продержав до 11 мая 1905 года, когда товарищам, наконец, удалось вызволить Тихона под залог. После освобождения, будучи поднадзорным, опытный уже революционер решил не дразнить охранку и отбыл на родину — в Задонск, где прожил вплоть до выборов в Госдуму.

Дальнейшая его биография, как и положено истории жизни профессионального «подрывного элемента», насыщена арестами, высылками, отсидками. Страшных три с половиной года пришлось провести Т. И. Попову в камере-одиночке. Чтобы не сойти с ума, он усиленно занимался немецким языком, переводя Шиллера. Выйдя из крепости в 1911, Попов вновь активно включается в революционную работу. С началом издания «Правды» он входит в состав ее редакции. А работает в Торгово-Промышленном банке. Сначала в Петербурге, потом — в Москве. Здесь и застала его Октябрьская революция.

Революционер из числа соратников Ленина, имеющий опыт банковской работы, Попов был назначен главным комиссаром и управляющим республиканского народного банка. А затем, в связи с обострившимся положением, вновь был востребован опыт Попова-подпольщика. В 1919 году его направляют на подпольную работу в

Баку, оккупированный англичанами. По дороге лодка, на которой группу переправляли по Каспийскому морю, была задержана белыми. Попов, не желая сдаваться, при задержании застрелился.

Так завершилась короткая, но яркая биография задонского уроженца, чья память в конце 1980-х была удостоена мемориальной доски на старом доме Поповых, до сих пор стоящем на улице Урицкого. Правда, провисела та доска совсем недолго. Который год и следа ее не видно...

«Бунт» в ремесленной школе

События первой российской революции, как известно, не ограничились жарким от выстрелов и крови 1905 годом. Выборы в Госдуму по манифесту от 17 октября и одновременное «закручивание гаек» дали стране лишь временную передышку. Первая Дума не оправдала чаяний ни царя, разогнавшего ее из-за политической неблагонадежности спустя два месяца с мелочью, ни народа, продолжившего бунтовать, особенно летом 1906-го, ознаменовавшимся восстаниями в Свеаборге и Кронштадте. 12 августа эсеры совершили неудачное покушение на премьер-министра Столыпина, завершившееся бессмысленной гибелью двоих посторонних. Ответом на оживление революционной активности стали знаменитые слова Столыпина: «Сначала успокоение, потом реформы». В стране начали работать военно-полевые суды, щедро раздававшие «стольпинские галстуки» — так в народе прозвали приговоры к повешению, часто завершавшие заседания трибуналов. Всего казнено было около 2000. Для наведения порядка среди обывателей городов и сел активно использовались казачьи части.

Появился казачий отряд и в Задонске. Хотя особых неприятностей от непромышленного городка ожидать не приходилось — особенно сочувственный к революции пролетариат насчитывал здесь лишь четыре десятка человек. Тем не менее, брожение в умах имело место и среди задонцев. В 1906 году отмечен случай распространения в городе большевистских прокламаций.

Сохранился рапорт Задонского уездного исправника помощнику начальника Воронежского губернского жандармского управления об этом событии. Вот что сказано в рапорте: *«В ночь с 25 на 26 октября в городе Задонске, по Ямской улице, где квартируют призываемые на военную службу, и по направлению к воинскому присутствию (дому земской управы) на фонарных столбах и доске, вывешенной на*

наружной стене здания земства, были расклеены прокламации Российской социал—демократической рабочей партии «Манифест ко Всероссийскому крестьянству». Прокламации эти рано утром были замечены городовыми Зениным и Свешниковым и соскоблены шашкою, кроме того, две прокламации были сняты в 6 часов утра тоже с фонарных столбов фельдфебелем 5 роты 142 пехотного Звенигородского полка Александром Гриценко. Прокламации эти, как нужно полагать, не были читаны находящимися в Задонске призываемыми и другими лицами».

И это был не последний раз, когда городовым приходилось тушить шашки, соскабливая со столбов подрывные листки. Но срывание прокламаций, конечно, не могло оградить горожан от влияния революционной агитации.

Наиболее чуткой к ветру перемен оказывалась молодежь. Об этом вскользь упоминает Николай Задонский. Об этом же, более подробно, рассказывает в своих воспоминаниях, записанных в 1966 году, бывший ученик ремесленной школы П. Г. Сиротинин. По его мнению, события, имевшие место в Задонской школе ремесленных учеников осенью — весной 1906—1907 годов, «*потрепали не только школу, но и город в целом*».

Началось все осенним дождливым вечером, когда учащиеся ремесленного собрались на тайный митинг. Ребятам, вызванным с квартир под предлогом совместной прогулки, предложили проследовать на берег Дона. «*По приходу на берег Дона мы увидели примитивную трибуну и стоявших на ней нескольких учеников, инициаторов этой прогулки*», — вспоминает Сиротинин.

Тут надо сказать, что состав коллектива учащихся ремесленной школы был весьма разношерстным как по сословным, так и по возрастным показателям. Обучались тут юноши от 13 до 25 лет. И не только те, кто получал первое образование, но и исключенные из гимназий и семинарий. Вот эти последние и стали заводилами ученической «смуты». Пофамильно автор воспоминаний называет лишь двух зачинщиков — «*учеников довольно пожилого возраста*» — Меньшикова, сына члена Госдумы от трудовой партии, и Бабкина из семьи мелких торговцев. О политической ориентации их в воспоминаниях не говорится. По развитию событий ясно лишь, что вряд ли это были социал-демократы...

Хотя и РСДРП не оставляла вниманием Задонск. Тот же Сиротинин вспоминает, как его родственник «*тоже ученик этой школы П. И. Воротников часто являлся с ночной прогулки с пачкой прокламаций за подписью «Воронежская Социал—Демократическая рабочая партия»*».

Правда, долго эти прокламации у Воротникова не задерживались, о чем Сиротинин в своих воспоминаниях сообщает с искренней детской непосредственностью: *«Прокламации не всегда приходилось читать, так как хозяйка квартиры их отбирала у дверей, при входе в квартиру»*.

Но вернемся под моросящий дождь, на берег Дона. Здесь, после кратких речей о положении в России, был выдвинут и одобрен ряд «экономических» требований, исполнения которых ученики решили добиваться забастовкой. К сожалению, из оглашенных над водами Тихого Дона требований известно лишь одно — улучшение заработка, выдававшихся за казенный счет. Именно это требование и стало причиной того, что к «ремесленникам» с тех пор надолго прилипло прозвище «кашники», возникшее, как только по городу разошлись слухи о происшедшем. Эта дразнилка дожила до советского времени, перейдя в слегка измененном виде («кулешники») к студентам Задонского техникума, унаследовавшим ее вместе с материальной базой школы ремесленных учеников.

О митинге, те, кому следует, узнали, еще когда он шел. Были даже направлены казаки для разгона, никого, правда, на донском берегу не заставшие. Участники митинга, наскоро приняв решение, разошлись по квартирам. И вовремя. Так как тем же вечером поднятые с постелей преподаватели начали поквартирный обход с тем, чтобы выяснить, кто-где в этот вечер был и чем занимался. Не удовлетворяясь расспросами, учителя обыскивали сундучки учеников, так как их предупредили, что на митинге могли раздавать прокламации, а то и оружие. Но, как и в случае с «террористом Хумяковым», у провинциального страха глаза оказались велики. Куда больше, чем то, что дало повод для испуга.

Поутру, придя на занятия, ребята решили все-таки бастовать, хотя семерых зачинщиков митинга уже выявили и удалили с территории школы. «Бунтовщики» собрались в одном из больших классов и еще раз проголосовали за заявленное на митинге, не обращая внимание на уговоры преподавателей и инспектора, в адрес которого прозвучали весьма нелестные, оскорбительные выкрики. Для устрашения сомневающихся на доске нарисован был мелом гроб с припиской «Изменнику смерть».

Тем временем шло заседание педсовета, куда по очереди, индивидуально, вызывали учеников. Эти «частные» собеседования оказались весьма действенными. И когда после педсовета к ученикам обратился весьма уважаемый ими преподаватель, в очередной раз

предложив отправиться в мастерские, его послушались. Правда, став за верстаки, ребята еще чуть-чуть побузили, устроив страшный грохот молотками. Но пар был спущен и «восстание» завершилось. Семейных зачинщиков уволили. Некоторых активистов частично сняли с казенного обучения. Бесплатные завтраки, улучшения которых добивались забастовщики, отменили совсем. А заодно отменили и еженедельные бесплатные походы в баню.

Хотя, надо заметить, сокращение льгот учащимся коснулось не всех. Наиболее бедные ученики, как свидетельствует официальная отчетность, по-прежнему продолжали пользоваться финансовой поддержкой. В частности, за счет Попечительства при Задонской школе ремесленных учеников, в которое входили 39 наиболее уважаемых и зажиточных горожан. В 1907 году эта благотворительная организация оказала содействие неимущим ученикам на сумму 2217 рублей 9 копеек. В следующем, 1908 году, помощью Попечительства на общую сумму 2490 рублей 59 копеек воспользовались 23 нуждавшихся ученика ремесленной школы.

К сожалению, революционная активность в Задонской ремесленной школе не исчерпалась совсем по-взрослому затеянным и по-детски разыгранным «бунтом», лишившим учеников как бесплатных завтраков, так и еженедельных общих походов в баню за казенный счет. За грустной этой, но не трагичной нотой пришло время прозвучать и иной, куда более мрачной. А произошло это в день выпускного торжества, когда в весеннем саду школы звучали прочувствованные напутственные речи в адрес тех, кто вступал на самостоятельную жизненную дорогу, а ребятня помладше предвкушала радость беззаботных каникул.

В своих воспоминаниях П. Сиротинин описывает не только события околореволюционные, но и бывшую в Задонской школе ремесленных учеников традицией церемонию, венчавшую очередной учебный год.

«Выпуск проходил в саду школы, в специально выстроенной для этой цели большой беседке. В выпускной день в беседке собиралась вся знать города: предводитель дворянства, попечители других школ, инспекторы и прочие.

После торжественного молебна инспектор школы выходит на трибуну и держит речь. В этой речи он обрисовывает положение школы с начала ее образования. Зачитывает, сколько школа выпустила учеников, где и кем они работают. Даже сообщает, конечно, не про всех, какое получают жалованье. После всего этого выдаются аттестаты

и награды лучшим ученикам. Вечером около беседки, в роскошном школьном саду, всегда устраивался вечер учеников совместно с приглашенными гостями».

Но выпуск 1907 года закончился вовсе не торжественным вечером с веселыми танцами. Лишь только высокопоставленные лица, присутствовавшие на церемонии, отбыли на обед к инспектору школы, на расположенной поблизости от беседки площадке, где предполагалось занять учеников «увеселительными играми», прогремел выстрел. *«Я, и еще несколько школьников первыми прибежали на выстрел, — вспоминает Сиротинин. — Перед нами лежал простреленный в висок ученик-выпускник. Возле него лежал револьвер и записка с просьбой не винить в его смерти никого. Фамилия этого ученика Рудкевич. Сын польского ксендза, 23 лет».*

Спустя несколько месяцев после трагедии по городу поползли слухи, что самоубийца был членом террористической организации партии эСеРов (Социалистов-Революционеров). Ему, якобы, выпал жребий убить инспектора, после чего другие должны были бросить бомбу в беседку, где сидела городская верхушка. Но парень струсил и из страха перед товарищами по партии застрелился.

Трудно теперь сказать, присутствовала ли в этой версии хоть доля правды или полностью она была измышлением досужей молвы. Но в любом случае показателен уровень политизированности мышления даже провинциального Задонска, любое неожиданное и странное происшествие стремившегося объяснить наиболее естественными для того времени причинами — революционной деятельностью... Впрочем, за дымом проглядывал и огонь. Следующий, 1908 года, выпускной вечер также не состоялся из-за того, что несколько неблагонадежных учащих были арестованы буквально накануне.

В годы всероссийских юбилеев

Впрочем, в 1908 году были у задонцев и иные, вполне бытовые, поводы посудачить. Четыре пожара (два — зимой, и два — осенью) унесли недвижимости на 1060 рублей.

Формулировки причин пожара несколько отличались от современных. Но, не принципиально. Тогдашние пожарники сводили все к «дурному устройству печей» и «неосторожности». Хотя, конечно, в масштабах разросшегося города эти четыре пожара выделялись разве что на фоне предыдущих, практически беспожарных лет.

Город, за двадцатилетие, минувшее с холерно-голодного начала 1890-х, не только разросся вширь, до границ привычных нынешним старожилам, но и почти восстановил численность населения. В 1905-м население Задонска насчитывало 7421 жителя.

Спустя 3 года году здесь насчитывалось уже 8080 жителей, большинство которых (4277) относились к прекраснейшей половине человечества. По вероисповеданию были задонцы традиционно православными. Хотя, как и в годы предыдущие, около 2-х десятков иудеев, обслуживавших медико-фармацевтические потребности города и уезда, единицы католиков, лютеран и «магометан» здесь тоже проживали.

И текла жизнь их под крышами 1083 «жилых зданий», из которых в 1905 году черепицей крыты были 62%, железом — 25% и сломой — 13%. А выйдя на улицу, население оказывалось на тротуарах, которые «не мощены». Зато улицы мощены были на протяжении 4 с половиной верст и это выручало тех, кто там жил, в непогоде и распутицу.

Лишь 36 человек из 8 тысяч задонцев формально могли считаться наемными промышленными рабочими. Трудились они на 13 предприятиях, производивших в 1908 году валовой продукт на сумму 20980 рублей. Это были не только традиционные кирпично-кафельные производства, но и паровая мукомольная мельница, а также 1 салотопенный, 1 мыловаренный, 1 воскобойный заводики.

Неплохо себя чувствовали было захиревшие в начале нового века старинные задонские ярмарки.

Начиная с 1905 года, стабильно торгуют по 4 ярмарки ежегодно. Причем, к 1910 году объем привозимых для реализации товаров достиг 150 тысяч рублей в денежном исчислении. И почти половина привезенного раскупалась.

Помимо ярмарок, с 1909 года в расписании общественно значимых мероприятий Задонска появляется такая новинка как исторический юбилей. Появляется, видимо, как и по всей России, с тем, чтобы воспоминаниями о славных страницах давно прошедшего отвлечь имперское народонаселение от обсуждения и анализа пережитого в совсем недавние годы революционной смуты.

Год 1909 стал годом 200-летия победы над шведами под Полтавой. По такому случаю Задонской городской Думой принято было решение в полном составе присутствовать 27 июля — в день праздника — на торжественном богослужении в городском Успенском соборе. В знаменательный день город патриотично расцвелился фла-

гами, вывешенными как на зданиях казенных — стараниями властей, так и на частных особняках — радением благонамеренных горожан. На время службы, до 12 дня, всякая торговля в городской черте была не то что запрещена, но не рекомендовалась.

По окончании молебствия в зале Думы состоялся званый обед, перед которым был сделан исторический доклад о значении Полтавской победы для придания предстоящему вкушению яств должной значимости.

Для бедных учеников городского училища были учреждены две «полтавские» стипендии. Было принято городской Думой и еще одно решение — улицу Средне-Мещанскую (ныне Комсомольская) переименовать в Петровскую, тем более, что повергший шведов под Полтавой царь, вроде как проезжал по тем местам, где позднее устроились Задонские улицы. Но с переименованием что-то не заладилось. И в послереволюционном списке, составленном С. Г. Заворыкиным, так и фигурируют три Мещанские улицы — Большая (Урицкого), Средняя и Малая (Семашко). А вот улицы Петровской нет. И это, пожалуй, повод для сожаления — ведь такое название улицы было бы Задонску куда более к лицу, чем уж совсем сегодня маловразумительные фамилии немецких социалистов, обозначающие две весьма значительных городских улицы.

С наступлением года 1910 начался отсчет последних лет жизни Задонска при «старом режиме». А жители города, отметив очередное Новолетие, вовсе и не представляли крутого исторического поворота, ждавшего их впереди, радуясь, в большинстве своем, тому, что было для них днем сегодняшним.

Ведь последние эти годы существования уездного Задонска, пожалуй, самые благополучные в трехсотлетней дореволюционной истории населенного пункта, возникшего в свое время при впадении в Дон тогда еще заметной лесной речушки Тешевки.

Продолжала развиваться местная «фабрично—заводская» промышленность, оставаясь, конечно, полукустарной, но увеличивая объемы производства. В 1910 году на территории уездного центра вновь были зарегистрированы 13 «промышленных заведений». Общая численность трудовых их коллективов составляла 37 человек, производивших в общей сложности товарной продукции уже на 23820 рублей. Торговали все 4 местные ярмарки. На Владимирские, приуроченные к празднованиям, связанным с чудотворениями Владимирской иконы Божией матери, торговля велась скотом и «разным товаром». На Тихоновской, проводившейся в день памяти св. Тихо-

на Задонского, торг был менее шумным — здесь торговали только «разным товаром». В 1910 году привоз/продажа задонских ярмарочных торгов составили, соответственно, 149930/70000 рублей. На следующий год объем товарооборота на ярмарках заметно вырос. В 1911 году привезено было в Задонск на продажу товаров на 171 тысячу 900 рублей, а продано на 92 с половиной тысячи.

Тенденция роста ярмарочного товарооборота сохранялась и в годы последующие. Одновременно наблюдается нарастание объема реализованной продукции по отношению к выставленной на торги. Если раньше продавалось около половины привезенных товаров, то позднее — до 60 процентов.

Об относительном благополучии населенного пункта в эти годы говорит и стабильный ежегодный прирост населения. Лишь 1913 год стал исключением — зафиксирована убыль в 1 человека. А так — ежегодный прирост от 50 до 60 человек. Причем, не столько за счет миграции, сколько за счет естественного прироста — превышения уровня рождаемости над смертностью. Так что детей на улицах Задонска хватало.

Дети — цветы жизни, а потому уход за ними нужен постоянный. И с 1911 года в Задонске начинают организованно заботиться о досуге подрастающем поколении. В частности, помогая ребятишкам с большей пользой провести летние каникулы. Для чего, на средства благотворительницы — М. А. Богушевской, организуется «бесплатная детская площадка». Сюда собирается ежедневно более сотни детей. Разделенная на три группы: до 6 лет, от 6 до 9 и от 10 до 13, ребятня, под руководством наставниц с педагогическим образованием, с 5 до 8 вечера занимается играми, рукоделием, слушает сказки, грамотные — читают сами. *«Интерес детей к чтению был очень велик, иногда число желающих получить книги доходило человек до 80 в вечер и не менее 50 чел. каждый раз»*, — сказано в отчете за 1915 год.

К этому времени летняя детская площадка была уже признанной официально и пользовалась ежегодной субсидией Министерства народного просвещения.

М. А. Богушевская была и организатором детского сада-школы «для детей улицы». Как и с детской площадкой Марию Александровну активно поддержал С. Н. Введенский, служивший в то время инспектором народных училищ Задонского уезда.

В сад-школу в 1913 году набрали 30 мальчиков и девочек *«которые осенью, по своим годам, должны были поступать в начальную школу»*. Были они из самых бедных семей Задонска *«ютящихся большей*

частью в логоу на краю города, в ветхих лачугах». Так что к началу занятий собралась «толпа малышей», не имевшая никакого понятия о дисциплине и проявлявшая «вначале все привычки детей улицы».

В школе Богушевской, расположившейся в специально нанятом уединенном доме с большим садом *«им было хорошо, с ними занимались, всему учили, позволяли свободно бегать и играть и обращались с ними с той ласковой добротой, какой, быть может, многие из них никогда не видели дома».* Большое внимание уделялось приучению детей к чистоте и аккуратности, *«о чем большинство из них вначале не имело никакого понятия».* И усилия воспитателей не пропали даром: *«к концу лета в ребятишках была заметная перемена к лучшему».* Расставаясь, дети жалели, что *«школа кончилась»*, *«некоторые даже плакали».* *«Осенью почти все поступили в начальную школу».* Все расходы на эту затею, составившие в 1913 году 458 рублей 59 копеек, *«М. А. Богушевская приняла на свой счет».*

А для получения общего образования к услугам подраставшей части местного населения в 1910-е годы имелись все те же учебные заведения, что и в годы предыдущие. Впрочем, это, если оценивать их количественно. В том же, что касается качества преподавания, два основных светских учебных заведения города после 1910 года поднялись на ступень выше.

Женская прогимназия, насчитывавшая шесть классов, в 1912 году стала гимназией. Семиклассной. И справила по этому поводу новоселье, разместившись в свежестроенном здании, занимаемом ныне городской средней школой № 2. Прежнее же место обитания женской гимназии было отдано для размещения двух городских приходских школ.

А вот городскому училищу повезло не так. С повышением статуса все решилось относительно быстро. Этим вопросом начали заниматься еще в 1909 году. 13 июля 1909 года Попечитель Харьковского Учебного Округа сообщал Директору народных училищ Воронежской губернии: *«За Министра Народного Просвещения, г. Товарищ Министра, действительный статский советник Георгиевский предложением от 23 истекшего июня, за N14662, уведомил меня, что он разрешает преобразовать с 1 июля сего года трехклассные училища Задонское, Землянское, Нижнедевицкое и Новохоперское в четырехклассный состав, с отпуском из казны по 925 рублей в год на содержание четвертого класса каждого из названных училищ».*

С 1 июля 1912 года Задонское городское четырехклассное училище преобразовано было в высшее начальное училище. Под такое

событие отцы города выделили средства на строительство нового здания, так как старое, «викулинское» уже много лет как регулярно признавалось «ветхим» и не отвечающим задачам образовательного процесса. В 1913 году, судя по отчетам, строительство здания, «*взамен неудобного и пришедшего в ветхость*» велось полным ходом.

Но новоселье, в отличие от гимназисток, задонским «внукам» (так дразнили до революции учащихся высших начальных училищ за буквы ВНУ на пряжках форменных ремней) справиться не удалось. Ребята и их начальники вынуждены были оказаться джентльменами и уступить так и необжитое здание, завершённое в 1914 году, представительницам прекрасного пола — все тем же гимназисткам.

В отчете о состоянии Задонского высшего начального училища за 1915 год сказано: «*Выстроено новое училищное здание, временно занятое женской гимназией, по причине квартирования в здании гимназии лазарета раненых. Высшее начальное училище помещается в старом здании, на ремонт которого израсходовано 50 рублей*». Здание училища, согласно отчету, отапливалось дровяными печами-голландками, освещалось керосином. Фасадом обращено было «*на Дворянскую улицу, оживляемую проездами в ярмарочные базарные дни*».

Изменения произошли и в уездном духовном училище. Правда, поменялось лишь его название. С 1911 года стало учебное заведение именоваться Тихоновским духовным училищем, в память о святителе Тихоне Задонском, полувековой юбилей открытия мощей которого был торжественно отмечен в Воронежской губернии. Тут надо заметить, что ознаменование полувекового юбилея прославления св. Тихона торжествами в Задонске было не первым после открытия мощей празднеством, связанным с именем этого почитаемого на Руси святого. Так, летом 1883 года по инициативе обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева в общероссийском масштабе отмечено было 100-летие со дня окончания земной жизни св. Тихона.

А с инициативой устройства торжеств по случаю 50-летия открытия мощей св. Тихона выступил Воронежский церковный историко-археологический комитет, посвятивший подготовке весь 1910-й год. И 17 декабря уже в Задонске проведено было «частное совещание по вопросу о порядке празднования пятидесятилетия со дня открытия мощей святителя Тихона». В документе по итогам этого собрания, в котором участвовало высшее задонское духовенство и С. Н. Введенский, как представитель Воронежского комитета, особо была отмечена желательность воспроизведения «*насколько возможно, того торжества, какое происходило при открытии мощей св. Ти-*

хона в 1861 году». На практике, конечно, торжества оказались по-
кромнее. Тем не менее проведено было празднование, состоявшее-
ся в день памяти святителя — 13 августа 1911 года, с вполне при-
личным для губернии размахом. В пышных крестных ходах от храмов
Задонска в этот день участвовали члены обществ хоругвеносцев из
Воронежа и Ельца. Официальная светская часть проходила в акто-
вом зале здания прогимназии.

Недовольной праздником осталась только санитарная служба в
лице врача В. И. Скрябина, опубликовавшего отчет о событии во
«Врачебно-санитарной хронике» за 1912 год. Из-за отсутствия в го-
роде надлежащим образом организованных отхожих мест общего
пользования *«воздух был насыщен ужасным запахом человеческих из-
вержений, не было возможности дышать полной грудью»*.

Да и вообще, судя по отчетам, отношения санитарной службы с
Богородицким монастырем, «производившим» массу кухонных, в
частности, отходов не складывались. Тем более, что служки обите-
ли имели привычку вываливать все «по руслу речки Тешевки», ле-
няясь, видимо добираться до специально отведенного места *«около
лога, на котором имеется столб с надписью: место для свалки нечист-
тот»*, на что городская управа и указала как-то обители специаль-
ным отношением за № 1137.

Впрочем, были у Задонской городской управы и другие заботы,
поважней санитарных. И обошлись они городу в 1911 году в 87 ты-
сяч 742 рубля. Содержание собственно городского самоуправления
стоило 7954 рубля. Более всего потрачено было денег на нужды на-
родного образования — 37274 рубля. Полиция и пожарные обошлись
городской казне в тот год, соответственно, в 4900 и 3700 рублей. На
поддержание казенных зданий в должном порядке потрачено было
4000.

А 1820 рублей израсходовано было на освещение городских улиц,
производилось которое с помощью керосиновых фонарей. Этих ос-
ветительных приборов в Задонске насчитывалось более 100.

Летом 1912 года исполнилось 100 лет с начала Отечественной
войны 1812 года. По такому случаю Задонская городская управа ре-
шила отправить соответствующее торжественное богослужение. Вы-
писаны были за счет управы юбилейные брошюры для раздачи на
память ученикам приходских училищ (нынешние 1—4 классы). На
приобретение брошюр, после долгих дискуссий, выделили *«потреб-
ную сумму»*, но не более 15 рублей. Интересы городской казны тог-
дашние управители блюсти умели. А тут еще предстояли расходы на

иллюминацию здания городской управы и прочее украшение. Да еще 100 рублей было выделено на устройство праздника в низших школах.

И вот настал день 25 августа.

Ознаменовался он заупокойной литургией по павшим на полях сражений Отечественной войны 1812 года, состоявшейся при большом стечении жителей Задонска всех чинов и достоинств. После же богослужения, по инициативе местного священника отца Николая Кузьмина, была совершена торжественная панихида на могиле участника Отечественной войны Н. Н. Муравьева-Карского. Отцом Николаем *«была сказана приличная случаю речь»*.

А затем последовало народное гулянье в городском саду с музыкой и песнями. «Звездами» культурной программы праздника были участники народного хора из села Черниговка, выступившие в великолепных национальных русских костюмах.

Но наибольшим размахом отличалось празднование 300—летия дома Романовых — трехвековой юбилей восшествия на российский престол первого царя из романовской династии — Михаила Федоровича.

Еще в 1910 году Задонское земское собрание ассигновало 100 рублей на строительство юбилейного храма в Санкт-Петербурге. Уже на исходе 1910 года, когда встал вопрос о «добровольном» финансировании сооружения еще одной юбилейной постройки — памятника в Костроме, пришлось собирать чрезвычайную сессию. Она приняла решение выделить на памятник 200 рублей. И, наконец, сессия 1912 года озадачилась празднованием собственно в Задонске. Для чего и отпустила еще 200 рублей. Потратить их должно было на собственно праздничные мероприятия, а также на приобретение брошюр «Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича» и «История России под скипетром Романовых». Юбилейные издания предназначались для учеников, оканчивавших в юбилейном 1913 году земские школы.

Не отстала от земства и городская Дума. На заседании 13 декабря 1912 года гласные Задонской городской Думы, посчитав и обдумав, приняли решение из семи пунктов.

Первым предусмотрено было присутствие всей Думы на торжественном молебствии в городском Успенском соборе в день юбилея. Вторым — приобрести брошюру «История России под скипетром Романовых» для раздачи учащимся старших классов городских приходских училищ. А для выпускников приобретены были похвальные

листы и свидетельства, отпечатанные на специальных юбилейных бланках. В-третьих, решено было обратиться ко всем жителям Задонска с просьбой украсить в день юбилея свои дома флагами и, по возможности, иллиминировать их. Четвертый пункт предусматривал учредить в планируемой к открытию мужской прогимназии стипендию «имени Дома Романовых». Пятый — устроить в день юбилея в помещениях городских приходских училищ *«торжественный акт»*. А вот пункт шестой был о выделении 75 рублей на приобретение «фонаря» для показа световых картин и самих картин (понятное дело, юбилейного содержания). Сделать это планировалось для организации народных чтений в период подготовки к юбилею (выражаясь языком современным — для обеспечения лекционно-пропагандистской работы). Если пункт этот удалось осуществить, то, скорее всего, народные чтения со «световым фонарем» и познакомили впервые большинство простых задонцев с искусством кино.

Согласно последнему пункту данного постановления ассигновано было 20 рублей на приобретение для приходских училищ двух икон с надписью «В память о 300—летию дома Романовых».

Непосредственно же устройством праздника занималось уездное земство и комитет попечительства о народной трезвости. Видимо, в целях обеспечения этой самой народной трезвости, в зал земства, где и происходили юбилейные торжества, пускали только «избранную публику», хотя вход был бесплатным. А в зале, помимо накрытых столов, избранную публику ждал непременно, судя по всему, атрибут подобных задонских праздников — хор села Черниговка. Кроме того, *«читаны были стихи»*...

Под звуки автомобильного клаксона

В последние годы дореволюционной истории Задонска к традиционным его звукам, самыми громкими из которых были колокольные звоны, прибавилось наконец и довольно неблагозвучное чихание бензинового автомотора.

Николай Задонский с улыбкой вспоминал в середине 60-х, *«как полвека назад на улицах нашего города появился первый автомобиль. Он принадлежал предводителю дворянства А. А. Савельеву. Открытый, на высоких колесах, какой-то старомодной заграничной конструкции, экипаж этот, прозванный кем-то драндулетом, производил не-*

изглядимое впечатление на ребячью команду, да, кажется и на взрослых. Когда начинали заводить драндулет, перед домом предводителя дворянства собиралась толпа. Завод продолжался чуть ли не полчаса. Мотор кряхтел, тарахтел, рычал, сотрясая машину и окутывая ее густыми клубами отработанного газа. Наконец тарахтенье несколько затихало, господа садились в машину — предводитель с женой и две девочки с гувернанткой. Потом автомобиль выкатывался на дорогу, а мы, ребята, сломя голову бежали вниз, под гору (там дорога проходила через пески), где нас ожидало еще более любопытное зрелище. Драндулет имел обыкновение застревать в песках. Если даже ему удавалось иногда при спуске с горы взять препятствие, то все равно беда приключалась на обратном пути. Машина отчаянно буксовала, мотор ревел, усилия шофера оставались тщетными. Тогда приглашали на помощь парикмахера Николая Михайловича, бывшего одновременно механиком-любителем — единственным в городе человеком, разбиравшимся кое-как в автомашинах».

Так оно бывало или нет, нам теперь не узнать. Других свидетельств о том, с чего начиналось частное автомобилевладение в Задонске, не имеется. Да и ладно. Пусть и плоховат был первый автомобиль, зато его владелец был хоть куда — самый видный барин округи. Короче, нынешним задонским автолюбителям есть чем гордиться, оглядываясь в прошлое.

Прочие же отрасли и стороны малосклонного к переменам провинциального задонского быта внедрения принципиальных новшеств, принесенных веком двадцатым, так и не успели толком испытать. Хотя и особого неблагополучия не испытывали. Напротив. К 1914 году в Задонске работало уже 15 промышленных предприятий. В их числе были две мельницы — паровая и ветро-водяная, 4 кирпичных заводика, 3 — черепичных, 2 — кафельных, 1 — известковый, 1 — салотопенный, 1 — мыловаренный и 1 — воскобойный. Последний, судя по некоторым данным, принадлежал Богородицкому монастырю.

Численность наемных рабочих достигла 66 человек.

Общее же население уездного центра, по данным 1914 года, составляло 8788 человек. Подавляющее большинство (4090 мужчин и 4654 женщины) в вероисповедании придерживалось традиционно для данной местности православия. Лишь 39 евреев (17 мужчин и 22 женщины) блюди «завет Моисея», оставаясь иудеями. Кроме того, числилось в Задонске пятеро католиков, из числа так и не ассимилированных польских ссыльных.

За год сыграли 19 свадеб. В новых и старых семьях родилось 235 младенцев обоего пола. Вполне понятно, перспективы у них были весьма неравные. Особенно у отдельных. Ведь 9 детей были незаконнорожденными, то есть рожденными вне брака, а троих и вообще неизвестные родители подкинули на милость добрых людей. Впрочем, статистика не интересуется отдельными судьбами. А в общую судьбу своего родного города все они — и законно, и незаконнорожденные — внесли свой положительный вклад, увеличив население на 69 учетных единиц. Особенно приятно этот прирост выглядит на фоне предыдущего, 1913 года, когда в демографической ситуации было наметилась неблагоприятная тенденция — была зарегистрирована убыль в 1 (!) человека.

В четырнадцатом же году умерло 166 человек. Причем, мужчин смерть забирала охотнее, чем женщин. Счет, соответственно, составил 88 против 78. Большинство окончили свои дни тихо. Лишь четверо представителей сильного пола стали жертвами обстоятельств: один замерз, один перепил и двое утонули.

Особых неприятностей со стороны стихий в 1914 году Задонску также испытать не довелось. И пожары не сильно досаждали. В течение года горело в Задонске четырежды. И имущества огнем повреждено было на сумму 1950 рублей.

Год как год. Если не считать того, что осень 1914-го была уже для всех россиян осенью военной. Таковой стала она и для и жителей глубоко тылового Задонска. Хотя тогда они этого и не понимали...

Ведь в первые месяцы в стране царил шапкозакидательское настроение. И лишь когда все более частыми и привычными стали мобилизационные повестки и похоронки с фронта, россияне поняли, что эта война будет куда похуже прежних.

Повседневная жизнь даже тылового Задонска наполнилась приметами военного времени. Как уже говорилось выше, женская гимназия вынуждена была уступить свое здание под лазарет для раненных. Думается, Задонск — город зеленый, тихий и богомольный — для размещения столь крупного госпиталя избрали не случайно.

Природные условия округа давали великолепные возможности для реабилитации пострадавших на фронте за веру, царя и Отечество. Вот только местная земская больница тогда насчитывала всего 36 коек, а потому на ее базе создание госпиталя возможным не представлялось.

Кроме того в городе действовали специальные учреждения, созданные по случаю войны и призванные позаботиться о семьях сол-

дат. Это были Уездное попечительство по призрению семейств, призванных по мобилизации, а также созданная при городской управе Задонская исполнительная комиссия по обследованию семейного и материального положения мобилизованных.

А в 1916 году на территорию Задонска вступили вражеские войска. Правда, плененные и разоруженные. Здесь был организован весьма, впрочем, гуманный по режиму лагерь военнопленных. По воспоминаниям краеведа С. Г. Заворыкина, для этих целей у Тюнинского монастыря государством была позаимствована гостиница, состоявшая из трех двухэтажных домов.

Частное послание сохранило свидетельство о численности военнопленных в Задонском лагере. *«В настоящее время в Задонске 140 человек пленных австрияков»* — сообщает старинная открытка.

В остальном война и связанное с ней общее ухудшение экономической ситуации в стране не слишком явно сказались на жизни Задонска.

К 1915 году число зарегистрированных в Задонске промышленных заведений сократилось с 15 до 14 — за счет закрытия водяной мельницы. Соответственно, и пролетариата стало меньше — возможная опора грядущей революции насчитывала в 1915 году 46 человек. А вот благоприятные тенденции в развитии местной ярмарочной торговли сохранялись и привели к тому, что в 1916 году ярмарок насчитывалось уже 5. Привоз составил 233300, а продажа — 146300 рублей. Конечно, надо учитывать и обострение инфляционных процессов в воюющей стране. Но, как говорится, тем не менее...

В общем, не столь плохо жил Задонск, чтобы обрадоваться социальному перевороту 1917 года. Но принимать его, вместе с последствиями, пришлось и задонцам.

ПОД ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

После февраля 1917-го

Для Задонска, как, впрочем, и для большей части России, год 1917 лишь формально-исторически оказался последним годом дореволюционной, «старорежимной» жизни. Хотя, конечно, внешние признаки перемен обозначились сразу после Февральской революции, поставившей точку в истории Российской Империи.

6 марта 1917 года председатель Воронежской губернской земской управы В. Н. Томановский (кстати, крупный помещик Задонского уезда), назначенный комиссаром Временного правительства, принял дела от губернатора Ершова. Как и в губернии, в уездах, комиссарами Временного правительства были утверждены председатели соответствующих земских управ.

Как и повсеместно, в Задонске была разоружена и расформирована полиция, место которой заняла милиция. Уездным комиссаром Временного правительства стал эсер Данков. Был сформирован уездный исполнительный комитет. Эти властные структуры просуществовали до конца января 1918 года. А так как представляли они интересы прежде всего буржуазии и среднего класса, то и особых перемен, кроме смены вывесок, не произошло. Разве что молодежь почувствовала себя вольнее. До такой степени, что затеяла издание собственной аполитичной и слегка хулиганистой газетенки «Вечер». Официально «Вечер» именовался так: «свободная литературно-прогрессивно-беспартийно-общественно-танцевальная газета», издававшаяся местной «золотой» молодежью на базе минитипографии школы ремесленных учеников. Точно увидели свет два выпуска этой шутильной пародии на «взрослую» печать. Причем, в виде фотокопий частично сохранился второй номер. Благодарить за это следует

«группу товарищей», собиравших в свое время компромат на знаменитого земляка — писателя Николая Задонского, дабы разоблачить его мелкобуржуазную сущность. Их усилиями и дожили до потомков фрагменты истертых листков, к созданию которых приложил руку и заводила компании «Вечера» — юный Коля Коптев — сын городского головы (впоследствии ставший бойким комсомольцем и писателем с псевдонимом «Задонский»).

Так вот, на страницах этого весьма милого издания, помимо всяческих приколов, призванных шокировать задонское мещанство, а также литературных упражнений «журналистов», публиковались и подборки пародийных «телеграмм» собственного сочинения типа: *«МОСКВА. Москва звонит в колокола. Самый большой колокол — Царь-колокол, что всем известно. ГЕРМАНИЯ. А вот здесь самый большой подлец Ленин — тоже всем известно»*.

Впрочем, было ясно, что это веселое безвременье надолго не затянется. Чуть ли не через день до горожан доходили слухи о беспорядках в селах уезда. Немало пересудов вызвал и приезд в Задонск видного по тем временам большевика ленинского толка Т. И. Попова. В июле 1917 умер отец Тихона Ивановича, бывший настоятель городского Успенского собора, которого сын-коммунист горячо любил, несмотря на разницу во взглядах на решение проблем мирских. И приехал отдать дань памяти усопшему родителю. Встречаясь и беседуя с земляками, Тихон Иванович вполне понятно, давал оценку событиям с партийной точки зрения. Впрочем, специальной политической подоплеки этот визит не носил, а потому все и ограничилось частными разговорами. *«Похоронив отца, Попов уехал из Задонска»*, — так мирно заканчивается рассказ об этом эпизоде у Николая Задонского.

А вот как про то же самое повествуют в своих краеведческих заметках о становлении Советской власти С. Г. Заворыкин и В. Г. Абанин: *«Важным событием в жизни уезда в это время был приезд представителя ЦК РСДРП(б) тов. Попова Т. И., который выступил на многолюдном собрании в г. Задонске и разъяснил Апрельские тезисы В. И. Ленина и решения VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б). Местная буржуазия пыталась схватить Т. И. Попова, но бедняки не дали и помогли ему благополучно выехать из Задонска»*.

Наглядный пример того, как видели события прошлого те, кто взирал на них с позиций марксистско-ленинской методологии сталинской выплавки. А ведь заметки Заворыкина, бывшего свидетелем и участником многого из того, что происходило в годы соци-

ального переворота, и его помощника — историка Абанина, опубликованные в «Донской правде» за 1967 год, до недавнего времени были единственным подробным, а главное — доступным источником по истории тех «смутных» революционных лет. И именно отсюда до сих пор приходится черпать сведения, стараясь отцедить чистую воду реальных событий от мути оценок и политического приукрашивания.

На фоне учащающихся выступлений в селах, 16 июня 1917 года в Задонске состоялся уездный крестьянский съезд. В составе его делегатов была далеко не деревенская гольтьба. А потому решение приняли осторожное — землю если и отдавать, то только за справедливый выкуп, а, вообще, лучше подождать по этому поводу решения Учредительного собрания. Но окрестная беднота ждать не хотела.

К ноябрю 1917 года в Задонском уезде было зарегистрировано 71 крестьянское выступление. Не в силах справиться с волнениями в уезде, Задонский комиссар Временного правительства обратился к губернскому руководству с просьбой прислать к 28 октября грузовой автомобиль и человек 20 солдат, вооруженных пулеметами. Доехали солдаты до Задонска или нет, точно не известно, но к назначенной дате Данкову и его окружению было явно не до них.

26 октября 1917 года телеграф оповестил задонцев о том, что *«государственная власть перешла в руки... Военно-Революционного комитета»*. А спустя всего пару дней, 28 числа, новая депеша проинформировала о том, что в Петрограде состоялся второй всероссийский съезд Советов, сформировавший Совет Народных Комиссаров во главе с тем самым Лениным, который еще вчера был объектом мещанского зубоскальства.

Шапок по такому случаю в Задонске вверх не кидали и «ура» не кричали. Не тот был город. Новая власть, сразу обозначившая себя как «рабоче-крестьянская», в таком прямолинейно-классовом раскладе не отвечала интересам большинства жителей «Русского Иерусалима». Но и особого неприятия не вызывала. Разве что еще действовавшие в Задонске органы Временного правительства оказались не рады произошедшей перемене.

Как сообщают в своих заметках краеведы С. Г. Заворыкин и В. Г. Абанин: *«Уездный комиссар Данков и чиновники продовольственной управы открыто саботировали указания Воронежского губернского исполнительного комитета Совета об отправке хлеба в Москву и Петроград. Они сконцентрировали хлеб у купцов города Задонска, потворствовали спекуляции хлебом. Уездный земельный комитет во главе с*

правым эсером И. А. Ворониным отказывался проводить в жизнь ленинский декрет о земле».

И далее складывается весьма пикантная политическая ситуация, наглядно иллюстрирующая тезис о том, что в дни революции власть часто просто валялась на улице и оставалось лишь подобрать ее. Задонск в течение нескольких месяцев оказывается островком, сохраняющим режим Временного правительства в окружении все множащихся Советов. И с таким положением, хоть и вызывавшим неудовольствие уже большевистских губернских властей, в явной форме никто не пытался бороться. То ли побаивались активного сопротивления сосредоточенных в Задонске воинских частей, то ли, и это скорее, непромышленный примонастырский городок оказался не очень-то и нужен новой власти.

Тем временем в окрестные села, и без того беспокойные, возвращались обобшевиченные солдатики с фронтов первой мировой. Они и стали той движущей силой, которая, будучи направляема из Воронежского губернского комитета РСДРП(б), повела за собой беднейшее крестьянство на установление Советской власти в уездном центре.

Движение началось из Хлевно. 2 декабря 1917 года здесь прошло уездное совещание большевиков и сочувствующих, принявшее недвусмысленную резолюцию, в которой первым стоял такой пункт: *«Предложить городским учреждениям города Задонска созвать крестьянский съезд и организовать Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».* Задонск предложение большевиков и сочувствующих проигнорировал. Местные власти, в распоряжении которых находилась милиция, 10 писарей из воинского присутствия во главе с полковником Каплинским и запасной кавалерийский эскадрон, были уверены в своих силах. Как оказалось, зря.

В самом Задонске, действительно, сочувствующих новой власти можно было пересчитать по пальцам, а все деревенские комитеты и ячейки, пугавшие уездную власть разного рода заявлениями, дальше собственной околицы не высывались. Пока не получили неожиданную поддержку из соседнего Ельца.

При поддержке товарища Клявина

Ход событий, связанных с непосредственным установлением Советской власти в Задонске, не вполне ясен. Не известны документальные подтверждения произошедшего, а потому — слово С. Г. За-

ворыкину и В. Г. Абанину: «В Задонский уезд из Ельца прибыл красногвардейский отряд под командой тов. Клявина. Отряд был послан, чтобы отобрать скот, угнанный задонскими шибаями из Елецкого уезда. Шибай оказали сопротивление и ранили командира тов. Клявина. Отряд разгромил группу задонских шибаяев, отобрал у них большое стадо скота и передал его рабочим Ельца. Представители Александровского и Хлевиенского волостных Советов связались с товарищем Клявиным и с помощью его отряда, при участии революционно настроенных солдат конвойной части города Задонска, 24 января 1918 года образовали временный исполнительный комитет Задонского уездного Совета по созыву съезда представителей от волостей». Съезд начался 3 (16 — по новому стилю) февраля и был довольно бурным. Но в итоге победу на съезде одержали большевики из числа которых, в основном, и были сформированы органы власти в лице Президиума уездного Совета и Исполнительного Комитета.

Новая власть создала красногвардейский отряд, разоружила кавалерийский эскадрон и милицию, арестовала уездного комиссара Данкова и начальника милиции Поташева. Вот что вспоминал об этих событиях Ф. Ф. Пичугин: «Мне приходилось проводить работу среди солдат запасного кавэскадрона, который был расквартирован в помещениях монастыря. Среди кавалеристов появились демобилизационные настроения, благодаря чему мне довольно легко удалось создать среди них инициативную группу, проводившую работу среди товарищей. В дальнейшем, воспользовавшись отлучкой командования эскадрона, было проведено общее собрание кавалеристов, на котором мною был сделан доклад о земле и мире. Здесь же мне была оказана помощь в приобретении десяти винтовок с патронами для создания отряда из числа рабочих и военнопленных».

Упоминание военнопленных не случайно. Как уже говорилось, в городе, среди почти девяти тысяч жителей, сочувствовавшие большевикам были на перечет. Большинство среди тех, кто с радостью встретил и Октябрьскую революцию, и новую власть, ее олицетворяющую, — 15 человек — были военнопленными из лагеря, что размещался в гостинице Тюнинского женского монастыря. Чехи и австрийцы по национальности, после объявления декрета о мире, они не без основания рассчитывали на возвращение домой из нетяжкого, но все же плена...

Таким образом, даже из насквозь прокоммунистических краеведческих заметок, подготовленных к полувековому юбилею Великого Октября, становится ясно — Задонск и его жители не прини-

мали Советскую власть. Она пришла сама, а вернее ее принес из Ельца на штыках отряд «товарища Клявина», случайно забредший в наши края, гоняясь за бандитами-скотокрадами. И лицо у этой новой власти было не задонское — ее олицетворением стала окрестная деревенская голытьба в компании с занесенными ветром войны «австрияками», как называли, не разбирая национальной принадлежности, всех пленных в народе.

Не случайно, несколько месяцев спустя, председатель Воронежского губернского комитета РКП(б) Н. И. Кардашев в отчете о проведенной ревизии Задонской организации РКП(б) вынужден был отметить, что: *«почти все члены организации приезжие из волостей и других городов; организация не пустила корней в среду городского населения»*.

Формальное установление Советской власти в Задонске не стало финалом его дореволюционной истории.

События, в результате которых власть в уездном центре оказалась в руках группы революционно настроенных чужаков из окрестных деревень и сел, не вызвали перелома в сознании торгово-ремесленных обывателей, собственно и населявших Задонск, так как прошли довольно мирно, а потому малозаметно для большинства. Ведь социальные группы, которыми были представлены задонцы, здесь, как и по всей России, сторонились активного участия в затеянном переделе власти. Не относясь ни к правящим, ни к угнетенным, они, в принципе, не были заинтересованы в каких-либо серьезных социальных подвижках, привыкнув быть лояльными к власти предрежащим и не особо вдаваясь в подробности происхождения, а тем более классовой сущности этой самой власти. Потребовался ряд кровавых и богохульных событий, для того, чтобы и в Задонске горожане осознали наконец, что для них началась совсем иная история. История города без монастыря его породившего и без того жизненного уклада, который этим обстоятельством был сформирован.

Уже в течение первых месяцев своего существования Советская власть в Задонске приняла ряд мер, призванных проиллюстрировать народу установление нового порядка.

31 марта в Задонске создан был Совет народных комиссаров, *«объявивший себя высшей властью в уезде»*. 7 апреля 1918 года привычный до того «Задонский листок», частную газету, издававшуюся с 1901 года, сменил орган Задонского Совета рабочих и крестьянских депутатов — «Советская газета» ставшая рупором сначала Совета, а потом — и местной большевистской организации, сфор-

мированной в ячейку 12 июля 1918 года. И уже на следующий день — 13 июля 1918 года, фракция большевиков в Совете ультимативно предложила своим недавним союзников — левым эсерам — «добровольно» сдать дела и оружие. Эсеры оказались не настолько сильны, чтобы отказаться от столь настойчивого предложения.

28 июля «Советская газета» опубликовала постановление об отстранении от должностей военных комиссаров Золотарева «большевика» и Пикалова «левого эсера». Обвинялись они не больше не меньше, как в попытке установить военную диктатуру. А выразилось это в том, что обвиненный в пособничестве левым эсерам (в лице напарника Пикалова) Золотарев *«навел пулемет на пленарное заседание»*. Когда же обоих военкомов все-таки решили отстранить от должности, вместе с Пикаловым Золотарев попытался поднять гарнизон, приказав солдатам окружить здание уездного исполкома. Солдаты отказались выполнить приказ и «путчисты» бежали. Правда, в тот же день были пойманы и препровождены в Задонскую тюрьму. Дело их рассматривал уполномоченный Воронежской ЧК Д. Белорусец и признал действия военкомов контрреволюционными. Дальнейшая судьба Пикалова неизвестна, а вот И. И. Золотарев отправился смывать вину кровью в рядах Красной Армии. И ему это удалось. В 1954 Иосиф Исидорович завершил свою трудовую биографию, получив персональную пенсию.

12 августа 1918 организационно оформившиеся задонские большевики и вовсе перестали прикрываться фиговым листком Советов. «Советская газета» превратилась в партийный орган свежесозданной Задонской уездной организации РКП(б).

Одним из первых деяний обновленной, теперь уже однопартийной местной власти стала национализация всех домов в Задонске. Дома поплотше, с доходностью до 100 рублей, были оставлены в распоряжении владельцев при условии обязательного их ремонта за свой счет. Дома с более высокой доходностью поступали в полное распоряжение Совета, результатом чего стало обычное для того времени превращение благоустроенных особняков в многоквартирные трущобы из-за недостатка средств на действительную их реконструкцию. В числе прочих национализированы были здания Задонского Богородицкого первоклассного мужского монастыря.

Монахов еще не выгоняли из келий, но уже изрядно потеснили. Некоторые здания были изъяты для нужд города. В частности, из предвыборной листовки, выпущенной в связи с выборами депутатов горсовета Задонска и извещающей о расположении избиратель-

ных участков, явствует, что бывшая монастырская трапезная превращена новой властью в общегородскую столовую.

Национализация домов, а также некоторые другие конфискационно-разверсточные шаги Советов привели к тому, что прежде спокойные задонцы заволновались. Подогрел недовольство и начавшийся призыв в Красную Армию бывших унтер-офицеров. Тогдашнему военкому Ф. Ф. Пичугину пришлось с бутылочной гранатой в качестве аргумента убеждать «призывников» не уклоняться от возможности погибнуть, защищая власть Советов на фронтах разгоравшейся гражданской.

«Задонск. Исполком. Болдыреву.»

В такой обстановке 16 августа открылся V уездный съезд Советов. Именно на нем эсеры наивно решили дать словесный «бой» своим бывшим товарищам по революции. Вот только «товарищи» на дискуссии были не настроены.

Бурные дебаты, в ходе которых эсеровские ораторы не без успеха пытались склонить на свою сторону часть участников съезда, окончились по-большевистски просто — арестом особо говорливых оппонентов РКП(б). На следующий день, обсуждая итоги первого дня работы «демократического» собрания, каковым, по сути, должен был являться съезд, коммунисты за всех его участников решили: *«Разъяснить фракции левых эсеров о постановлении, что Хорпяков, Теняев, Помошенко и Попов арестованы и предъявить фракции левых эсеров, если они разделяют взгляды ЦК, то подлежат исключению из состава съезда, оставив правомочной фракцию коммунистов»*. Эта косноязычная резолюция ясно давала понять, кто отныне в городе и уезде хозяин. Еще в младенчестве власть Советов превращена была в крышу для реального партийного руководства со стороны коммунистов.

То, что случилось в Задонске далее, ранее известно было лишь из краеведческих записок В. Абанина и С. Заворькина, где излагалась версия событий, исходившая от их непосредственного заинтересованного участника — известного установителя Советской власти в Задонске и уезде — П. И. Воротникова, в 1918 году возглавлявшего уездный комитет РКП(б). Нарисованная Петром Исидоровичем картина идеально соответствовала сверхзадаче, определившей необходимость явить ее взору зрителей — надо было показать новым поколениям, как в нелегкой борьбе с контрреволюцией становилась на ноги юная Советская власть в Задонске.

Из «воротниковской» версии событий следовало, что перепалка на съезде Советов была лишь составляющей более масштабного заговора. Кулаки и эсеры, якобы, загодя подготавливали большое восстание в Задонске, приурочивая его к открытию V уездного съезда Советов. И арест своих товарищей заговорщики восприняли как сигнал к началу восстания. Собрав по окрестным волостям недовольных, эсеры, возглавляемые представителем ЦК партии левых эсеров Александровым и председателем Тешевского волысполкома левым эсером Николаем Рублевым, привели их в Задонск. Уездная власть в ответ поставила на ноги все имевшиеся в ее распоряжении воинские подразделения. О происшедшем телеграфировали в Совет Народных Комиссаров. Текст этой депеши неизвестен. Зато отлично известен ответ на нее, данный лично В. И. Лениным: *«17 августа 1918 года. Задонск. Исполком. Болдыреву. Действуйте самым решительным образом против кулаков и снюхавшейся с ними левоэсеровской сволочи. Обратитесь с воззванием к бедноте. Организуйте ее. Запросите помощи у Ельца. Необходимо беспощадное подавление кулаков-кровопийцев. Телеграфируйте. Предсовнаркома Ленин».*

Принял, кстати, эту знаменитую телеграмму один из авторов краеведческих заметок — С. Г. Заворыкин, служивший телеграфистом. Но, будучи прямым очевидцем произошедшего, предпочел спустя полстолетия, при подготовке упомянутых краеведческих заметок, руководствоваться не личными впечатлениями, а той версией, что предлагал П. И. Воротников, сделавший успешную карьеру в стране Советов и потому, видимо, ставший в вопросах становления Советской власти в Задонске непререкаемым авторитетом.

Как следует из рассказа Воротникова, восставших было около пяти тысяч. К моменту получения ответа от Ленина, главная колонна повстанцев во главе с Николаем Рублевым подошла к тюрьме. Зачем... не сообщается. Более мелкие группы протестующих собрались у здания уисполкома на Монастырской площади. Против собравшихся у тюрьмы был направлен продотряд, подкрепленный вооруженными большевиками-делегатами съезда Советов, а у здания уисполкома занял оборону охранный батальон. Первыми огонь открыли повстанцы. На требование парламентариев сложить оружие и разойтись они ответили стрельбой, в результате которой был убит один красноармеец и еще трое ранены. После выстрелов толпа попыталась смять охрану тюрьмы и продотрядовское заграждение. В ответ раздался ружейный и пулеметный огонь, сначала ведшийся поверх голов. Это напугало находившихся в задних рядах разбуше-

вавшейся толпы и они стали разбегаться. Передние же продолжали теснить охранников. Продотрядовцы открыли огонь на поражение. Оставляя убитых и раненных, *«повстанцы с боем начали отходить через городской сад к реке Дон»*. И тогда посланная вдогонку конная группа продотряда из шести десятков кавалеристов окончательно рассеяла «восставших». Тем временем бойцы охранного батальона, услышав стрельбу у тюрьмы, дали залп по собравшимся у здания уисполкома, также обратив их в бегство.

Вышеизложенное описание «задонского бунта» было использовано при подготовке первого издания книги «Под перезвон колокольный». Тогда же были высказаны и сомнения в его правдивости. Первое, что вызывало недоверие: численность «бунтовщиков». 5000 на улицах Задонска — это слишком. Подходы к тюрьме, располагавшейся в юго-западном углу квартала, занятого Задонским Богородицким монастырем (на бугре над «Мойкой») были бы просто затруднены народом. Во-вторых, из тех же краеведческих записок известно было содержание ответной телеграммы, направленной В. И. Ленину из Задонска вечером 17 августа. Так вот в ее тексте, довольно подробно излагающем перипетии межфракционной словесной борьбы на съезде Советов, ничего, ни слова, не сказано о столь успешном подавлении вооруженного мятежа с пятью тысячами участников. Лишь в самом конце находим такие строки: *«В городе и уезде спокойно, съезд приступил к своим работам. Вся власть в руках коммунистов, затеянная авантюра левозэрами подходит к концу ликвидации»*. То есть, понятно, что какие-то события, напугавшие уком ВКП(б) и уисполком имели место — ими и была вызвана первая, видимо, паническая телеграмма в Совнарком. А вот позднее, когда выяснилось, что у страха глаза велики, в повторной телеграмме пришлось затушевывать надиктованное с испуга.

К сожалению, когда готовилось к печати первое издание книги «Под перезвон колокольный», все эти предположения были лишь домыслами, основывающимися на косвенных уликах и общем недоверии к манере большевиков рассказывать о своих подвигах, типа знаменитого «штурма» Зимнего. А в 2000 году, работая в Центре документации новейшей истории Липецкой области (бывшем областном партархиве), наткнулся я на любопытнейший документ, озаглавленный «Первые дни Задонской организации ВКП (б)». Эти 2 листа машинописного текста, по структуре бумаги и оттиску явно единовременные соседним документам, оказались подшитыми в папке с «Отчетами укома РКП(б) и уисполкома за 1921-1922 годы».

Повествование ведется от лица очевидца, причем не лишенного литературных дарований и склонности к легкой ехидце. Ни подписи, ни какой-либо пояснительной записки, раскрывающей цель и задачи подготовки данного документа, не имеется. Впрочем, куда важнее главное: то, что он есть и нашелся! Ибо сообщает весьма важные и до сих пор неизвестные подробности, в том числе — и о левоэсеровском «мятеже».

И получается, что было все летом 1918-го далеко не так революционно и масштабно, как помнилось на исходе жизни П. И. Воронникову, а более обыденно, грязно и страшно. Оказывается, в числе арестованных на съезде и определенных в Задонскую тюрьму оказался и посочувствовавший эсерам тешевский коммунист Первеев. И тогда (цитируем): *«товарищи Первеева из Тешевской ячейки собрали в сл. Тешевка сход, призвали население слободы "итти выручать Первеева". В результате тешевцы (среди них были даже женщины с детьми на руках) громадной толпой явились к Задонской тюрьме и для ее охраны пришлось вызвать военную силу. Председатель Задонской ЧК т. Пожидаев пробовал отговорить толпу, но в этот момент в него два раза выстрелил из револьвера бывший член Тешевской ячейки Н. Рублев. Пожидаеву выстрелы вреда не причинили, но были ранены два красногвардейца. Кто-то из толпы скомандовал "Пли!". Красногвардейцы начали беспорядочную стрельбу, в результате которой оказалось 2 крестьянина убито и 2 ранено. Толпа частью разбежалась, частью легла. На другой день весь конфликт был ликвидирован. Задержанные Теняев, Иванников и Первеев были выпущены и до конца октября м-ца Задонская организация работала вполне спокойно».*

Вот так «пятитысячный отряд вооруженных кулаков», собранный со всех окрестных сел и предводительствуемый представителем ЦК партии левых эсеров вдруг обернулся толпой крестьян из пригородной Тешевки, где до революции насчитывалось (всего!) 1100 жителей. «Повстанцы», «отступавшие с боем», оказались мужиками и бабами с детьми на руках, пришедшими «отстарать» попавшего в тюрьму односельчанина и в испуге попадавшими на землю при первых выстрелах; оплатившими односельчанину свободу ценой своей крови. Впрочем, до стрельбы, возможно, дело бы не дошло, если бы в качестве «миротворца» не выступал председатель уездной ЧК Е. В. Пожидаев — самодур, да еще и нечистый на руку, как показали дальнейшие события.

Именно он в очередной раз нарушил спокойствие задонской жизни осенью 1918 года. О бесчинствах Пожидаева сообщила «За-

донская советская газета» в статье «Долой провокатора из нашей среды» от 14 ноября 1918 года. Говорилось об этом и на партийных форумах. Вот цитата из доклада секретаря укома РКП(б) Тенихиной на I уездной партконференции: *«работа была прервана в связи с неурядицами в комитете, в связи с арестом Воротникова и А. Тенихиной бывшим председателем УЧК Пожидаевым при помощи Елецкого Чрезвычайкома».*

Чтобы узнать подробности, вновь предоставим слово безвестному пока летописцу «первых дней» Задонской организации ВКП(б). *«В первых числах октября создан новый конфликт. На этот раз его главным "героем" явился Председатель Задонской уездной ЧК т. Пожидаев. Получив сведения, что ЧК очень небрежно обращается с конфискованными вещами, Задонский УКОМ созвал внеочередное заседание УИКа, на котором было постановлено произвести ревизию ЧЕКА. Председатель ЧК Пожидаев "обиделся" и, вызвав по телефону представителя Елецкой ЧК Кирилкина, арестовал членов УИКа и УКОМа РКП (б). Однако он не успел арестовать военного комиссара т. Юдина. Последний, извещенный кем-то об аресте членов УКОМа и УИКа, немедленно привел в боевую готовность Задонский гарнизон и окружил помещение ЧК. В распоряжении председателя ЧК Пожидаева также находилась кое-какая военная сила (рота пехоты, пулемет и сотня кавалерии). Отряд этот только что готовился выступить для ареста военкома, но не успел. Начальник его, т. Коротких, выступить на верную смерть отказался. До боя дело все-таки не дошло. Прибывший член Задонской организации РКП(б) т. Салат сумел убедить обе стороны пойти на почту и договориться, переговорив по прямому проводу с Воронежским Губкомом РКП(б), Губчека и Губисполкомом. Воронеж предложил арестовать Пожидаева за превышение власти, что и было сделано. На место его был назначен т. З. Шипулин. После этого "пожидаевского" восстания до прихода белых (Мамонтова) для Задонской организации наступили спокойные дни».*

КАК ЗАДОНСК К БОЛЬШЕВИКАМ ПРИВЫКАЛ

Кошунство

Но если коммунистам жилось до прихода Мамонтова спокойно, то про прочих жителей Задонска сказать этого нельзя.

Много шума наделал, в частности, пожар, в ночь на 15 октября уничтоживший табачную фабрику Игнатова и оставивший без средств к существованию около 200 семей, кормильцы которых были рабочими этого предприятия. Как сообщала «Задонская советская газета», «пожар начался в машинном отделении и быстро охватил все здание». С большими усилиями только к утру возгорание удалось ликвидировать.

А 28 января 1919 года весь православный город был потрясен еще одним событием — большевики, расправившись с последними противниками политическими, нанесли очередной удар по тем, кто противостоял им духовно — по Задонскому Богородицкому монастырю. Поруганию предана была главная святыня обители — чудотворные мощи св. Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского.

Богородицкий монастырь и до этого утесняли как могли. 13 января 1919 года архимандрит Александр (Зеленев) писал благодетелям обители следующее: «...артезианский колодец не работает, потому что нефти нет, а из нашего старого монастырского не на чем качать воду, — придется ходить с ведрами к Дону... Братию заставляли идти в лес и рубить дрова [по разнарядке от Советов]. Братия ходили и нарубили 50 саж., а дали только 20. Теперь отвели 20 саж. сучьев и веток, но ведь такими ветками топят печи только осенью и

весною, а не зимою в 25 градусов мороза... Всякие нужды терпим: и голод и холод, и всякого рода оскорбления. Значит, того заслужили по своим грехам»...

И вот специально созданная комиссия во главе с председателем уездной ЧК Зиновием Шипулиным явилась в Задонский Богородицкий монастырь и потребовала немедленного освидетельствования мощей святителя Тихона. Заметим, что Зиновий Антипович уже через 2 года *«был схвачен бандой Колесникова и зверски убит»* на территории Богучарского уезда Воронежской губернии.

А 28 января 1919 года суровые проверяющие, сопровождаемые архимандритом и несколькими из братии, проследовали в Рождество-Богородицкий зимний храм обители. В результате удар по идеологическим противникам со стороны коммунистов нанесен был точный и жесткий. И они постарались, чтобы эхо его прогремело по всей России. Ведь то, что объявили «результатами вскрытия», зафиксировал на киноленту специально откомандированный из Москвы оператор-документалист Новицкий.

Правда, в этот раз, его кинокамера запечатлела не сами события, как то пыталась представить атеистическая пропаганда, а всего лишь их не слишком продуманную инсценировку.

По известным на сегодня версиям событий вскрытие проходило внутри теплого храма во имя Рождества Богородицы, где мощи святителя пребывали в зимнее время. Причем, было это если не ночью, то сумрачным январским вечером. А кинолентка показывает действие, разворачивающееся на паперти Рождество-Богородицкой церкви белым днем. На не раз публиковавшемся в разного рода антирелигиозных пасквилях кадре из фильма Новицкого за спиной толпящихся у гроба святителя ясно видны деревья. Этот «кинодокумент» — не что иное как подделка.

Как впрочем, и большая часть итогов вскрытия мощей святителя Тихона Задонского. То, что плоть покойного епископа к моменту вскрытия раки с мощами уже пережила в известной степени естественный процесс распада, первые признаки коего отмечены еще протоколом 1861 года — факт не подлежащий сомнению. Но то, что в раке на момент вскрытия находился именно тот хлам, который был выставлен поутру на всеобщее обозрение — это может быть и должно быть опровергнуто.

Вскрытие вовсе не случайно было затеяно под покровом тьмы и под эгидой ЧК. Как уже упоминалось, коммунисты побаивались того, что мощи действительно окажутся нетленными. К их радости, этого

не случилось. Оставалось лишь, как говорится, добавить перца. И тогда, для фильма и публичного обозрения, действительно открывшееся заменили откровенными фальсификатами из ваты и картона. Для пушего эффекта.

Фальсификацией занимались два дня. И все это время, по свидетельству одного из участников событий — бывшего красноармейца, Задонск был оцеплен войсками, *«пока из центра не приехала комиссия по вскрытию»*. Большевики серьезно опасались гнева народного.

И вот работа над «документальным» фильмом завершилась, а на страницах Задонской «Советской газеты» 31 января впервые опубликован был «протокол вскрытия». Примечательно и то, что публиковался не официальный протокол, а текст, вольно расцветенный журналистскими ремарками типа: *«О, ужас!»*. Но и из этого сочинения видно, что взору комиссии 28 января 1919 года открылась вовсе не грубо сделанная кукла, как это было заявлено официально. Вот строки пресловутого «Протокола» о вскрытии: *«Взору присутствующих представилось следующее: Тихон лежал в подряснике, перепоясанный старым кожаным монашеским поясом. По заявлению монахов, в таком виде и в таких одеждах Тихон и был найден при открытии в 1861 году. По снятии пояса и подрясника присутствующие увидели одежду из ветхого материала»*. Автор протокола, бывший очевидцем происходившего, помимо воли говорит о мощах вовсе не как о грубой подделке, каковой ее пытается представить «Протокол», лишь далее приводя детали, которые должны были повергнуть в ужас верующих и отвратить их от Церкви.

Окончательно обнаружилось, что составители «Протокола» изрядно приврали, много позднее. Зато с беспощадной ясностью. Известно, что в 1959 году мощи святителя Тихона были повторно освидетельствованы в Орле компетентной комиссией из служителей Церкви и врачей. Результаты проведенной экспертизы опровергли сочиненное Зиновием Шипулиным и его подручными полувеком ранее.

Но и в те горькие для сотен и тысяч верующих дни было явлено утешение скорбящим и знак свыше тем, кто усомнился. К счастью, в этом случае можно опереться на однозначно достоверную версию произошедшего. А главное, — изложенную человеком, который немалую часть своей жизни посвятил как раз борьбе с «культом» Тихона Задонского. Вот цитата из собственноручно написанных воспоминаний С. Г. Заворыкина — не только коммуниста и атеиста, но и коренного задонца, бывшего свидетелем того, что произошло на

монастырском дворе зимой 1919 года: *«На второй или третий день после вскрытия «мощей» Тихона по желанию и просьбе граждан, собравшихся у здания монастыря, было произведено вскрытие пяти цинковых гробниц в склепе под трапезной церковью... При вскрытии первых четырех гробниц в них были обнаружены почерневшие человеческие кости, покрытые истлевшей одеждой. При вскрытии пятой гробницы обнаружен прах женщины Евфимии с сохранившейся высохшей тканью и кожей темно-коричневого цвета, похожей на пергамент».*

Открывшееся повергло вскрывавших в шок. Да и не удивительно. Целых два дня торжествовали безбожники, разоблачая всю «миф о нетлении мощей святых», тыча прихожан носом в кучу сомнительного хлама, якобы извлеченного из раки святителя Тихона, и вдруг получили в ответ такое — наглядное, при сотнях свидетелей толпившихся на монастырском дворе, подтверждение того, что Господь благоволит сохраняться в нетлении плоти угодивших Ему. Это был идеологический скандал, который сразу попытались замять. Не случайно осквернение на том и остановилось.

Так, конфузом, в котором нельзя не увидеть Промысел Божий, закончилась история о «разоблачении» мощей святителя Тихона.

О том, как повседневно складывалась жизнь обители после этих страшных дней конца января 1919-го в деталях неизвестно, но открытые за последнее время архивные документы позволяют однозначно опровергнуть то, что писал Н. Задонский, и что ранее принималось за действительность. В очерке «Снова по дороге» из цикла «Донские вечера» он утверждает, что события после осквернения мощей св. Тихона развивались на радость воинствующим атеистам. *«Вековая легенда о «нетленных мощах» кончилась. Монахи отсиживались в кельях, боясь показаться на глаза разгневанному народу, а вскоре разбрелись кто куда. Подаяния прекратились. Монастырь запустел».* На самом же деле история со вскрытием мощей св. Тихона, особенно после явления нетленных мощей матушки Евфимии Григорьевны Поповой, быстро стушеввалась в народном сознании. Мощи, после того как атеистическая кампания была спешно завершена, вернулись в ту же серебряную раку, откуда были исторгнуты кощунственной рукой. Богослужбная жизнь обители продолжилась должным чередом. Вот только все меньше и меньше зданий оставалось в распоряжении монахов Задонского Богородицкого монастыря.

При этом ни известные на сегодня документы, ни воспоминания старожилов не сохранили свидетельств о каких-либо силовых эксцессах по отношению к Задонскому монашеству в первые пос-

лереволюционные годы, обогрившие кровью священнослужителей изрядную часть государства Российского. И тому есть логичное объяснение. Как справедливо замечает компетентнейший историк Церкви — протоиерей В. Цыпин, *«особенно тяжело приходилось тем архипастырям и пастырям, которые остались на территории, переходившей после поражения белых войск под контроль Советов. Одна только лояльность духовенства белым властям рассматривалась красными как контрреволюционное преступление; пение молебнов о победе белого оружия служило основанием для вынесения смертных приговоров или зверских расправ»*.

Задонск же гражданская война обошла стороной. Лишь на пару дней в сентябре 1919 года город был занят отступавшими к Воронежу казаками генерала Мамонтова, которые повели себя достаточно мирно. Так что поводов для классовой мести у вернувшихся в Задонск представителей Советов не возникло.

Более того, в официальных документах того времени просматривается тенденция уберечь монахов от окончательного разгона. Упор делается на то, что все это престарелые инвалиды, фактически отошедшие от дел Церкви. А ведь подобные формулировки явно не соответствовали действительности. Тем не менее отдельные задонские чиновники от Советов, многие из которых родились и выросли у стен монастыря, на словах отрекаясь «от старого мира», на деле хранили в сердце своем память о нем, обращаясь в тайной молитве к Богу и стараясь смягчить участь Его гонимых служителей. Косвенное подтверждение этому находим в злой заметке «Иконостасы в горсовете», опубликованной «Задонской советской газетой». *«В здании городского Совета рабочих депутатов, — возмущается автор, — во всех комнатах прекраснейшие иконостасы... Там, вероятно, более молятся, чем работают...»*

Белоказаки у нас не задержались

До осени 1919 -го большевики в Задонске всю осваивались с управлением, считая, что они здесь «всерьез и надолго».

7 мая по предложению уездного комитета партии большевиков Задонск лишился городского исполнительного комитета. Вместо него был организован муниципальный отдел при уисполкоме. Причиной принятия столь радикального решения стала неудовлетворенность коммунистов итогами выборов в городской Совет. По мнению большевиков несознательные избиратели выбрали не тех, в резуль-

тате чего деятельность горисполкома оказалась *«проникнута духом торгашества»*.

Еженедельно в Задонске проводились митинги. 2 июня на митинг вывели 100 раскаявшихся дезертиров. С трибуны выступали губернские и местные лидеры большевиков, а *«граммофон передал речи вождей революции»*. Дезертиры в ответ прочувствованно говорили, что *«укрывались по своей темноте»*. А теперь они, мол, *«готовы идти в армию и героически искупить свой грех»*.

Даже в комсомол удалось, наконец, задонскую молодежь сагитировать. О чем с удовлетворением и сообщила читателям газета «Воронежская беднота» от 30 августа 1919-го года: *«Много раз принимались меры Воронежским городским и губернским комитетами РКСМ для организации союза в Задонске. Наконец, после долгих усилий союз удалось организовать»*. Первыми комсомольцами стали в основном *«учащиеся учительских курсов»*.

И вот наступили первые дни сентября 1919-го. Выдались они полетному теплыми. На Дону все еще купались вовсю. И оттуда же, со стороны Дона, ждали неприятностей — знали, что вот-вот к городу подступят казаки генерал-лейтенанта Мамонтова, уже занявшие, по слухам, Елец. Гражданская война подкатывалась к Задонску.

А начиналось все 10 августа 1919 года, когда специально сформированный под командованием генерал-лейтенанта К. К. Мамонтова корпус прорвал фронт в районе Новохоперска и начал свой знаменитый рейд по красным тылам. В состав соединения входили: 1-я и 3-я Донские конные дивизии, резервная Донская дивизия (каждая численностью в 2000 сабель), пеший казачий отряд (3000 штыков), 12 пушек и три броневика. Рейд Мамонтова в тыл Красной Армии продолжался 40 дней. На протяжении всего 700-километрового пути Мамонтов вел мобильную войну, неся при этом минимальные потери. Тамбов был взят при потере лишь 20 бойцов. Пройдя Мичуринск, Чаплыгин и Лебедянь, мамонтовцы 1 сентября заняли Елец, часть гарнизона которого встречала казаков с музыкой. Из Ельца Мамонтов выступил тремя колоннами. Правая колонна двинулась на станцию Касторное, левая — на Грязи, а на пути центральной, по всей вероятности, обозной, оказался Задонск.

Задержать здесь продвижение казаков должен был наспех сформированный «полк» численностью в 1600 человек, куда, помимо регулярных частей из Воронежа и округа, вошли 600 местных добровольцев. Армейские винтовки имелись только у солдат. Добровольцев же вооружали чем попало. Ныне покойный И. И. Филатов, рабо-

тавший в мастерских ремесленной школы, вспоминал, как их, в те дни срочно заставили приводить в порядок ранее конфискованное по уезду оружие, сохранявшееся «на всякий случай». Охарактеризовать «арсенал» можно было только одним словом: «рухлядь». Но и этого хватило не всем. Как замечают Абанин и Заворыкин: *«Многие же не имели никакого оружия».*

Тем не менее, бойцы отряда, уже в начале боя отброшенные за Дон, к городу, в течение двух часов удерживали противника на южной окраине, дав возможность последним партсработникам покинуть ставший вдруг неудобным Задонск, прихватив жен и детей. А когда казаки пустили в ход артиллерию, отступили и сами защитники, практически не понеся урона от не слишком вязавшихся в драку мамонтовцев. И 4 сентября 1919-го «белые» вступили на улицы Задонска. Где не только показали себя «во всей красе», но и дали возможность местным и окрестным обывателям проявить самые сволочные инстинкты.

Вспоминает жительница Задонска, бывшая свидетельницей происходившего в городе 4 сентября 1919-го: *«Стрельба приближалась и приближалась. Вдруг грянула пушка около моста. Жители пошли хоронить советские документы... На мосту, около городского сада, показалась первая группа казаков. А вдоль берега Дона, от Казачьего, двигались новые ряды. Впереди идет офицер, отдает честь. Приближается к женщине с грудным ребенком на руках: "Где здесь жида и коммунисты?". "Ничего я, батюшка не знаю". Подскочил мальчишка: "Я знаю, вон там живет жид!". Поскакали туда, скрылись в доме, долго не идут назад. Наконец вышли от "жида", засовывают что-то в карманы. Поскакали дальше».*

А дальше казакам стали помогать горожане и обитатели пригородных сел: *«вот тащат перину; вот рассыпался узел с тряпьем. Какой-то "гражданин" старается натянуть пальто на плечи, чтобы руки можно взять еще что-либо. Вот две бабы подрались за курицу - это разгромили еще одного "жида". Этот впряг себя в пролетку, тот тащит плуг на спине, а другой посреди улицы меняет кресло, чтобы легче было дотащить за Дон.*

Вот другая картина: скачут двое верховых. Подскакали к магазину около собора. "Что здесь?", - спрашивают. "Да был у "них" хлеб раньше, а что сейчас — не знаю", - отвечает случившийся рядом обыватель. "Посторонись!" Наметился казак в упор и выстрелил. Замок упал. Прикладом разбил стекло у других дверей, заглянул внутрь, выругался крепким словом: "Черти..., все выгребли!".

...Грабят бывший аптекарский магазин. Окна разбиты, визг, брань, летят склянки, банки, льется касторка, сыплется пудра, зубной порошок. А около бывшего магазина Маликова, где хранился галантерейный товар, ждут "хвостом". И вот двери разбиты, рванулась публика вперед. Но, не тут-то было. Прикладами гонят казаки их из лавки. Лишь набравшись досыта, до отвала, милостиво разрешают сделать то же самое и гражданам.... Рядом с грабежом идет торговля. Покупает тот, кто не успел или постеснялся красть. Скупщики — мелкая "интеллигенция". Вот кучка этой "интеллигенции" стоит поодаль, смотрит и не знает, то ли это, что она ждала?

- Что ж не берете? — спрашивает у них казак.

- Да так просто...

- Наме! — Сует им в руки по коробке спичек. — Помните нас, мы народ хороший».

Но грабежами тот день не ограничился. Пролилась и кровь. «Вдруг страшный, пронзительный крик пронесся над толпой. Все замерли в ужасе. Четыре всадника мчатся за бегущей фигурой. Это выданный толпой "большевик" (на самом деле - рядовой беспартийный совслужащий, работник коммунхоза И. П. Бабкин - Л. М.). Вбегает под мостик у часовни (был такой, что вел напрямую через Тешевку к храму Живоносного Источника - Л. М.). Прижался в угол, как затравленный зверь. И над всем несется отчаянный крик жены несчастного. С двух сторон подскочили к мосту. Выскочил. Побежал. Пересекли дорогу и наотмашь, шашкой, снесли голову».

«...Распахиваются ворота и согнувшаяся фигура тщедушного еврея покорно выходит на улицу. За ним выскакивает жена с ребенком и старушка: кричат, ломают руки, виснут. Удар нагайкой по лицу и они уже за калиткой, во дворе, а еврей медленно падает на колени, сраженный насмерть двумя выстрелами в спину (М. Б. Дубровно - Л. М.)».

Официальный итог пребывания покинувших 5 сентября Задонск казаков Мамонтова подведен был 17 сентября 1919 года председателем Задонского уездного ревкома в «Анкете об ущербе, причиненном г. Задонску во время нашествия мамонтовских банд». Копия этого документа хранится в фондах Задонского краеведческого музея, куда она была предана из Государственного архива Липецкой области. Согласно этому документу убиты были двое: беспартийные Бабкин Иван Петрович и Дубровно Меер Беркович. В 33 квартирах «произведен разгром». Наличных денег награблено было 87650 рублей. «Предметов домашней обстановки, посуда, меховых вещей, шитья, белья, обуви, разных хозяйственных вещей, золота и серебра

— на сумму 2259580 рублей». На вопрос «по чьему почину начались беспорядки?» анкета отвечает, что «по почину казачьих банд». А кто участвовал? «Крестьяне близлежащих селений и отдельные личности городского населения».

Сентябрь и октябрь город пребывал в состоянии властной неопределенности. «Красные», подсчитав убытки от «визита» казаков Мамонтова, 29 сентября вновь покинули Задонск. В начале октября вернулись и пробыли до 15 числа. А 19-20 октября на улицах Задонска можно было видеть казачьи разезды. Регулярные части, в отличие от мамонтовских «партизан», вели себя корректно, и заверяли, что «скоро в Задонске появится белое начальство». Отдельным задонцам реальным стало видеться возвращение «старого режима». Но вот фронт стабилизировался и последние надежды тех задонцев, кто не хотел уживаться с Советской властью, оказались развеяны.

О том, как это случилось, с юмором рассказывает газетная заметка, дошедшая до наших дней стараниями С. Г. Заворыкина: «Под первое ноября 1919 года... Ждали казаков. Вдруг в городском саду раздался голос: "Господа! Казаки, казаки!". Гуляющие бросились к воротам. Действительно около сада разъезжала группа всадников. Гуляющие патриоты (буржуи) предложили записываться добровольцами, на что получили милостивое разрешение казачьего офицера. Началась запись добровольцев-«белогвардейцев». Шibaи, торгаши, буржуазия записывалась охотно. В каких-нибудь полчаса собралась порядочная группа, которые отправились к зданию бывшего земства. Каково же было удивление "добровольцев", когда вместо генерала Иванова перед ними предстал товарищ Кандыбин. Пришлось ночевать в помещении милиции». Оказалось, что «отряд советских войск при Ревкоме во главе с товарищем Кандыбиным занял г. Задонск».

Правда, с точки зрения начальника 11-й кавалерийской дивизии Матузенко события развивались по-другому. 30 октября 1919-го в своем донесении он писал: «Вчера в 15 часов лихим налетом нашей конницы занят Задонск. При занятии конница была обстреляна. Приняты меры к выяснению, кто стрелял»...

С тех пор большевики город своей заботой не оставляли.

КОГДА ОТШУМЕЛА ГРАЖДАНСКАЯ...

...И стал монастырь бывшим

С «боевого девятнадцатого» и до сурового времени Великой Отечественной войны жизнь Задонская протекала относительно мирно под скрип тележных колес, все больше заглушавшийся шумом автомобильных моторов. А привычные керосиновые лампы вытеснялись из домов и квартир «лампочками Ильича», питавшимися от городской электростанции, приводившейся в действие мотором мощностью в 40 лошадиных сил.

Архивы сохранили запрос Задонского Уоткомхоза за 1923 год на 8 тысяч 829 рублей 34 копейки для выплаты заработной платы работникам электростанции. Размещалась работавшая на угле, а чаще - дровах, электростанция в здании, занятом ныне магазином «Почтовик» (на углу улиц Крупской и Ленина). Как вспоминают старожилы, в начале 1920-х, из-за отсутствия ремней, на шкивы надевались веревочные кольца, которые быстро стирались и часто рвались. Так что отключения электричества были делом привычным.

Не хватало, впрочем не только ремней. Липецкий облгосархив хранит пухлые папки, заполненные просьбами о выдаче «вещевого довольствия». Многолетний задонский участковый милиционер просит новые штаны, взамен истрепавшихся старых; крестьянин из пригорода просит обеспечить его хозяйство лошадью, видимо, надеясь и на штаны и на прочее заработать сам...

Но, если рядовые граждане могли надеяться на подачки от «народного» государства, то социально-чуждые элементы, к которым монашествующие были отнесены в первую очередь, могли полагаться только на себя... И в течение 20-ти послереволюционных лет

у них это так или иначе получалось. Хотя с каждым годом выживать задонским монахам и монашкам становилось все труднее...

Одним из первых своих решений Задонский Совет национализировал монастырскую гостиницу, передав ее *«для использования инвалидам войны»* — так называемому Союзу увечных воинов. Впрочем, не надолго. Как заявил в докладе, сделанном на рубеже 1920-х годов, заведующий Задонским уездным отделом соцобеспечения Попов: *«раньше существовал в Задонске «Союз увечных воинов, который помещался в монастырской гостинице, а потом был исполкомом распущен. Содержался этот Союз доходами с монастырской гостиницы и другими подачками, которые перепали на долю «увечных». Занимались они от безделья порчей самого здания монастырской гостиницы. Конечно, такая постанова дела в Союзе увечных воинов ни к чему иному и не могла привести, как к ликвидации бесполезного, или даже больше, вредного учреждения, разлагавшего каждого индивидуума, призваемого в нем».*

К моменту же процитированного доклада на территории обители, с которой, собственно, и начался город, монахам принадлежало уже мало что. Согласно «Описи Задонского Богородицкого монастыря», составленной 4 ноября 1920 года квартирным подотделом коммунального отдела Задонского уисполкома, в обители проживали *«60 престарелых монахов, требующих ухода за ними».*

В распоряжении братии оставались два двухэтажных корпуса. Как сообщает «Опись», *«при этих корпусах имеется свечной завод, водопровод, баня и небольшой садик».* Одним из корпусов было правое крыло здания трапезной, где и размещались упомянутые службы, а вторым — изрядно перестроенное за советское время здание, примыкающее с юга к церкви во имя св. Тихона. Сохранились за монастырскими храмы обители.

Остальные здания старинной обители были распределены между различными учреждениями и организациями.

В монастырской гостинице квартировал уездный совет народного хозяйства. В его же ведение были переданы расположенные рядом 3 конюшни, 2 сарая, амбар, каретный сарай и кузница. В бывшем архиерейском корпусе уездная власть разместила отдел здравоохранения и дом материнства и детства. Военный лазарет занимал расположенный за алтарем Владимирского собора архимандритский корпус. Стоящее между архимандритским и архиерейским корпусами двухэтажное здание было отдано отделу народного образования. Учебные классы просторного духовного училища стали камерами

фильтрационного лагеря для содержания дезертировавших из Красной Армии — таковых в то время по селам и деревням отлавливали во множестве. А в угловой башне, прилежавшей к зданию училища, устроен был карцер для «зlostных дезертиров». Южная угловая башня пустовала.

Насколько можно судить по доступным на сегодня документам, «великое переселение» состоялось в самом начале 1920 года. Причем, монахов не только выселили из занимаемых помещений, но и ограбили, конфисковав имущество. И, тем не менее, Задонск продолжал оставаться заметным центром православия.

22 января 1922 года учреждается Задонская епископская кафедра. Епископом Задонским тогда же становится Иоанн.

По данным, приводимым в приложении к «Истории Русской Церкви» протоиерея В. Цыпина, Задонское епископство было викарным. В то же время в документах 1922 года Успенский городской собор Задонска именуется кафедральным, что может служить свидетельством в пользу самостоятельности Задонской епархии. И такое вовсе не удивительно для послереволюционного «смутного времени» в истории Русской Православной Церкви.

Епископу Задонскому Иоанну пришлось понести труды по поиску компромисса с властями в один из тяжелейших периодов истории Церкви, когда совершалась конфискация драгоценных металлов и камней из храмов России.

Для повального ограбления церквей был найден благовидный предлог — с 1921 года Поволжье вымирает от голода, а у страны, якобы, нет лишнего хлеба, чтобы накормить страждущих.

Действовала «Комиссия по оказанию помощи голодающим Поволжья» и в Задонском уезде. В Липецком облгосархиве сохранилось достаточное количество документов, чтобы весьма полно представить себе ход событий, приведших к тому, что храмы Задонска и, в первую очередь, — Богородицкого монастыря — лишились всего, что могло быть названо драгоценным не только по соображениям веры, а и по оценке приемщиков ювелирного сырья.

Материальные отголоски случившегося в апреле 1922 года дошли до наших дней в виде кладов: серебряных окладов Евангелий и позолоченной богослужебной посуды, найденных на крыше Владимирского собора, а также двух напрестольных крестов, что скрыты были на чердаке снесенного ныне деревянного дома по улице Карла Маркса, справа от западных ворот обители. Но спрятать удалось крохи. Да это и не особо пытались делать. Ведь представителям Цер-

кви до последнего не верилось, что рука сборщиков драгметаллов поднимется на то, чтобы обнажить укрытые дорогами ризами святыни. Протокол №10 заседания уездной комиссии по оказанию помощи голодающим Поволжья, на котором, в присутствии епископа Задонского Иоанна был, поставлен вопрос о необходимости изъятия ценностей из церквей уезда, это подтверждает. Сначала тов. Казмин, член комиссии, сделал сообщение, где «обрисовал картину голода». Далее докладчик *«рекомендует с целью предотвращения ужасов голода и оказания помощи голодающим об отчислении из церквей и монастырей части ценного имущества для расплаты за хлеб, предлагаемый Америкой»*. Епископ Иоанн *«высказывая солидарность с мнением, также рекомендует предложенный им способ разрешения этого вопроса в общем собрании верующих, при чем с своей стороны окажет воздействие на духовенство и верующих к оказанию просимой для голодающих помощи»*.

Протоколом №1 от 17 марта 1922 года зафиксировано решение «Подкомиссии по изъятию церковных ценностей от групп верующих» о приглашении 3 представителей от церковного совета и 1 представителя духовенства *«для окончательного определения предметов подлежащих изъятию»*. От задонского духовенства делегирован был священник кафедрального Успенского собора г. Задонска Гермоген Лебедев, а община верующих уполномочила даже не трех, а пятерых своих представителей для работы с подкомиссией. Это были В. Х. Емельянов, А. А. Бакулин, М. Д. Голубятников, И. М. Пичугин и И. Г. Петров. Именно им и предстояло первым с ужасом убедиться в том, что конфисковать собираются вовсе не лишние кадила и подсвечники, а серебряное убранство святынь — двух рак св. Тихона — в летнем и зимнем соборах и оклад чудотворной Владимирской иконы Божией Матери.

Уполномоченные во главе с о. Гермогеном горячо запротестовали. Вот что зафиксировано бесстрастными строками протокола: *«Представитель духовенства ответил, что рака св. Тихона дорога верующим по религиозным основаниям и изъятию не подлежит. Большинство коллектива верующих присоединилось к мнению представителя духовенства, добавив, что коллектив верующих получил директивы от общества верующих не соглашаться на изъятие раки св. Тихона»*. Наивные «представители»! Уже через несколько дней они с горечью поняли, что хоть им и разрешено выражать свое согласие и несогласие, но прислушиваться к их мнению никто не собирается. Пустыми остались и хлопоты отца Гермогена Лебедева, составившего собственно

ручную записку, сохраненную в архиве. Устав оперировать чуждыми для советских функционеров понятиями канонического права, он обращается к их революционному сознанию, обращая внимание на то, что святитель Тихон всегда сопереживал угнетаемому крестьянству, проливая слезы о его страданиях, а потому рака, хранящая мощи святого — своего рода памятник освобождению российского крестьянства от крепостного ига, состоявшемуся в 1861 году и совпавшему с прославлением Задонского Чудотворца.

К 10 апреля из церкви Задонского уезда было изъято около 60 пудов ценностей. В связи с этим Задонский уисполком затребовал из Воронежа «автомобиль с караулом третьего разряда» для перевозки конфискованного. А 24 апреля 1922 года Воронежским губфинотделом было принято от командированного особуполномоченного подкомиссии по изъятию церковных ценностей Задонского уезда Апарина *«всего 27 мест с церковными ценностями, упакованными в мешки и деревянные ящики»*.

Тем временем работа по изъятию оставшихся ценностей продолжалась. Еще два месяца. Лишь 30 июня 1922 года на заседании президиума Задонского уисполкома член подкомиссии «по изъятию» Белозеров доложил, что работу можно считать законченной.

Соответствующее официальное сообщение было направлено в губернию. Всего было изъято: золота — 74 золотника 57 долей (около 318 г.), серебра — 70 пудов 39 фунтов 74 золотника 1 доля (около 1136 кг.) и драгоценных камней — 2 фунта 52 золотника 75 долей (1 кг. 23 г.). Причем, все драгоценные камни, все золото и почти 57 пудов серебра были конфискованы в церквях Задонского Богородицкого монастыря.

Практически одновременно Задонскому Богородицкому монастырю был нанесен еще один тяжелейший удар — из канонического подчинения Святейшему Патриарху Тихону (Белавину) самоудалась Задонская епархия в лице епископа Иоанна, поддержавшего так называемое Высшее Церковное управление, учрежденное в мае 1922 года группой священнослужителей из объединения «Живая церковь» («обновленцами»).

Когда епископ Иоанн решил летом 1922 года примкнуть к «обновленцам», монахи Задонского Богородицкого монастыря, оставшиеся верными Патриарху Тихону оказались лишены своих главных святынь. Богородицких черноризцев отлучили от храмов обители, на территории которой они продолжали проживать. Лишь в 1925 году передана им была церковь в городском саду.

Последним же для Задонского Богородицкого монастыря стал год 1928-й. Уже в феврале 1929-го «все избирательные участки» города Задонска потребовали окончательного закрытия мужского монастыря. Автор большевистской окружной газеты «Красное знамя» Н. Дмитриев, побывав в Задонске в марте 1929 года, оставил такое описание Богородицкой обители тех дней: *«Вокруг собора и зимней церкви, как дети, отделившиеся от сурового отца, расположились монастырские строения, занимаемые сейчас учреждениями города... Немного поодаль — корпус, занимаемый монахами, и часовня. Стекла в окнах часовни выбиты, дверь соскочила с петель... Корпус, занимаемый монахами, тоже постепенно приходит в ветхое состояние. На вопрос “почему здание не ремонтируется”, следует весьма резонный ответ: “Тут хоть бы в этом как-нибудь просуществовать, а то отремонтировать... Скажут тоже”».*

И действительно, даже в «этом», изрядно обветшавшем, корпусе последних Богородицких монахов не оставили.

8 апреля 1929 года грянуло постановление ВЦИК «О религиозных объединениях», инспирированное более ранним директивным письмом секретаря ЦК ВКП (б) Л. М. Кагановича, где резко осуждалась недостаточная ретивость в процессе изживания религиозности, а собственно духовенство прямо объявлялось политическим противником коммунистов.

По весне 1929-го монахи Богородицкого монастыря получили приказание освободить еще занимаемые жилые помещения в двухэтажном здании близ свечного завода. Протестовать было бессмысленно. И бывшие насельники обители, добавив личные сбережения к имевшейся наличности, вырученной от работы свечного завода, собрали 3250 рублей. На них приобрели у Задонского горсовета дом на бывшей Дворянской улице (ныне Карла Маркса). Этот дом, куда черноризцы переселились «весной, ближе к лету», стал последним приютом монашеской общины Задонской обители во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери.

Единственным утешением для гонимых монахов была искренняя уверенность в недолговечности Советской власти. Они и представить не могли, что это испытание для Церкви и ею пасомых — на несколько десятилетий. Например, в июле 1929 года, в беседе о военных столкновениях на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), последний настоятель обители — архимандрит Никандр (Стуров) уверенно заявил, что: *«Слава Богу, начинается война, которая приведет безбожную власть к гибели».* А тут еще через не-

сколько дней рухнуло на монастырском дворе огромное вековое дерево. Это знамение и настоятелем, и монахами Богородицкого монастыря однозначно было воспринято как скорое падение не приемлющей Церковь власти. На самом же деле, как показало дальнейшее, это знамение предвещало совсем иное — окончательную ликвидацию монашеской обители во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери. Существовать уже фактически разогнанному монастырю оставалось всего два месяца.

Именно столько времени отмерено было сотрудниками Елецкого окружного отдела ОГПУ, готовившими материал для возбуждения очередного уголовного дела с политической окраской. А главной зацепкой должна была стать и стала умелая провокация, как по нотам разыгранная 26 августа 1929 года, в день памяти святителя Тихона. Еще до праздника среди верующих стали распространяться слухи о том, что власти в этом году примут самые жесткие меры к паломникам в день праздника памяти св. Тихона.

Рассказывалось, что пришедших будут расстреливать с аэропланов или давить автомобилями. И повод поверить в такой оборот событий был. Во-первых, непримиримость местных представителей государства подтверждало закрытие Скорбященского монастыря и изгнание «на улицу» монахов Богородицкого. Во-вторых годом раньше над крестным ходом уже кружил аэроплан. Правда, он всего лишь сбрасывал листовки антирелигиозного содержания, но и этого было достаточно, чтобы придать достоверность страшному слуху.

Чекисты весьма верно угадали массовое настроение верующих. Православный люд, вот уже который год с горькими слезами на глазах наблюдавший поругание святынь, почитание коих было впитано с молоком матери, не смог остаться равнодушным к новому вопиющему надругательству над верой и Церковью, готовившемуся, согласно слухам.

В итоге на бывшем монастырском дворе 26 августа 1929 года, в день памяти св. Тихона, собралось небывалое за предыдущие годы число верующих, несмотря на то, что, по-прежнему, праздничная служба совершалась обновленческим духовенством. Только по официальным ГПУшным подсчетам, в этот день Задонск принял около десяти тысяч паломников. То самое упавшее дерево, объявленное знамением, было буквально по щепочкам растащено богомольцами. И, наконец, наступило время крестного хода...

Вот как вспоминала о событиях того дня мешанка из Задонска А. П. Артемова: *«В момент, когда выносили угодника из собора, вдруг в*

полной тишине раздался крик: «Сейчас будут стрелять!» Моментально верующие с криками побежали от собора. Но сейчас же паника улеглась. Не прошло и минут десять, как опять раздался крик: «Едет автомобиль, сейчас будут давить!». Вновь верующие бросились врассыпную. Началась давка. Я упала, сына Тихона прикрыла телом. Некоторые бежали по мне. Когда все улеглось и все убедились, что никакого автомобиля нет, верующие вернулись к собору».

Обошлось без жертв, праздник закончился благочинно, но ГПУ уже получило повод повнимательней присмотреться к религиозной жизни Задонска — ведь здесь имели место массовые беспорядки. Более того, бдительные чекисты, прибыв в Задонск, тут же на месте выявили «организованную при монастыре контрреволюционную группировку поставившую себе целью всемерное ослабление Советской власти и борьбу с Советской общественностью». Такое подпадало под части 10 и 11 статьи 58 Уголовного Кодекса. А потому 28 сентября 1929 года было возбуждено и принято к производству соответствующее уголовное дело.

Последнему настоятелю Задонского Богородицкого монастыря, архимандриту Никандру, в ходе следствия припомнили, поставив в вину, все, что хоть сколько-нибудь могло оправдать привлечение мирных черноморцев к уголовной ответственности по политической статье: и сокрытие от властей «антисоветских» сочинений (о гонениях на Церковь) умершего в 1927 году архимандрита Тимолая, и помощь томящемуся в концлагере епископу Алексию (Бую), и смещение с ряда приходов священников из числа «обновленцев», и историю с упавшим деревом. Но главной радостью для чекистов стало обнаружение при обысках двух копий рукописного текста под заголовком «Что должен знать православный?». Это вполне невинное с неполитизированной точки зрения, выдержанное в духе христианской догматики сочинение, было подвергнуто тщательному текстологическому исследованию, судя по одной из копий, до сегодняшнего дня сохранных в старом уголовном деле. Несколько листов амбарной книги, убористо исписанных простым карандашом, буквально исчерканы жирными синими линиями, отметившими места, показавшиеся наиболее крамольными. Вот некоторые из выделенных строчек:

- Когда начальник бывает от Бога?

а) Тогда, когда он законно поставлен и творит дело Божие, т. е. следует благу народа и содействует ему в служении истинному Богу...

б) Когда сам начальник признает Бога и поклоняется Ему...

- Когда начальник бывает не от Бога?

- Тогда, когда он не хочет знать истинного Бога и когда незаконно захватывает сию власть...

Вышеприведенные нехитрые истины, по принципу «на воре шапка горит», естественно, выглядели обличительными агитационными выпадами для представителей органов охраны той самой власти, что незаконно завладела правом управлять Россией в ноябре 1917-го и не только не признавала Бога, но и гнала следующих за Христом, лишь на словах содействуя благу народа, а на деле уничтожая его.

Торым по значению явилось утверждение, что именно руководство бывшего Задонского Богородицкого монастыря было инициатором панических разговоров вызвавших сумятицу и давку во время празднования дня памяти святителя Тихона. В обосновании этой позиции елецкие чекисты сумели найти себе помощников из числа рядовых монахов не очень довольных своим положением и белого духовенства, видимо, очень дорожившего не только местом, но и свободой. Показания, полностью подтверждающие чекистскую версию обвинения, дали задонский священник Н. М. Кузьмин, монахи Е. А. Оскин, Е. А. Рогатовский, П. Г. Пивнев, С. Д. Меренков. Все они получили статус свидетелей и благополучно пережили следствие. А вот для «участников контрреволюционной группировки» следствие закончилось судом.

Дело «по обвинению гр-на Стурова Никиты Алексеевича и др. по ст. 58/10 и 58/11 УК» за № 2859 было рассмотрено на заседании Коллегии ОГПУ 26 декабря 1929 года. Коллегия определила *«заключить в концлагерь... с конфискацией имущества доведением до трудовой нормы»*. 20 осужденным выпали сроки от 10 до 5 лет.

Точка в деле № 2859 была поставлена лишь 24 июня 1991 года, когда прокурор Липецкой области А. И. Комраков утвердил заключение о реабилитации невинно осужденных 26 декабря 1929 года.

А потом была война

Старые, еще екатерининской планировки, улицы Задонска получили свои современные наименования практически сразу после Октябрьской революции.

По иронии времени, в православном Задонске большинству улиц, названных в честь личностей, достались имена революционеров из семей инославного (преимущественно — иудейского) вероиспове-

дания. Это Маркс, Бебель, Троцкий (Бронштейн), Володарский (Гольдштейн). Испеченные революцией названия трех улиц впоследствии поменялись. Улица 25 лет Октября первоначально таковой не была, а считалась продолжением 2-й улицы Труда. Лишь когда страна дожидая до соответствующей даты, получила она свое нынешнее имя. Неизвестно точно, когда Пролетарская стала Комсомольской. А вот когда улица Троцкого получила имя не слишком внешне опрятной женщины — вдовы В. И. Ленина Н. К. Крупской, бывшей покровительницей сирот и педагогов, вполне можно догадаться — в конце 20-х. В 1928 году Л. Д. Троцкий, до того считавшийся одним из творцов революции, окончательно был записан в ее враги с почетным первым номером.

И вот что сообщает о нашем городе справочник «Населенные места Воронежской губернии», изданный как раз в 1928 году.

«№ 1640 — г. Задонск — волостной (прежде уездный) центр. Расположен на левом берегу р. Дона, в 89 1/2 км. от г. Воронежа — до ближайшей жел. дор. станции — Дон (Грязи-Орловск. дороги) — 33 км. Население: 887 хозяйств; 5.086 жителей. Пригородные слободы: 1640а - Тешевка - 261 хоз. 1.132 жит.; 1640б - Тюнино - 238 хоз. 1.366 жит. Оба — центры соответств. с/советов.

Предприятия: табачно-махорочная ф-ка, мельница и электростанция. Учебные заведения: 4 школы I ст. (15 препод.), 2 школы II ст. (13 препод.), 1 школа 7-летка (8 преп.) и профтехшкола (10 преп.). Из пригородов: шк. I ст. с 2 преп. в сл. Тешевке.

Лечебные учреждения: больница на 50 коек, при 3-х врачах и 5 лицах мл. медперсонала, а также консультация при 1 враче».

Как можно заметить, тяжелые годы революционные и период военного коммунизма не лучшим образом сказались на численности Задонского народонаселения. Если пригороды практически сохранили прежнюю численность (Тешевка) и даже прибавили (Тюнино), то в Задонск «потерял» около трех тысяч семисот своих жителей...

Да и со статусом уездного центра пришлось расстаться еще в 1924 году, когда 12 мая 1924 года Задонский уезд был упразднен с присоединением его территории к Воронежскому уезду. Правда, 1928 год был последним из «волостного» задонского четырехлетия. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 16 июня 1928 года была образована Центрально-Черноземная область (ЦЧО), включившая упраздненные Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую губернии. В составе ЦЧО оказался и вновь созданный

Задонский район, занимавший 886 квадратных километров. 4 июля 1928 года состоялся первый Задонский районный съезд Советов, который одобрил решение ВЦИК о «районировании».

В 1930 году территории Богородицкого монастыря, окончательно была очищена как от «тихоновцев», так и от «обновленцев». Прекращает свое существование Задонская епископская кафедра, на которой первого епископа Иоанна в мае 1923 года сменил Алексей (Щербаков). Ему последовали Филипп (Власов), Иоанникий (Чекановский) и Андрей (Смирнов).

Среднюю часть территории обители, включая и храмы, отдают под овощесушильный завод. Для его «теплоэнергетики» первоначально решено было использовать торф с «Казацкого болота».

Меж тем, в Задонске, как и по всей, стране жить становится «лучше», жить становится веселей. Разнообразят к концу 1930-х жизнь задонцев представления созданного в 1936 году «Колхозного театра» и крики, периодически доносящиеся из отданного позднее под квартиры здания на улице Урицкого, где квартировала до войны ежовско-бериевская госбезопасность. Школа ремесленных учеников, ставшая училищем, работает по прежнему профилю — готовит токарей. По улицам города прогоняют мычащие стада — работает «Кожсиндикат» («бойня» — по уличному).

13 июня 1934 года Центрально-Черноземная область была разделена на Воронежскую и Курскую и прекратила свое существование. Задонский район отошел к Воронежской области, в составе которой и находился до 1937-го. А в 1937 году район был передан из Воронежской во вновь образованную Орловскую область.

Сам же город, невзирая на административные переподчинения, внешне остается почти прежним. Меняются вывески на зданиях, ветшают опустевшие храмы, разбираются на кирпичи колокольни. Нового строительства не ведется. И так — до войны.

«Война ворвалась в каждый дом» — такими словами начинает свои записки о Великой Отечественной 1941-1945 годов, опубликовавшиеся к 50-летию Победы в «Задонской правде», А. Н. Прокофьев, бывший фронтовой корреспондент.

И продолжает: *«Не обошла война и райкома партии. В это утро его секретарь Николай Николаевич Ляхов почти с рассветом пришел на работу. Он был сильно расстроен и озабочен. А в райкоме уже не смолкали телефоны. В райком пришел военком Дмитрий Иванович Морев. Доклад был кратким: «Начинаем мобилизацию. Объявляем военное положение». А тем временем помощник секретаря райкома партии*

Иван Жирков на коне объезжал город, в экстренном порядке собирался партактив. Город прямо с утра, с первых часов начала войны, был в лихорадочном состоянии, весь в движении: к военкомату нескончаемым потоком ехали на машинах мобилизованные и на этих же машинах они уезжали в Елец. Десятками подъезжали подводы, на которых вместе с мужчинами ехали на проводы их жены, дети, старики и старики. И вся эта масса убитых горем людей представляла собой какое-то невообразимое месиво, в котором трудно было разобраться: кто кого провожает, кто по ком плачет, кто куда едет.

С поразительным оптимизмом держались многие жены, провожавшие своих мужей на смертельную схватку с врагом. И никому не верилось, что захватчики разобьют Красную Армию, поработят русский народ. Они были уверены в скором возвращении мужей и сыновей с войны. Не представляли опасность, нависшую над Родиной, и ребята, которым не хватило времени до призыва. Они собирались группами и с чувством гордости говорили, что наши воины остановят врага, защитят свою землю. Они больше всего боялись, что война быстро кончится, и что им не дорасти до солдатского возраста. Но боялись напрасно. И на их долю войны хватило с избытком».

Узнали, что такое война не понаслышке и те, кто оставался в тыловом, вроде бы, Задонске. Первый раз фронт приблизился к Задонску по осени 1941-го. Некоторым задонцам довелось видеть немецких мотоциклистов-разведчиков. А к лету 1942-го, развернув мощное наступление на юге, немцы вновь захватили стратегическую инициативу.

В воспоминаниях Маршала Советского Союза А. М. Василевского есть такие строки: «К исходу 2 июля [1942 года] обстановка на воронежском направлении резко ухудшилась. Чтобы предотвратить форсирование противником Дона и приостановить дальнейшее продвижение его войск, Ставка передала из своего резерва командующему Брянским фронтом две общевойсковые армии (6-ю и 60-ю. — уточняет Г. К. Жуков), приказав развернуть их на правом берегу Дона на участке Задонск - Павловск».

Противник пробился к Воронежу, и занял его. Бои шли уже в районе Колыбелки Хлевенского района и Сухой Каменки Тербунского района. А поскольку под Задонском и в самом городе располагались воинские части, снабжавшиеся по здешнему мосту через Дон (все на той же «большой Московской дороге»), немцы, естественно, проявляли к округе повышенный интерес. И 5 июля Задонск стал мишенью для бомбовых авиаударов.

Вот что вспоминал об этом житель Задонска, ветеран войны А. И. Маликов: *«Я тогда находился в запасном полку, который располагался в окрестностях города — в урочище «Казенный лес». В воскресный день 5 июля мы увидели немецкие самолеты, направлявшиеся к Задонску со стороны Нижнего Казачьего. Восемь из них отделились от основной группы и направились к понтонному мосту через Дон, чтобы вывести его из строя. Остальные 22 продолжали полет в сторону районного центра. Вскоре со стороны города послышались взрывы».*

5 июля 1942-го было днем воскресным. На Торговой площади, где располагался рынок, базар шумел вовсю. По рассказам очевидцев, сбросив бомбы, немецкие самолеты раз за разом заходили над рынком, расстреливая на бреющем полете беззащитных людей.

Вот как описывает случившееся Л. Т. Турыгина, ветеран труда, жительница с. Колодезское: *«Я рано утром отправилась в Задонск на рынок. Еду купила и решила заглянуть к двоюродной сестре, жившей рядом с рынком. Не успела я зайти к ней и обменяться первыми новостями, как началась бомбежка. Одна бомба упала во двор дома, где жила сестра, но не взорвалась. Мы кинулись в подвал, там и отсиделись, пока бомбы сыпались на рынок. Людей на рынке было много, они бросились врассыпную, но не всем удалось спастись. Там была настоящая мясорубка». «Только на небольшой улице Урицкого погибло тогда 5 человек. Наша авиация бомбить "юнкерсам" не мешала», — рассказывала К. И. Прокофьева.*

Некоторые Задонские старожилы были уверены, что налет спровоцировал проведенный днем ранее «парад» расквартированных в городе частей. А вот что запомнилось М. Т. Подкопаеву, ветерану педагогического труда из Задонска: *«У нас на квартире тогда, летом 42-го, стояла женищина-военврач в звании капитана. К тому времени в Задонске уже был развернут военный госпиталь в здании средней школы № 2. И вот однажды (хорошо помню, это было в самый канун 5 июля) она нам сообщила, что ночью госпиталь срочно съезжает, так как ожидается налет фашистской авиации. Кстати, немцы, которые летали тогда свободно, разбрасывали листовки и о бомбежке тоже предупреждали.*

Утром 5 июля на город был совершен первый налет. А второй налет был днем 6 июля. Меня он застал в том месте, где сейчас располагается здание райотдела внутренних дел. А тогда здесь здание райисполкома стояло. Во дворе были вырыты щели, где можно было укрыться от бомбежки. В одной из этих щелей я и оказался вместе с неизвестным мне капитаном. Бомбы рвались и рядом, и вдалеке от нас, но мы не

пострадали. Хотя стоявшему поодаль под деревом старику срезало осколками кисти рук. Я это отлично видел. Страшная картина. Разрушено было тогда здание, где размещался батальон аэродромного обслуживания на улице Коммуны».

После бомбежек началась паника. Собрав, что поценнее, многие задонцы с семьями двинулись прочь от родных домов, в окрестные деревни и села. Но, так как налеты более не повторялись, то все вернулись по домам.

В конце 1942-го в стране началось массовое патриотическое движение по сбору средств на вооружение Красной Армии и флота. Не остались в стороне и задонцы. В том числе — прихожане вновь открытого в 1943 году городского Успенского собора. Они *«приносили добровольно в Успенскую церковь свои скромные сбережения и молились за здоровье мужей и родственников, за быстрый разгром гитлеровцев»*. Задонские верующие под руководством настоятеля церкви — отца Иоанна собрали крупную сумму денег и сдали их государству на постройку боевого самолета для действующей армии. В том же 1943-ем Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин прислал настоятелю Успенской церкви Иоанну Филиппову телеграмму, в которой сердечно благодарил верующих и настоятеля церкви за собранные средства и передал горячий привет и благодарность. И верующие продолжали сбор денежных взносов в течение 1943-1944 годов. А еще собрали для фронтовиков большие партии теплых вещей и получили от воинов за это несколько благодарностей.

Как сообщает А. Н. Прокофьев в документальном очерке, посвященном этим событиям, настоятель, отец Иоанн, за постройку боевого самолета и сбор теплых вещей, а также помощь фронту из личных сбережений был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941 -1945 г.г.».

Не остались в стороне от массового патриотического движения и учащиеся задонских школ. *«Осенью 42-го по инициативе Орловского обкома комсомола начался сбор средств на строительство танковой колонны имени Орловских партизан и танка имени Героя Советского Союза Шуры Чекалина. Одними из первых включились в сбор средств учителя и учащиеся Задонской городской средней школы (в то время она располагалась в здании, где сейчас находится районная библиотека). Учащиеся и комсомольцы школы за короткий срок внесли свой вклад — 27 689 рублей. Это была большая по тому времени сумма. И складывалась она из металлолома»*. Вскоре после отправки вырученных за металлолом денег директор школы А. В. Севастьянов на тор-

жественной линейке огласил текст телеграммы: *«Задонск, Орловской области. Директору средней школы тов. Севастьянову, секретарю комитета ВЛКСМ тов. Пузиковой, старшей пионервожатой тов. Яковлевой, пред. учкома тов. Успенской. Прошу передать учителям и учащимся Задонской средней школы, собравшим 18134 рубля на строительство танковой колонны имени Орловских партизан и 9555 рублей на строительство танка имени Героя Советского Союза Шуры Чекалина, мой горячий привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин».*

Летом 1943-го, когда Задонск был включен в зону базирования Резервного фронта, созданного в связи с подготовкой сражения на Курской дуге, наш город посетил командовавший кавалерией Красной Армии, Маршал Советского Союза С. М. Буденный. Отстанавливался он в доме на углу улиц Урицкого и Маркса.

А в доме на улице Урицкого, том, что по преданию, построен из бревен от кельи святителя Тихона, чудотворца Задонского, жила в то время Мария Матвеевна Фролова — многодетная мать, разделившая со всей страной радость Победы, но так и не дождавшаяся с фронта шестерых сыновей.

В статье «Плач журавля», опубликованной газетой «Воронежская неделя» в 2002, приводится рассказ безымянного очевидца о том как встречали Победу в Задонске. *«Мне было семь, когда кончилась война. Жили мы тогда с матерью в Задонске. И вот однажды рано утром кто-то с криком сильно забарабанил в окно. Мы выскочили на улицу, а там кругом люди ходят, кричат: "Вставайте, война кончилась!". Все радовались, обнимались, целовались, поздравляя друг друга. Откуда-то появилась гармошка. Чего тут только не было: песни, частушки, смех, слезы...глянул на мать, а она плачет. И я закричал, заревел. Меня стали успокаивать, а в это время с неба послышался громкий и печальный голос. Все взглянули вверх, а там большая птица, журавль, кружа над городом и Доном, уходила все выше и выше и вскоре исчезла в небе. Замолкли гармошка и смех, а вдовы завывали на разные голоса: "Это души наших погибших прощаются навсегда с нами". Такого громкого, дружного, исходящего откуда-то из глубины души плача я больше никогда не слышал»...*

Пока не встряхнула перестройка

В первые послевоенные годы в облике Задонска перемен не происходит. Разрушенному войной государству не хватало сил и средств, чтобы восстановить спаленное пламенем военного пожара. До уст-

ройства ли райцентров тут было?! Поначалу радовались задонцы хотя бы тому, что город вернулся к привычному предвоенному ритму жизни. А потом, пообвыкнув, стали замечать и недостатки.

В 1950 году единственная городская водокачка работала с 9-10 часов утра и в 17.00 уже «закрывалась». И многие задонцы *«не могут вовремя набрать воды»* с возмущением писала районная газета *«За победу коммунизма»*. Не на всех улицах было электрическое освещение. Только в 1952 году закончили электрифицировать улицу Карла Маркса. А «свет» по-прежнему давала единственная городская электростанция, на которой еще в 1938 году поставили более мощный движок.

В 1952 году было выделено 7 миллионов рублей на первое после революции крупное строительство в Задонске — возведение *«нового трехэтажного здания техникума»*. Масштабную, и не только по задонским меркам, стройку завершили через 10 лет.

А 6 января 1954 года Задонску и его жителям довелось пережить очередное административное переподчинение. Была образована Липецкая область, куда вошел и Задонский район. На этот раз сменой вывесок дело не ограничилось. В составе динамично развивавшегося нового территориально-административного образования Задонский район и его центр пережили заметные перемены к лучшему.

Хотя сначала Задонск лишился одного из своих красивейших зданий некультового характера — «тюремного замка». Под предлогом ветхости это весьма интересное архитектурно, видное издалека здание на рубеже 1960-х годов было снесено. Теперь уже трудно сказать наверняка — действительно ли постройка, более чем полутора-вековой давности, дала такие трещины, что ремонт был невозможен или тут сказалось нежелание коммунистической власти иметь перед глазами напоминание о «старом режиме». На образовавшемся пустыре позднее разместился пищекомбинат районной потребительской кооперации, в цехах которого делали колбасу, а еще — смешивали и разливали по бутылкам лимонад.

В 1960 году попрощался Задонск и со своей электростанцией. Город наконец подключили к магистральной высоковольтной линии. Но прошло еще несколько лет, пока проблемы с подачей электроэнергии ушли в прошлое. В 1962-ом из-за серьезного сбоя на линии город три дня оставался «без света».

Вынужденно простаивали в те дни консервно-сушильный и маслодельный заводы, хлебокомбинат и типография, не имевшие резервных источников питания. Помимо упомянутых предприятий чис-

лится в Задонске и райпромкомбинат, выпускавший столярные изделия, мебель, черепицу, *«добывающий известняк»*.

За задонскими окнами зажигаются первые «голубые огоньки». И в 1962 году, когда здесь открывают телемастерскую, в частном пользовании насчитывается уже 40 телевизоров.

В 1962 году окончательно приобрело современный облик здание, долгие годы служившее культпросветучилищу — бывший особняк купца Галкина, ныне занятый начальными классами Задонской средней школы №2. Частичные изменения *«дома бывшего Галкина»* имели место в 1927 году, когда он был капитально отремонтирован с пристройкой второго этажа для передачи *«Задонской 7-летней опытно-показательной школе»*. И вот, четверть века спустя, в этот дом, где теперь размещалась *«культпросветшкола»*, вновь пришли проектировщики и строители. К основному зданию, со стороны двора, пристроен был концертный зал, над южным крылом надстроили второй этаж.

А в марте 1963 *«трудящиеся Задонска получили хороший подарок — новое здание комбината бытового обслуживания»*. Там имелись *«цех индивидуального пошива, художественная и сапожная мастерские, пункт приема химчистки»*. Это — здание из красного кирпича по улице Володарского, отданное ныне под квартиры.

Постепенно центральные улицы Задонска покрываются асфальтом. Но, чуть в стороне — типичные картинки провинциального, только по названию «городского» быта, мало изменившегося за четыре с небольшим десятилетия Советской власти. Районная газета гневно замечает, что жители улиц Крупской, Карла Маркса, Ленина, Комсомольской, Максима Горького *«люют помои прямо на улицу, где бродят куриные, гусиные стада, отары овец»*.

К счастью, проезжие и приезжие этого уже не видят. Старую автостанцию, на месте которой по улице Ленина сегодня выстроены частные особняки, сменила ныне существующая — междугородные автобусы идут теперь по улице Коммуны. А по городским улицам в середине 1960-х пускают 2 автобуса внутренних маршрутов. Чуть позже на улицах появляются и специально оборудованные автобусные остановки.

Заходит речь и о строительстве многоквартирных домов. Строится 24-х квартирный дом по улице Советской. Внедряется строительство «хозспособом» домов на несколько квартир различными организациями и предприятиями для своих работников. В то же время на одной из сессий райсовета 1966 года отмечается, что *«район и осо-*

бенно город плохо осваивают капитальные вложения на строительство жилья, очень низко качество строительных работ». А вот райпотребсоюз, торговый монополист тех лет, не стесненный современной конкуренцией частных предпринимателей, недостатка в средствах не испытывающий, новые магазины строит охотно. И в 1966 году закладывает и сегодня не состарившееся здание «Универмага», используемого ныне как крытый продуктовый рынок.

Одновременно разворачивается весьма крупное строительство на площади Революции (бывшей Монастырской) — так в те годы именовался большой пустырь, где сегодня разместился парк Победы и Районный Дом культуры. Как раз последний и начинают строить в 1966-ом.

А парк Победы уже существует. И 9 мая 1966 года здесь торжественно открывают обелиск памяти задонцев и жителей района, павших на фронтах Великой Отечественной. В тот день прозвучал салют из стрелкового оружия.

В 1967 году партийно-советское руководство района, с одобрения областного, решает, что *«у Задонска прекрасное будущее; он должен стать курортным центром Липецкой области»*. В город прибывает группа архитекторов из «Ленгипрогора», чтобы спланировать город-сад. И этот план рождается, но, так и остается планом. Возможно, к счастью для Задонска и задонцев.

Куда более практично-полезной была другая инициатива местной власти — идея газификации Задонска, где было сплошь печное отопление и только-только начал получать хождение в быту газ баллонный.

Затея с газификацией была довольно дерзкой — ведь в начале 1970-х природный газ еще пришел даже не во все районы Московской области. Но райисполком, который возглавлял тогда В. А. Котуков, решил «зацепиться» за то, что магистральный газопровод должен был пройти совсем рядом — в районе Кашар.

«Пробивание» вопроса было поручено молодому и инициативному заместителю председателя райисполкома — В. В. Морозову, имевшему техническое образование. Его облекли полномочиями и снабдили должной материальной поддержкой, во все века полезной при ходатайствах в высоких кабинетах. С порученным Морозов справился. В июне 1971 года проект на прокладку «Задонского» газопровода был, наконец, закончен. Потом было согласование в «Союзгазспецстрое» на включение Задонска в план работ на 1972 год, решение вопросов с поставками труб и иные бес-

численные, но не безрезультатные хлопоты. И *«Уже к концу 1972-го газопровод подошел к Задонску, а в апреле 1973-го, когда была сдана газораспределительная станция в районе автодрома, состоялась пуск газа. Предварительно по трубе от Кашар до Задонска под давлением 35 атмосфер прогнали так называемый ерш с той целью, чтобы очистить ее от всякого мусора. Зрелище, когда он с шумом вылетал из трубы в районе ГРС, было довольно эффективным»*, — вспоминал в 2003 году В. В. Морозов.

А 9 мая 1973 года, во время митинга по случаю Дня Победы, у обелиска памяти павшим в парке Победы зажжен был Вечный огонь, запитанный от подведенной к Задонску «газовой трубы». Торжественное зажжение огня доверено было проживавшему в Задонске Герою Советского Союза Г. Ф. Иванову.

Несколькими днями ранее — 1 мая — в Задонске *«было сразу два торжественных события. Сначала, как и полагалось в те годы, отпраздновали День международной солидарности трудящихся, а затем десятки людей пришли в городской парк. Здесь первый день последнего месяца весны ознаменовался торжественным пуском объекта, который вывел Задонский район в лидеры среди сельских районов области по развитию массовой физической культуры и спорта. Объект этот — спортивный зал (ныне — ДЮСШ), сооружение которого в одном из красивейших и уютнейших уголков Задонска заняло отрезок времени длиной в пять лет»*.

В 1973-ем завершилось наконец и с большим трудом ведшееся строительство Дома культуры на 600 мест. Первоначально сдать его планировали к 50-летию октябрьской революции. Но подзадержались на 6 лет... И в 1974-ом объект, строившийся вкривь и вкось, торжественно и со вздохом облегчения был сдан.

Спустя год в Задонске завершают первую пятиэтажку — общежитие местного техникума. Возводит ее, как и многие другие городские объекты того времени, специально созданное для нужд райцентра строительное предприятие — ПМК-226.

Активно строят жилье для своих рабочих и иные, неспециализированные предприятия. В частности — ПМК «Липецкводмелиорация» и «Сельхозхимия». Так появляются «пеэмковский» и «химовский» микрорайоны.

Но только ельчане на рубеже 1980-х сдадут в Задонске две пятиэтажки «под ключ», показав пример местным строителям, после которых новоселы еще долго доводят до ума часто даже неоштукатуренные стены.

Правда, не всех новостройки радуют. По пресловутому плану «Ленгипрогора» застройка ведется внутриквартальная, а значит — у владельцев частных домов отрезают сады и огороды.

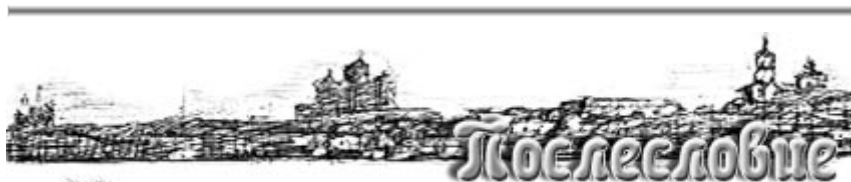
Строительный бум, впрочем, не заслоняет роста местной промышленности, хоть и малой, но существующей и дающей существовать своим работникам. После постройки новых мастерских для Задонского техникума электрификации и механизации сельского хозяйства, на базе освободившихся старинных мастерских ремесленной школы организовывается цех Воронежского завода цветных телевизоров — предприятие радиоэлектронной отрасли — завод «Цветрон», первоначально — как объект «номерной», засекреченный. Нарращивает производство специализирующийся на швейной продукции и изготовлении школьной мебели Задонский райпромкомбинат. Такая продукция овощесушильного завода, как смородиновое варенье, томатный соус и кабачковая икра пользуются стабильным спросом, реализуясь успешно даже в магазинах Москвы.

Улицы и городские тротуары покрываются асфальтом. Во многом — усилиями студенческих строительных отрядов. Активно ведется прокладка различных городских коммуникаций.

К началу 1980-х обретает свой облик центр Задонска. Сильно помогает городским и районным властям в успешной «административной» застройке то, что городок у Дона признан годным, чтобы стать резервной базой для областного руководства «на случай ядерной войны». А потому все новые административные здания строятся на совесть — вдруг придется въезжать в их кабинеты начальникам более высокого уровня. Про ядерную войну сегодня подзабыли, а вот добротные здания остались.

В общем, послевоенные, а вернее — послесталинские десятилетия оказались для Задонска не самым худшим временем его истории, а главное — город сделал-таки шаг вперед в своем развитии. И шаг был широкий. Остановила его перестройка, разморозившая скованную льдом коммунистической идеологии свободу и повергнувшая «застоявшуюся» экономику в необходимый, но так тяжело пережитый и еще переживаемый хаос обновления.

ожно сколь угодно долго сокрушаться о бедах, которые принесла перестройка Задонску. Он потерял свою и без того не слишком развитую, но предоставлявшую рабочие места промышленность. Лишился областного училища культуры. В 1993 году под сомнение поставлен был и сам городской статус — управление городскими делами отошло к отделу районной администрации. Слова «горсовет» и «горисполком» исчезли из повседневного лексикона задонцев. И все же город выжил. Более того, с началом XXI века, оставившего в прошлом и перестройку, и ельцинское лихолетье, в жизни Задонска наместились явные перемены к лучшему.

И тут можно отметить две тенденции. Одна связана с ожиданиями, вызываемыми мерами, которые принимают федеральные, региональные и местные власти по исправлению промахов и ошибок «времени перемен». А потому скоро вернется в Задонск самостоятельное городское управление; определенное основание имеют под собой надежды на возвращение училища культуры; да и возрождение промышленности вполне возможно, пусть и не в форме прежних, оказавшихся неконкурентноспособными в современных условиях производств.

Но есть, помимо ожидания исполнения добрых обещаний, в жизни города и другое — перемены к лучшему. В Задонске выстроен, оборудован и действует современный медицинский комплекс, позволяющий обеспечить должный уровень как амбулаторного лечения, так и пребывания больных на стационаре. Начало строится жильё при участии властных структур, что позволяет хоть и не в прежних масштабах, но начать сокращать очередь на получение квартир. Активно развивается частное предпринимательство, сокращая списки в Центре занятости. Строятся первый в области бассейн для райцентра и лыжная база, позволяющая проводить соревнования хоть областные, хоть республиканские.

Наиболее же наглядно то, что так хорошо Задонск не выглядел ни перед Первой Мировой войной, породившей революцию, ни перед перестройкой, породившей Ельцина с равно разрушитель-

ными последствиями. И это при том, что район является дотационным, получающим подпитку из бюджета области...

А все дело в том, что перестройка, отняв у Задонска многое, вернула ему главное — Задонский Богородицкий монастырь, а за ним — и другие некогда славные среди богомольцев монастыри «Русского Иерусалима». Решение «*о передаче в Задонске здания Владимирского собора местной религиозной общине*» было принято исполкомом Липецкого областного Совета народных депутатов 23 августа 1989 года. В этот день под документом поставил свою подпись председатель облисполкома В. В. Донских.

И 26 августа 1990 года совершается первое богослужение во вновь открытом Владимирском соборе Богородицкого монастыря. 26 августа 1991 года в Задонск, под покров Владимирского собора, торжественно возвращены были мощи святителя Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского. А зимой 1992 года был утвержден гражданский устав старинной обители, возрожденной под новым названием: «Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь».

В 2003 году, 7 мая, постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви была создана епархия Липецкая и Елецкая, административно совпадающая с границами Липецкой области. И Задонская обитель теперь — крупнейший монастырь новооснованной епархии. Богородицким священноархимандритом является епископ Липецкий и Елецкий Никон (Васин), архиерей, чьи трудами старинная обитель была возрождена из руин и вновь обретает былое величие.

С возвращением в городскую жизнь монастыря, Задонск вернул прежнюю известность как центр религиозный, привлекая паломников и туристов. Это и заставляет руководство Липецкой области уделять непромышленному Задонску особое внимание на благо и городу, и его жителям...

Прогулка по старому Задонску

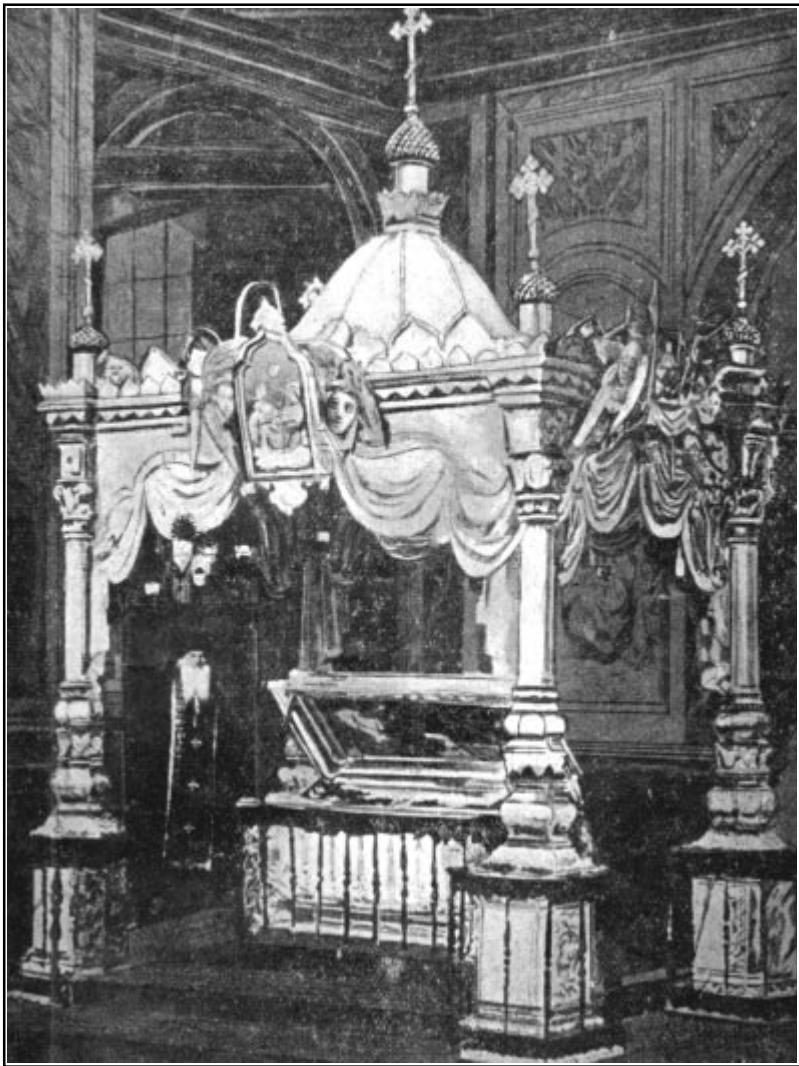

Впервые публикуемый план города Задонска с окрестностями, в центральной части повторяющий Генеральный план, Высочайше утвержденный 19 марта 1782 года. Пунктирной линией на фоне прямых кварталов показана реально существовавшая в конце XVIII в. застройка. На отмеченной широкой линии дороге вдоль Дона, мимо Казацкого болота, написано: «Большая дорога из города Воронежа»

Тихонъ Задоискій

*Автограф святителя Тихона
и гравюра с его прижизненного портрета, написанного
по поручению Платона, митрополита Московского*

*Рака во Владимирском соборе, в коей до 1922 года
сохранялись мощи святителя Тихона, и сень над нею,
изготовленные из чеканного серебра.
Работа художника-ювелира Ф. А. Верховцева.*

*Храм, построенный
на месте келий св. Тихона*

*Полководец
Н. Н. Муравьев-
Карский, похороненный в
Богородицком
монастыре*

*Архимандрит Геронтий
(Кургановский)
в бытность свою иеромонахом
Задонского
Богородицкого монастыря
составивший подробнейшее
описание обители.*

*Редактор газеты
«Задонский листок»
М. В. Эпельман*

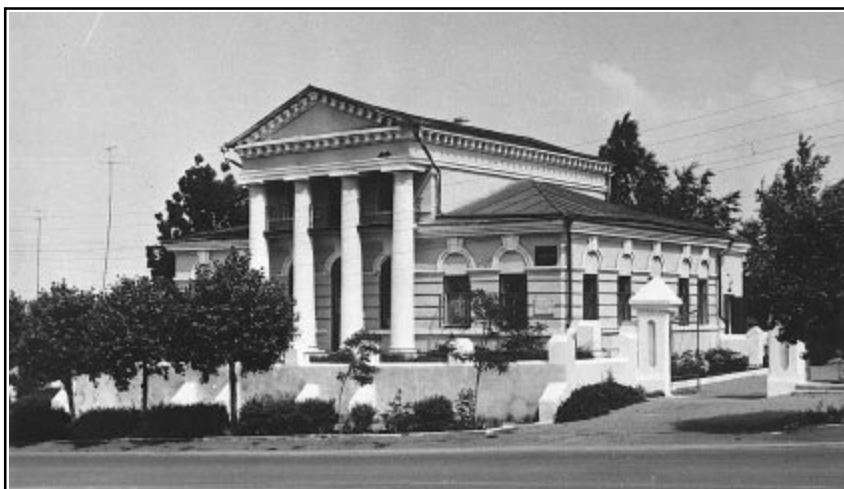

*Снимки, публикуемые на этой странице,
сделаны с колокольни городского Успенского собора.
Верхний дает представление о городской панораме к востоку
от места съемки, нижний — к западу.*

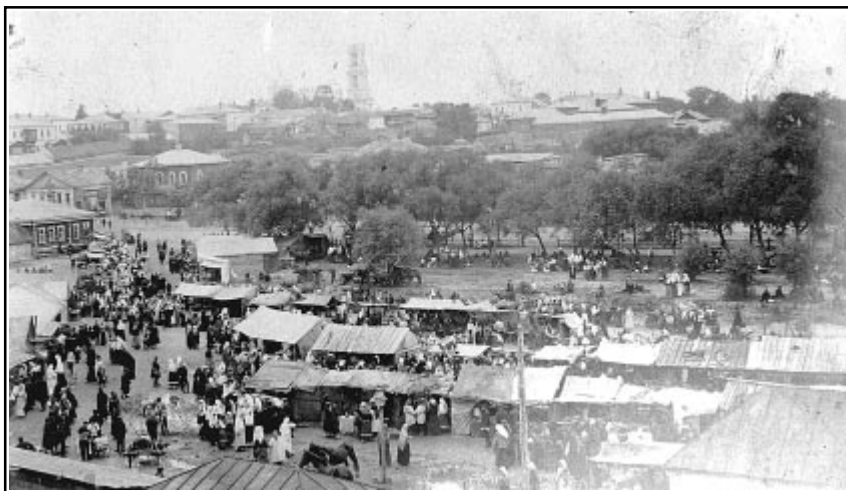
Задонский «тюремный замок» и часть современной улицы Карла Маркса. В этом же здании размещались казначейство и полицейский участок.

Этот снимок «Дома Ульриха» сделан уже в советское время, но в довольно ранний период, когда памятник еще не испытал на себе воздействия времени.

Два берега Тешевки: у «Мойки» и знаменитые некогда «Пески» — городские «обжорные ряды», где можно было перекусить и приобрести что-нибудь из ходового товара. Угловой дом слева принадлежал Осипу Тагинцеву, в чайной или трактире предков которого отобедал по местной легенде А. С. Пушкин

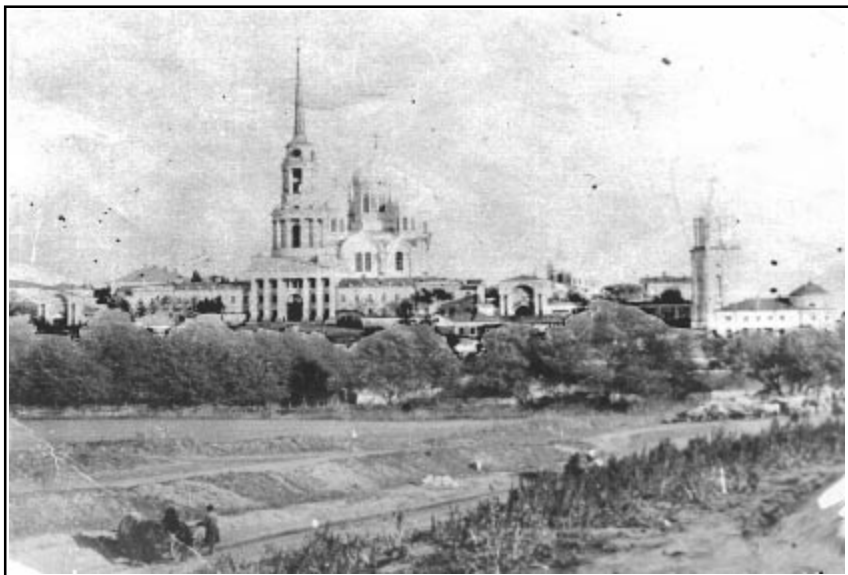

Здание Задонской земской управы.

Городской парк, о котором о. Геронтий отзывался так: «существует здесь прекрасный общественный сад, под сенью которого свободный любитель природы, а с ним и трудящийся обыватель города, в часы досуга находят для себя приятную прохладу и освежающее успокоение духа, отягченного обыденными заботами жизни». В конце аллеи видна церковь во имя святителя Тихона Амафунтского.

Парадный въезд в Задонск по Воронежскому шоссе из-за Дона

*Так выглядела современная улица Ленина
ниже городской средней школы № 2 (бывшей гимназии).*

Эти два снимка показывают, как проходили торжества в день памяти св. Тихона. Выход крестного хода из ворот Владимирского собора и проход по Монастырской площади.

Как эмоционально замечал иеромонах Геронтий: «в настоящее время, при общей гармонии величественных монастырских зданий, башни эти составляют величайшую красоту, особенно если смотреть на монастырь из-за реки Дон, с Московского шоссе».

Храм во имя иконы Матери Божией Живоносный Источник, выстроенный на средства помещицы А. В. Демидовой на святом источнике близ Каменной горы

Список рекомендуемой литературы

(с учетом хронологии рассматриваемых периодов)

1. Липецк: начало истории. Сборник статей. Липецк., 1999.
2. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. М.—Л., 1950.
3. Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.
4. Введенский С. Н. Хозяйственная деятельность Тешевского (Задонского Богородицкого) монастыря на Донской Украине в XVII и в первые годы XVIII века. // Воронежская старина. Вып. 5. Воронеж, 1904.
5. Клокман Ю. Р. Социально экономическая история русского города (вторая половина XVIII века). М., 1967.
6. Геронтий. Историко—статистическое описание первоклассного Задонского Богородицкого монастыря. СПб., 1893.
7. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. М., 1993.
8. Рудаков Л. Е. По следам легенд. Воронеж, 1986.
9. Морев Л. А. Светоч благодатный. Липецк, 2001.
10. Морев Л. А. Задонский мужской монастырь. 2004.

ПРИМЕЧАНИЕ. Тем, кто более глубоко и профессионально интересуется вопросами истории Задонска, например, студентам, избравшим историю родного города темой курсовой или диплома, мы можем рекомендовать обратиться к материалам «Памятных книжек Воронежской губернии», издававшимся с 1856 года. «Книжки» содержат не только любопытные статистические сведения за отчетные годы, но и ценные материалы по более ранней истории края. Так, в выпусках 1908—1909 годов опубликованы платежные, переписные и межевые книги Засосенского стана Елецкого уезда начала и середины XVII в.

Ряд весьма интересных документов по истории Богородицкого монастыря можно найти в выпусках «Воронежской старины». Полезные сведения по истории города содержатся в «Журналах Задонского уездного земского собрания». Немало документов ждут исследователя в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. В Липецком областном архиве практически не исследован довольно обширный фонд Р-92, содержащий документы Задонского уисполкома за 1919-1924 годы...

Дореволюционные и современные названия улиц Задонска

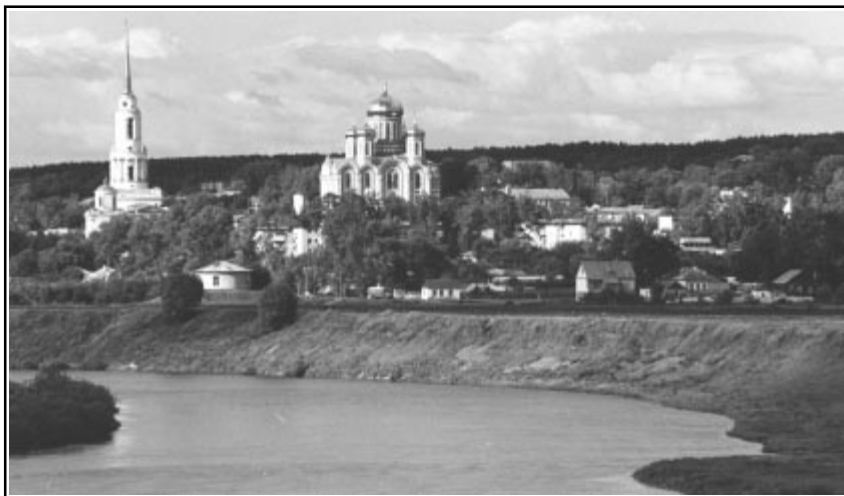
(Список составлен С. Г. Заворькиным)

МАРЬИНА – Рабочая
ЛЕБЯЖЬЯ – Максима Горького
МАЛОДВОРЯНСКАЯ – Свободы
МОНАСТЫРСКАЯ – Коммуны
ОДНОЛИЧКА – Одноличка
ЯМСКАЯ – Ленина
МОСКОВСКАЯ – Советская
БОЛЬШАЯ МЕЩАНСКАЯ – Урицкого
СРЕДНЯЯ МЕЩАНСКАЯ – Комсомольская
МАЛАЯ МЕЩАНСКАЯ – Семашко
ДВОРЯНСКАЯ – Карла Маркса
СОБОРНАЯ – Крупской
РАЗНОЧИНСКАЯ – Бебеля
МАЛАЯ РАЗНОЧИНСКАЯ – Труда
ПЕРВАЯ ОСТРОВСКАЯ – Володарского
ВТОРАЯ ОСТРОВСКАЯ – 25 лет Октября

ПРИМЕЧАНИЕ. Были в городе и три площади. Одна – Базарная – на месте нынешней Торговой, обустроенная.

Две других: Монастырская (ныне здесь сквер Победы, кафе «Дорожное» и районный Дом культуры) и Ярмарочная (предположительно располагавшаяся в районе «обжорных» рядов на Песках, где сейчас детская площадка у моста через Тешевку на улице Карла Маркса) были просто незастроенными пустырями.

Содержание

Введение	3
Глава I. На извилистых тропах краеведения	
От времен древнейших	5
А что там, за словом «Тешев»	13
Глава II. От старцев Кирилла и Герасима	
О чем рассказала икона	24
За Филиппом Тюниным	33
Монастырь, да к нему — слободка	36
При дороге, на перевозе	39
С «хозрасчета» на «бюджет»	46
Глава III. Указом матушки Екатерины	
По требованию местных выгод	51
Первые годы задонские	55
Город строится	61
Заботы мирные и военные	66
Глава IV. Русский Иерусалим	
Обретены нетленными	75
Черепица и кирпич здесь дешево	81
У дверей Синода	88
Великое открытие	92
Под скромным гранитным надгробьем	99
Монастыри строятся	103

Глава V. О чем хлопотало земство	
От железных путей в стороне	109
Для удобства помещения больных	114
Дом, который построило земство	118
Глава VI. На рубеже веков	
Императора лицезрев	123
Вступая в новое столетие	131
Глава VII. От революции до революции	
И всерьез, и... по пьянке	137
«Бунт» в ремесленной школе	142
В годы всероссийских юбилеев	146
Под звуки автомобильного клаксона	154
Глава VIII. Под власть Советов	
После февраля 1917-го	158
При поддержке товарища Клявина	161
«Задонск. Исполком. Болдыреву.»	165
Глава IX. Как Задонск к большевикам привыкал	
Кошунство	170
Белоказак у нас не задержались	174
Глава X. Когда отшумела гражданская	
...И стал монастырь бывшим	179
А потом была война	187
Пока не встряхнула перестройка	193
Послесловие	199
Прогулка по старому Задонску (фотоальбом)	201
Список рекомендуемой литературы	212
Дореволюционные и современные названия улиц Задонска	213

Морев Л. А.

**ПОД ПЕРЕЗВОН
КОЛОКОЛЬНЫЙ...**

Издание второе, переработанное и дополненное

*Издание подготовлено к печати автором,
включая набор, оформление, компьютерный дизайн,
вёрстку и корректуру*

ЛР № 010177 от 3.02.97 г.

Сдано в набор 19.08.99 г. Подписано в печать 14.09.99 г.
Формат 110x170 1/16. Объём 12 п. л. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ 2525.

Отпечатано в типографии
Липецкого издательства Госкомпечати РФ,
Липецк, ул. Московская, 83. Тел. 25-40-48